

Регионология

Том 33, № 4. 2025 (октябрь – декабрь)

Сквозной номер выпуска – 133

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

Электронная редакция: <https://journals.rcsi.science/2413-1407>

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 33, no. 4. 2025 (October – December)

Continuous issue 133

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

Online editorial office: <https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Регионовология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Science Citation Index*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)

Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)

International Relations (Political Sciences)

Economic Sociology (Social Sciences)

Demography (Social Sciences)

Demography (Economic Sciences)

Political Sociology (Social Sciences)

Political Sociology (Political Sciences)

Sociology of Culture (Social Sciences)

Sociology of Management (Social Sciences)

Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Regional and Branch Economics (Economic Sciences)

World Economy (Economic Sciences)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь, кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножко Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталья Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, и.о. директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и международных процессов Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Швайба Дмитрий Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, заместитель генерального директора ЗАО «Белнефтехстр», ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Минск, Республика Беларусь; Пермь, Российская Федерация)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya V. Shumkova – Executive Editor, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya L. Antonova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bakhlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr.Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor of the Chair of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Valeriia V. Kulibanova – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolubova – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Chief Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Economic Theory and International Processes, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr.Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Dzmitry N. Shvaiba – Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University, Deputy General Director of ZASO Belneftestrakh, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Minsk, Republic of Belarus; Perm, Russian Federation)

Serghei L. Sprincean – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuro-marketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Acting Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

Л. Р. Рустамова, Х. де Х. Кальдерон Антон Особенности парадипломатии России на постсоветском пространстве (на англ. яз.)	578
---	-----

И. Е. Ильина, Р. С. Богатова, Е. А. Воронцова Научное сотрудничество России со странами Ближнего Востока и Северной Африки: вызовы и перспективы	594
---	-----

П. Лю Основные направления арктической политики в докладах «мозговых центров» США	615
--	-----

Региональная и отраслевая экономика

Е. Н. Макаренко, С. Г. Тяглов, А. В. Шевелева Влияние санкций на стратегии устойчивого развития нефтегазовых компаний: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта	634
--	-----

С. Е. Демидова, Ю. Г. Тюрина, О. Б. Буздалина Оценка влияния туристической отрасли на региональный экономический рост в периоды системных ограничений и восстановления	659
---	-----

С. Н. Яшин, Л. П. Зенькова, Е. В. Кошелев, А. А. Иванов Инновационный рейтинг регионов в радиоэлектронной промышленности: построение и верификация с использованием машинного обучения	678
---	-----

Е. С. Соколова Оценка эффективности транспортной системы РФ: анализ динамики и перспективы развития	697
--	-----

Социальная структура, социальные институты и процессы

О. А. Богатова Рамки памяти провинциальной студенческой молодежи о массовых политических репрессиях: между семейными нарративами и цифровыми экосистемами	715
--	-----

Е. И. Початкова, М. В. Певная Общественно значимые ценности в оценках молодежи: эмпирическое исследование восприятия деятельности государственных служащих Свердловской области	735
--	-----

Л. Н. Курышова, М. Ю. Бареев, О. Н. Курмышкина Динамика этно-конфессиональной идентичности жителей Республики Мордовия	754
---	-----

Информация для авторов и читателей	771
---	-----

CONTENTS**International Relations**

L. R. Rustamova, J. de J. Calderon Anton Specifics of Russian Paradiplomacy in the Post-Soviet Space (in Eng.)	578
---	-----

I. E. Ilina, R. S. Bogatova, E. A. Vorontsova Scientific Cooperation between Russia and the MENA Countries: Challenges and Prospects	594
---	-----

P. Lv Main Directions of Arctic Policies in Reports by US Think Tank	615
---	-----

Regional and Branch Economics

E. N. Makarenko, S. G. Tyaglov, A. V. Sheveleva The Impact of Sanctions on Sustainable Development Strategies of Oil and Gas Companies: A Comparative Analysis of Russian and International Experience	634
---	-----

S. E. Demidova, Yu. G. Tyurina, O. B. Buzdalina Assessing the Impact of the Tourism Industry on Regional Economic Growth During Periods of Systemic Restrictions and Recovery	659
--	-----

S. N. Yashin, L. P. Ziankova, E. V. Koshelev, A. A. Ivanov Innovative Rating of Regions in the Electronic Industry: Construction and Verification Using Machine Learning	678
---	-----

E. S. Sokolova Assessing the Effectiveness of the Russian Transport System: Analysis of Dynamics and Development Prospects	697
---	-----

Social Structure, Social Institutions and Processes

O. A. Bogatova The Frames of Provincial Student Youth's Memory of Mass Political Repression: between Family Narratives and Digital Ecosystems	715
--	-----

E. I. Pochatkova, M. V. Pevnaya Public Values in Youth Assessments: An Empirical Study of Perceptions of the Activities of Civil Servants in the Sverdlovsk Region	735
---	-----

L. N. Kuryshova, M. Yu. Bareev, O. N. Kurmyshkina Dynamics of Ethno-Confessional Identity of Residents of the Republic of Mordovia	754
---	-----

Information for Authors and Readers of the Journal	771
---	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ /
INTERNATIONAL RELATIONS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.578-593><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/ljuzfa>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 327.3(470+571)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Specifics of Russian Paradiplomacy
in the Post-Soviet SpaceL. R. Rustamova^a ✉ J. de J. Calderon Anton^b^a *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)*^b *University of Seville (Seville, Spain)*
✉ leili-rustamova@yandex.ru

Abstract

Introduction. The start of a special military operation in 2022 led to a rethinking of the priorities for the development of subnational foreign relations and an aggravation of the problem of lack of interaction with Russia's closest partners, the former territories of the USSR, which actualizes the study of the features of the paradiplomacy in the post-Soviet space. The purpose of the article is to study the specifics of paradiplomatic relations with the regions of the former Soviet republics and their participation in the development of integration processes.

Materials and Methods. The empirical basis of the study was formed by the available publications on the topic of interregional relations, the main documents regulating paradiplomatic relations, as well as materials from the websites of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, institutional platforms through which external relations between regions and cities are carried out. The following methods are applied: historical and descriptive, comparative and qualitative content analysis.

Results. It has been revealed that the transition of the regions from solving purely practical development issues within the framework of a paradigm shift to participating in integration projects began after the growing interdependence required progressive movement towards the introduction of further mechanisms for the freedom of movement of people, goods and services. After 2022, the regions became more actively involved in paradiplomacy with the countries of the former Soviet Union, because they could help compensate for the lost supplies of goods, as well as fill the gap in cultural and leisure activities. It is determined that the objective prerequisites for interest in paradiplomacy in the post-Soviet space were the growth of interaction with business structures and societies in the wake of relocation, as well as demand from government structures.

Discussion and Conclusion. The events of 2022 showed that there are significant limitations to paradiplomacy as a tool for influencing international relations, but it is a real tool for moving integration from below,

© Rustamova L. R., Calderon Anton J. de J., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

through the involvement of local governments in solving common problems in the field of governance, socio-economic and problems related to cross-border threats in the post-Soviet space. The factors of trust in regional players as intermediaries of integration are the participation of representatives of non-governmental structures in projects of paradiplomacy, their focus on solving common development problems, taking into account territorial specifics. The results of the work can form the basis for further research, and will also be useful in developing foreign policy decisions by ministries and departments responsible for regional foreign relations in the post-Soviet space.

Keywords: paradiplomacy, sister cities, post-Soviet space, integration, socio-economic standard of living of the population, public diplomacy, cultural diplomacy

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Rustamova L.R., Calderon Anton J.deJ. Specifics of Russian Paradiplomacy in the Post-Soviet Space. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(4):578–593. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.578-593>

Особенности парадипломатии России на постсоветском пространстве

Л. Р. Рустамова ¹ ✉, Х. де Х. Кальдерон Антон ²

¹ *Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)*

² *Севильский университет (г. Севилья, Испания)*
✉ leili-rustamova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Начало специальной военной операции в 2022 г. повлекло за собой переосмысление приоритетных направлений развития субнациональных внешних связей и обострение проблемы отсутствия взаимодействия с ближайшими партнерами России – бывшими территориями СССР, что актуализирует изучение особенностей парадипломатии на постсоветском пространстве. Цель статьи – исследование специфики парадипломатических связей с регионами бывших советских республик, их участия в развитии интеграционных процессов.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования образовали имеющиеся публикации по теме межрегиональных связей, основные документы, регулирующие парадипломатические связи, а также материалы с сайтов Министерства иностранных дел РФ, институциональных площадок, через которые осуществляются внешние связи регионов и городов. Применены методы: историко-описательный, сравнительный и качественный контент-анализ.

Результаты исследования. Выявлено, что переход регионов от решения сугубо практических вопросов развития в рамках парадипломатии к участию в интеграционных проектах начался после того, как растущая взаимозависимость потребовала обеспечения поступательного движения к внедрению дальнейших механизмов свободы передвижения людей, товаров и услуг. После 2022 года регионы стали активнее участвовать в парадипломатии именно со странами постсоветского пространства, потому что они могли помочь компенсировать утраченные поставки товаров, а также восполнить пробел в культурно-досуговых мероприятиях. Определено, что объективными предпосылками интереса к парадипломатии на постсоветском пространстве стали рост взаимодействия с бизнес-структурами и обществами на волне релокации, а также востребованность со стороны правительственных структур.

Обсуждение и заключение. События 2022 года показали, что у парадипломатии как инструмента влияния на международные отношения есть существенные ограничения, однако это реальный инструмент движения интеграции снизу, через присоединение органов местного самоуправления к решению общих для постсоветского пространства проблем в области управления, социально-экономических и связанных с трансграничными угрозами. Факторами доверия региональным игрокам как посредникам интеграции выступают участие в проектах парадипломатии представителей негосударственных структур, их нацеленность на решение общих проблем развития с учетом территориальной специфики. Результаты работы могут составить основу дальнейших исследований, а также будут полезны при выработке внешнеполитических решений министерствами и ведомствами, курирующими региональные внешние связи на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: парадипломатия, побратимство, постсоветское пространство, интеграция, социально-экономический уровень жизни населения, общественная дипломатия, культурная дипломатия

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рустамова Л.Р., Кальдерон Антон Х.деХ. Особенности парадипломатии России на постсоветском пространстве. *Регионология*. 2025;33(4):578–593. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.578-593>

INTRODUCTION

The term “paradiplomacy” has been conceptualized in Western academic circles and emerged in the late 20th century in political science and international relations scholarship in the context of globalization, European integration, and decentralization trends.

The “para” prefix signals subnational diplomacy that runs alongside national diplomacy. I. Duhaček defines that adding “para” to “diplomacy” denotes regional governments’ international policies which may be “parallel, coordinated, or complementary to the central government’s policies but could also conflict with the country’s international policies”¹. In other words, paradiplomacy is an external activity that can support or even challenge national diplomacy, depending on context. International engagement undertaken by subnational political units, operating alongside and often in collaboration with the foreign policy apparatus of the central government, though potentially pursuing objectives that may complement or diverge from national diplomatic agendas.

I. Duhaček develops three different categories of paradiplomacy: (i) transborder², which refers the international cooperation and policy-making conducted by subnational governments³; (ii) transregional, is the international engagement of subnational governments with counterparts in non-contiguous or distant regions, often based on shared interests, economic ties, cultural links, or policy goals rather than geographic proximity, and (iii) global paradiplomacy, that’s refers to the international outreach of subnational governments that extends beyond their immediate neighbors or regional partners, involving engagement with actors and institutions worldwide on economic, cultural, environmental, or political issues.

A. S. Tarasova defines paradiplomacy as a deliberate and autonomous form of international engagement by subnational governments, aiming to advance various interests through direct interaction with foreign partners [1].

Russian paradiplomacy in the post-Soviet space is a distinct case because it blends subnational foreign outreach with the central government’s geopolitical strategy, often in ways that blur the line between local initiative and Moscow-driven policy. In the Russian context, paradiplomacy refers mainly to the international activities of the federal

¹ Duhaček I.D. Perforated Sovereignities: Towards a Typology of New Actors in International Relations. In: Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units. H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford University Press; 1990. Pp. 11–33.

² Here is important to point the difference between cross-border and trans-border cooperation while the first refers to adjacent areas directly on either side of a shared border (local/region). The second is a broader term; can mean any activity or cooperation that crosses borders, including between distant regions or multiple countries.

³ This vision gives the concept a geographic focus in which emphasizes border regions (e.g., Karelia with Finland, Kaliningrad with Poland/Lithuania, Far East with China) and post-Soviet neighbors under CIS/Eurasian integration frameworks.

subjects (regions, republics, territories, and cities) that engage with counterparts in the former Soviet republics⁴ and regions and cities of the far abroad.

During the Soviet period, Soviet cities and regions actively built ties within the Warsaw Pact commonwealth. After the collapse of the USSR, many ties were destroyed and the paradiplomacy of the now former socialist republics and partners within the socialist bloc underwent changes, which affected the level of interstate relations and their intensity.

This article aims to study the specifics and evolution of paradiplomatic ties with the regions of the former Soviet republics, their participation in the development of integration processes since after the start of the special military operation in 2022, there was a rethinking of the priority areas for the development of paradiplomacy and an acute problem of lack of interaction with the closest partners in the post-Soviet space. The most acute need arose for connecting interregional ties in order to deepen integration in the post-Soviet space, improve the current socio-economic indicators of life of the population, etc. Despite the declared priority of the turn to the East, it is the post-Soviet space that, in terms of receiving advantages from paradiplomacy, stands out from other areas because, firstly, Russia has a common border with most countries of the post-Soviet space and, in general, the barriers are low due to the fact that there are agreements on a visa-free regime with almost all of them, except Georgia and Ukraine. Secondly, the post-Soviet space is united by a historical basis for interaction and established cultural ties, which facilitate dialogue at the local level. Thirdly, the post-Soviet states already have many formats of interaction within the framework of institutions for strengthening local self-government and paradiplomacy, which until now have not been sufficiently used to solve common problems that unite the countries of the region.

LITERATURE REVIEW

Studying how regions build paradiplomatic ties, a number of researchers also introduced their own terms to designate the factors that determine the reasons for regions entering the international arena. Thus, based on studying the experience of building external ties based on linguistic and ethno-cultural proximity of regions, Canadian political scientist S. Paquin introduced the concept of identification paradiplomacy [2]. N. Cornago introduced the concept of protodiplomacy, distinguishing it from paradiplomacy⁵. While paradiplomacy involves established subnational entities engaging in international relations, protodiplomacy pertains to emerging or nascent entities seeking to assert their presence and legitimacy on the international stage.

Russian researchers have also significantly enriched this research area. Thus, Yu. Aki-mov introduced the concept of auxiliaries diplomacy, which implies joint international activities of the center and a subnational unit, in which the region acts as an instrument for achieving national goals [3]. The works of Russian authors on paradiplomacy note the great success of European regions in paradiplomacy and the main volume of works on the topic of paradiplomacy is concentrated on the study of the European experience or the study of how Russian regions interact with the regions of Western countries. Authors such as M. Strezhneva [4], O. Bogatyreva, N. Leskina [5], S. Arteeve [6] study

⁴ Ukraine, Belarus, Moldova, Estonia, Latvia, Lithuania, Georgia, Armenia, Azerbaijan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan.

⁵ Cornago N. Paradiplomacy and Protodiplomacy. In: Encyclopedia of Diplomacy. G. Martel (ed.). Oxford: Blackwell-Wiley; 2018. Pp. 1458–1466. <https://doi.org/10.1002/9781118885154.dipl0211>

the phenomenon of European paradiplomacy in the context of globalization and European integration. A large group of authors devoted their works to the study of individual cases of external relations of Russian and European regions. Thus, I. Rogachev, S. Shubin [7] studied the interaction of the northern regions of Russia with the regions of Norway, A. Volkova devoted her works to the peculiarities of the interaction of Russian regions with the Finno-Ugric world [8]. L. Rustamova [9], G. Yarovoy [10], A. Bredihin [11] wrote about special opportunities for paradiplomacy using the example of cooperation between border regions in the format of Euroregions. At the same time, the post-Soviet space also began to attract attention from the point of view of the possibilities of paradiplomacy to contribute to its formation. Some of the articles devoted to the post-Soviet space also paid attention to the adoption of European experience in the format of Euroregions. A. Kuznetsov and O. V. Kuznetsova [12] considered in their works the efficiency of the functioning of Euroregions created by the regions of Russia, Belarus and Ukraine.

A separate large category of studies is made up of works that focus on the study of cross-border cooperation of post-Soviet states, since the problems of border regions for Russia as a country with a huge border perimeter is of particular importance. In Russian science, a whole direction of studying border territories is being formed under the name of limology, which studies the functioning of borders. The works of L. Vardomskiy [13], E. Shlapeko [14] are devoted to studies of the peculiarities of international activities of border regions of Russia with neighboring post-Soviet states. The works of such authors as I. Antokhonova, S. Kalenova⁶, F. Zolotarev [15], O. Bakhlova, A. Slugina⁷ provide an understanding of the level of relations between Russian regions and regions of post-Soviet countries on economic issues, however, there are no comprehensive works on the influence of external relations of Russian regions and regions of post-Soviet countries on the development of integration in the post-Soviet space. The novelty of this article lies in the fact that it studies the formats of interregional cooperation that were created after 2022 thanks to paradiplomacy. Given that these processes have not yet received adequate coverage in the scientific literature, and it analyzes paradiplomacy without linking it to the integration processes that it actually facilitates this article aims to fill this gap.

MATERIALS AND METHODS

Theoretical and methodological foundations of the research. The study is based on the neoliberal theory of international relations, which postulates that such non-state participants in world politics as regions and cities are capable of promoting the intensification of economic cooperation between states and their unification into integration unions. Interaction between regions and cities is interpreted here through the prism of the institutional approach, within the framework of which this sphere of interaction is designed to promote greater sustainability of integration associations in the post-Soviet space and the further development of the organizational and legal form of existing paradiplomacy.

⁶ Антохонова И.В., Каленова С.А. Потенциал и ограничения межрегионального экономического сотрудничества на евразийском пространстве. В кн.: Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Вып. 12. 2017. Ч. 2. С. 207–209. URL: <https://elck.ru/3PmRbn> (дата обращения: 05.06.2025).

⁷ Баклова О.В., Слугина А.Н. Приграничное сотрудничество регионов Российской Федерации и Республики Беларусь: возможности институционализации в формате Союзного государства. В кн.: Россия: тенденции и перспективы развития... Вып. 2. 2021. С. 789–792. URL: <https://elck.ru/3PmeRX> (дата обращения: 05.06.2025).

lomatic platforms, since regions promote cooperation in the spheres of culture, sports and represent socio-political institutions responsible for managing social transformations, as well as the ideological, political and socio-economic basis of integration processes.

Neoliberal theory emphasizes the role of international institutions, rules, and cooperation mechanisms in shaping state and sub-state behavior. The approach pays attention to economic interdependence, trade, and social ties as instruments of influence.

The study design. The study is based on such qualitative methods of study as historical-descriptive and comparative methods of analysis. The historical-descriptive method will allow tracing the evolution of paradiplomatic ties between the states of the post-Soviet space, the historical basis of their interaction. To trace the historical dynamics of relations between regions and cities in the post-Soviet space, key milestones of their cooperation were identified, namely, accession to institutional platforms and the signing of bilateral agreements from 1991 to 2022 and then from 2022 to the present.

The comparative method of analysis will allow us to highlight the specifics of inter-regional cooperation in the post-Soviet space through a comparison of Russian-European forms of paradiplomacy and those that have developed between Russia and the former Soviet republics. This approach is suitable because neoliberalism allows us to see non-state actors (separatist governments, diaspora organizations, NGOs) as legitimate international players. The following main criteria were taken as the basis for comparison: the level of institutionalization (the presence or absence of Euroregions, local government organizations), the level of involvement of civil structures in paradiplomacy (the presence of non-governmental local government organizations, business structures, public diplomacy organizations in projects for the development of paradiplomacy), the level of barriers at borders (agreements on visa-free border crossing, the presence of projects for the joint resolution of cross-border problems), the main areas of cooperation in paradiplomacy (cultural events, socio-economic and infrastructure projects, management projects), the influence of the political situation on the nature of relations.

Based on a content analysis of documents such as the Agreement on the Council for Interregional and Cross-Border Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States, Convention on Cross-Border Cooperation among the CIS member states, the Agreement on the Belarusian-Russian Business Council, the Concept of Interregional and Cross-Border Cooperation of the CIS Member States, and the Declaration on the Development of Cross-Border Cooperation in the Altai Region, the authors analyzed the conceptual foundations of paradiplomacy. The analysis of these documents also allowed us to identify the specifics of the institutional platforms within which paradiplomatic relations between post-Soviet regions are implemented, and to draw conclusions regarding the goals and objectives of regions in building external relations with partners from the post-Soviet space.

Databases and materials. The materials in this work include studies by leading Russian and foreign authors on the topic of paradiplomacy and interaction between post-Soviet states at the interregional level. Statistical data were taken from official sources: the website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (regional information reports on external relations), as well as the websites of institutional platforms through which external relations between regions and cities are carried out: the International Assembly of Capitals and Major Cities of CIS, Twin Cities International

Association (TCIA), the CIS website, the Portal for Interregional Cooperation in the EAEU, and websites that host key legal documents: the EAEU website, and websites of the international departments of individual constituent entities of Russia, which were taken as key cases for analysis due to their active involvement in paradiplomacy with the post-Soviet countries and ability to host major international events: Republic of Tatarstan, Republic of Bashkortostan, Altai Territory.

RESULTS

The nature of paradiplomatic relations between Russian regions and post-Soviet ones until 2022. Attention to paradiplomacy instruments that would compensate for lost economic ties and mitigate the consequences of the formation of new borders after the collapse of the USSR began to be paid after the accession of the newly formed republics to the European Outline Convention on Transfrontier Cooperation between Territorial Communities or Authorities of 21 May 1980. At the same time, the way paradiplomacy was implemented relied to a large extent on the European experience. In particular, based on the European experience of interaction between border regions, Russian regions began to unite with post-Soviet ones in the form of Euroregions. Since the 2000s, the regions of Russia, Ukraine and Belarus have united into 4 Euroregions, “Dnipro” (2003), “Slobozhanshchina” (2003), “Yaroslavna” (2007) and “Donbass” (2010), in order to prevent the growth of barriers and jointly service the common Soviet infrastructure, stimulate the investment attractiveness of the regions. This helped the regions of Russia and post-Soviet states to join European local government organizations, where they could receive advanced local governance practices and share their experience in building foreign trade through paradiplomacy. Russian regions actively interacted with post-Soviet regions within the framework of the Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe, which included representatives of Azerbaijan, Moldova, Armenia and Ukraine. At the same time, in contrast to the European experience, paradiplomacy in the post-Soviet space was characterized by low institutionalization and a small number of organizations that would engage in public diplomacy through external relations of regions.

Russian regions have not created local public diplomacy and paradiplomacy organizations with post-Soviet countries such as the Assembly of European Regions, which would lobby the interests of regions in integration associations: the Commonwealth of Independent States (CIS), the Eurasian Economic Union (EAEU) or intergovernmental organizations of the former Soviet Union. Certain institutional platforms have begun to appear relatively recently, including the Council for Interregional and Cross-Border Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States, created in 2008, which consists of heads of ministries responsible for interregional and cross-border cooperation, which essentially reflects its governmental level. A similar structure within the EAEU – the Eurasian Economic Commission for the Development of Interregional Cooperation was created on a similar model. The Commission pursues the same goal as the CIS Council for Interregional Cooperation: ensuring the participation of local authorities in resolving those issues on the international agenda that affect their interests.

Paradiplomacy of European regions leads to the formation of a “Europe of regions” through the abolition of old borders within the EU and, thus promotes integration processes at the horizontal level. In contrast to the EU experience, consolidation around

the ideas of integration in the post-Soviet space through paradiplomacy has hardly advanced; for a long period of time, it was focused on solving purely practical problems. The regions of the post-Soviet space mainly implemented projects on practical issues of territorial management that are of primary importance for the socio-economic status of citizens, especially with regard to cooperation between border regions. On the one hand, this was due to the fact that a number of states participating in the integration processes did not want further delegation of sovereignty through such a mechanism. Thus, in the Convention on Interregional Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States until 2020, Tajikistan specifically stipulated that it was interested in precisely those areas of interregional cooperation that have practical significance⁸.

At the same time, practical projects for the development of mutual trade between regions, joint struggle against socio-economic challenges led to greater interest of regions in participation in integration processes, because such projects led to interdependence. Thus, since Belarus is the main trading partner of a number of border regions of Russia, this predetermined their interest in expanding cooperation in the cultural, humanitarian, information, educational spheres and the creation of the first institutional formats of interaction – business cooperation councils with Belarus, while, according to experts, interregional cooperation for a long time was not fixed as integration priorities in the main documents of the integration association “Union State of Russia and Belarus” [16].

In order to maintain the current level of investment attractiveness, attract tourists, and maintain an intensive level of trade, the regions needed to ensure progressive movement towards freedom of movement of goods, people, and services. The regions relied on paradiplomacy, implemented in the format of fairs, business forums, and conferences, in order to bring together entrepreneurs, investors, local authorities, and the expert community, and this created objective prerequisites for involving the regions in integration processes in the post-Soviet space. On the other hand, the states also saw the benefits of the multi-level interaction with various actors created by the regions and encouraged their participation through paradiplomacy in areas related to security. A number of regions of Russia and post-Soviet countries signed agreements on joint actions to eliminate and prevent emergency situations.

The influence of paradiplomacy on integration processes in the post-Soviet space.

At the level of the CIS and EAEU integration associations, the goal of involving regions in deepening integration has been officially proclaimed since 2004, when the Concept of Interregional and Cross-Border Cooperation of the CIS Member States was signed⁹. The current concept of interregional cooperation of the CIS, adopted in 2020, already specifically stipulates that deepening regional cooperation pursues the goal of deepening integration¹⁰. After 2022, this goal has become strategic for Russia. Russian regions and

⁸ Convention on Cross-Border Cooperation among the CIS member states, signed in September 2016 [Электронный ресурс]. Available at: <https://cislegislation.com/document.fwx?rgn=96956&ysclid=mdza4aeeth316167295> (accessed 18.04.2025).

⁹ Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/dGutllkq20JXLGL9ntHgM/full> (дата обращения: 18.04.2025).

¹⁰ Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 г. и План мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс]. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6289#text> (дата обращения: 18.04.2025).

regions of CIS countries can help each other in many ways, compensate for lost foreign supplies of goods, as well as fill the gap in cultural and leisure activities, cooperating in the cultural and humanitarian field. To stimulate the solution of these goals, the EAEU integration association created the Portal for Interregional Cooperation and thus transferred the initiative to deepen integration to the regions through its paradiplomatic activities. On the portal, any region of the member countries of the association can post information about the main economic indicators of the region, current regional preferences and benefits for investors, events and news, with the aim of attracting partners to cooperation¹¹. This measure is aimed at stimulating the EAEU economy, since, as noted by experts on Eurasian integration from Kyrgyzstan K. Ajekbarov and D. Amangeldiev, the overwhelming majority of trade in the EAEU is carried out through large cities and capitals [16].

Analyzing the prospects of Eurasian integration, experts noted that one of the weak points in the Eurasian integration project for many years was the insignificant migration and tourism dynamics from Russia to the CIS/EAEU countries, against the background of the scale of labor migration to the Russian Federation. After the introduction of anti-Russian sanctions, tightening of visa restrictions and border closures, which limited the ability of Russian citizens to travel for tourism purposes to EU countries, the countries of the post-Soviet space have become more popular destinations for tourism from Russia. According to a study by the YouTravel marketing platform, almost all countries of the post-Soviet space in 2025 have become more attractive tourist destinations for Russians¹². For the first time, business structures and individual citizens have begun to show great interest in paradiplomacy. On the wave of relocation, they began to invest in the attractive tourist regions of Central Asia and the South Caucasus and needed the help of regional authorities to do business. At the same time, this process became mutual. The departure of Western companies from the Russian market freed up space for the growth of investment by Central Asian countries in the Russian economy. In 2022, it grew fourfold compared to 2021 and amounted to more than \$ 4 billion¹³.

A new stage in paradiplomacy in the post-Soviet space after 2022. The regional leaders themselves have shown activity in the area of paradiplomacy in the post-Soviet space in order to minimize the impact of sanctions pressure on the socio-economic situation in the regions. The regions began to look for alternative suppliers and alternative economic partners, primarily from the post-soviet countries closest to Russia. Thus, Tatarstan, in addition to the Middle East, has also become more active in Central Asia, organizing bilateral economic forums. This allowed the region to open new production capacities by creating joint ventures (for example, a car tire plant in the Karaganda region), maintain the high potential of special economic zones in the republic and create new jobs. At the same time, the international activity of the regions had a compensating effect on Russia's foreign policy, since the regions had more opportunities to organize significant international events and thus offset Russia's diplomatic isolation. Russian regions in the post-Soviet space have more opportunities for interaction even

¹¹ Развитие межрегионального торгово-экономического сотрудничества в ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3PW65u> (дата обращения: 11.05.2025).

¹² Эксперты рассказали о спросе на туры в постсоветские страны [Электронный ресурс]. Прайм. URL: <https://1prime.ru/20250727/eksperty-859990819.html> (дата обращения: 18.06.2025).

¹³ Karavayev A. CIS and the Caspian Region: Main Outcomes and Trends of 2023 [Электронный ресурс]. Caspian Institute for Strategic Studies. Available at: <https://clck.ru/3PW6ZD> (accessed 18.06.2025).

in the context of emerging tensions at the interstate level due to the preserved special cultural and historical ties. A number of regions of Russia and Central Asia interact as parts of the Turkic world and host many cultural events of international significance. Thus, Tatarstan and Bashkortostan took part in the Nomad Games, which were held in Astana in 2024 and won a large number of medals, which, given the vast geography of the participants (89 countries)¹⁴, contributed to strengthening the authority of not only the regions themselves, but also Russia as a whole.

Participation in paradiplomacy with Russian regions is in demand among the regions of post-Soviet countries, and this is evidenced by the fact that over the past 3 years the number of agreements on establishing twinning relations between Russian and post-Soviet cities has increased. Twinning agreements were concluded between Astrakhan and the Kazakh cities of Atyrau and Aktau, between Yaroslavl and the Belarusian city of Mogilev, between Yekaterinburg and the capital of Kyrgyzstan Bishkek, between Vologda and the Armenian Gyumri. In the tourist regions of the post-Soviet space, regional authorities support the construction of infrastructure and unique recreation areas, create organizations to attract tourists from Russia and exchange experiences. The regions of post-Soviet countries organize new formats of interaction, including Forum of Regions of the CIS Member States first held in 2025 in Tashkent – a multilateral platform within which representatives of the CIS countries discuss key aspects of economic, social and humanitarian interaction¹⁵. The regions also demonstrated constructive cooperation across the entire spectrum of issues, including security. Thus, in 2023, the Atyrau Region of the Republic of Kazakhstan and the Astrakhan Region of the Russian Federation signed an agreement on cooperation in providing assistance to people, ships and aircraft in distress in the Caspian Sea. These regions also involved business structures in the implementation of measures to resolve emergency situations. Thus, the UTair group of companies agreed to provide gratuitous assistance in eliminating natural and man-made emergencies, including fires, in Kazakhstan¹⁶.

Analyzing the current level of interregional relations in the post-Soviet space and the possibilities of paradiplomacy in this region, foreign researchers note that regional relations for the leadership of post-Soviet states perform the most important task of maintaining a balance of relations with all interested regional and extra-regional players¹⁷. Here it is more appropriate to say that due to the intensification of relations between the CIS countries with each other, extra-regional players need to make additional efforts to offer more favorable terms of cooperation. The expansion of paradiplomatic activity for the post-Soviet countries now is a real chance to gain access to innovations in urban

¹⁴ Хасанов С. Больше трети медалей в копилке Татарстана: как прошли 5-ые Всемирные Игры Кочевников [Электронный ресурс]. Миллиард татар. URL: <https://clck.ru/3PW6df> (дата обращения: 18.06.2025).

¹⁵ Генеральный секретарь СНГ С. Лебедев выступил на пленарном заседании первого Форума регионов государств – участников СНГ [Электронный ресурс]. Официальный сайт СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/564/127067/?ysclid=mdmay67u49526790253> (дата обращения: 18.06.2025).

¹⁶ UTair and Kazaviaspas expand cooperation [Электронный ресурс]. K&M Information agency. URL: <https://www.akm.ru/eng/press/utair-and-kazaviaspas-expand-cooperation/?ysclid=me0s33m22j603377944> (дата обращения: 18.06.2025).

¹⁷ Symeonidis D. Regional Paradiplomacy in Central Asia: New Opportunities? [Электронный ресурс]. Central Asian Bureau for Analytical Reporting. Available at: <https://cabar.asia/en/regional-paradiplomacy-in-central-asia-new-opportunities> (accessed 18.06.2025).

planning and development, experience in solving practical problems of territorial management, and improving their socio-economic indicators. Russian regions have actively joined the implementation of projects in strategically important sectors of the economy for a number of post-Soviet states. Thus, cooperation with Tajikistan in ensuring food security has intensified. In early 2024, a Tajik-Russian agreement was reached on the supply of oilseeds from Russia to Tajikistan, their cultivation and processing, which will help reduce poverty at the local level¹⁸.

Russia employs a multifaceted approach in its paradiplomatic efforts in Transnistria or South Ossetia aiming to maintain influence in the post-Soviet space and counter Western integration efforts. This includes financial aid and economic integration with Russian markets, which helps sustain the region's economy and political stability.

At the same time, it cannot be denied that in the post-Soviet space, paradiplomacy is influenced by the situation in bilateral relations, when government agencies of the states limit contacts, including in the public sphere, by introducing restrictions on the movement of citizens, the exchange of information and the financing of bilateral paradiplomatic projects. As a result, the distinctive feature of paradiplomacy in the post-Soviet space remains the varying degrees of involvement in cooperation by country (high with Belarus and Kazakhstan, low with Georgia and Ukraine), as well as different levels of participation in paradiplomacy: somewhere there is a desire to participate at the level of integration associations, and somewhere only at the level of bilateral formats.

DISCUSSION AND CONCLUSION

Researchers highlight such objective problems of interregional cooperation in the post-Soviet space as disproportions in territorial development and financing, different degrees of interest in cooperation, discrepancies in the regulatory framework, etc., which affect the possibilities and limitations of paradiplomacy to act as an integration tool¹⁹. The inclusion of a wider range of participants in paradiplomacy programs and cooperation at the level of macroregions, especially in border regions, could help solve the problems of insufficient funding. The project “Our Common Home – Altai”, which was founded in 2004 by regions of Russia, Kazakhstan, Mongolia, China on the basis of the Declaration on the Development of Transborder Cooperation in the Altai Region, in this regard serves as a positive example of a skillful combination of cultural and economic projects for the prosperity of border regions of the entire macroregion. Within the macroregion, intrastate regions alternately hold cultural events, such as the tourist and sports festival “Big Altai”, thus building a balance of project financing, as well as encouraging interest in joint investment in circular tourist routes and the construction of new transport routes that accelerate contacts. This type of transport route includes the project of a new checkpoint “Karagay” on the border with Kazakhstan and the opening of an international terminal at the Gorno-Altai airport²⁰. In order for paradiplomacy to contribute to integration processes, this practice must be extended to other territories.

¹⁸ Таджикистан–Россия: ускорение экономического сотрудничества в условиях геополитических перемен [Электронный ресурс]. Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/566/117904/?ysclid=m8jz38ho5e449436320> (дата обращения: 18.06.2025).

¹⁹ Vardomskiy L.B. Cross-border cooperation on the “new and old” borders of Russia. *Eurasian Economic Integration*. 2008;1(1):90–107.

²⁰ Заседание Международного совета «Наш общий дом – Алтай» [Электронный ресурс]. Информационный портал о выборах. URL: <https://clck.ru/3PW79c> (дата обращения: 18.06.2025).

The negative experience of terminating projects with European border regions, stopping interregional contacts with Ukraine and Georgia have led to the fact that paradiplomacy is strongly influenced by the negative political situation. The readiness of local authorities to strengthen contacts is influenced by statements by individual politicians, negative events occurring at the level of interstate relations, and the tense migration situation. This approach could be softened by strengthening the role of institutional structures that would create mechanisms to minimize the impact of the current situation in interstate relations on paradiplomacy projects. In the post-Soviet space, such a role could be taken on by the International Assembly of Capitals and Major Cities of CIS. The problem is that the potential of this organization remains poorly utilized; it is focused on the humanitarian agenda, which is less interesting for the former Soviet republics than economic issues or infrastructure projects to develop a network of transport corridors. In particular, the Assembly's events are held mainly on Russian territory and its agenda is heavily biased towards purely domestic specifics of regional development; they are focused on cultural projects and only a few are devoted to socio-economic issues²¹.

This problem is further exacerbated by the fact that little attention has been paid in the post-Soviet space to research on the functioning and institutionalization of interregional contacts and their contribution to strengthening integration between states. There are no separate research institutes that address these issues, lobby for interregional cooperation across the entire post-Soviet space, or provide information on the scope of paradiplomatic contacts or high-quality analysis of the problems and current state of interregional interaction. This is an objective limitation for this study as well. Such analysis would be of interest both to the regions themselves and to the supranational structures mandated by their governments to strengthen interactions between regions and cities.

The situation in relations also plays a lesser role if the regions are involved in solving national projects, sustainable development programs, which are long-term and involve a significant part of the population and business circles. Currently, in the post-Soviet space, there is a decline in interregional relations with the countries of the South Caucasus. Commenting on Russia's relations with the countries of the region, experts point out that the regions of Azerbaijan, Armenia and Georgia, located in a strategically important area connecting transport routes from China to Europe and back, could take part in paradiplomacy. By involving the regions in the construction of new transport routes, it would be possible to create conditions for mutually beneficial interdependence, and they name the construction of a main gas pipeline from Russia to Iran through the territory of Azerbaijan as a possible similar project. This project could include the modernization of the Russian-Azerbaijani Mozdok-Hajigabul gas pipeline²².

Low barrier borders in comparison with Europe also open the way to unfair use of the advantages of interregional cooperation, which leads to such border problems on the border with post-Soviet countries as smuggling, illegal migration and the whole range of cross-border security threats.

²¹ План мероприятий Международной Ассамблеи столиц и крупных городов (МАГ) на 2025 год [Электронный ресурс]. URL: https://e-gorod.ru/wp-content/uploads/2025/06/2025_plan_mag.pdf (дата обращения: 18.06.2025).

²² Задача на \$8 млрд: какие мегапроекты позволят Азербайджану и России нарастить товарооборот [Электронный ресурс]. Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/news/566/125980/?sphrase_id=236904 (дата обращения: 18.06.2025).

Tightening control measures and introducing other restrictive measures may lead to a slowdown in cooperation. On the contrary, involving local authorities in solving these problems and educating conscious youth aimed at jointly finding ways to solve problems through paradiplomacy can help in the fight against cross-border threats. Best practices in creating effective local government organizations indicate that long-term programs for the education of management personnel in the field of paradiplomacy help prepare regional leaders capable of preparing creative projects to solve the tasks that are usually set before paradiplomacy. So far, such work within the framework of paradiplomacy is carried out only with those states with which the most intensive cooperation has been built. In particular, in 2023, the Forum of Sister Cities of Belarus and Russia held for the first time a youth meeting of representatives of sister cities of Belarus and Russia.

In a good forecast scenario, Russian paradiplomacy will mature into a coordinated, well-resourced, and respected arm of foreign policy in the post-Soviet space. Regional actors are trusted as facilitators of integration, and their activities are seen not as extensions of the central policy, but as part of a shared Eurasian identity and mutual prosperity project, creating an integrated Eurasian community. This article presents part of an analysis of the potential and limitations of paradiplomacy to facilitate integration processes, strengthen economic cooperation, and enhance interaction with partners. This analysis has practical implications for interregional cooperation organizations, ministries and agencies overseeing regional external relations. Given that integration associations in the post-Soviet space are actively developing, their legal framework is expanding, and the process of conceptualizing the foundations of paradiplomacy in the post-Soviet space is underway, it is necessary to continue research on how paradiplomacy can advance integration.

REFERENCES

1. Tarasova A.S. Modern Trends in Paradiplomacy: A Case of Russian-Finnish Regional Cooperation. *Baltic Region*. 2023;15(3):83–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-5>
2. Paquin S. Identity Paradiplomacy in Québec. *Quebec Studies*. 2018;(66):3–26. <https://doi.org/10.3828/qs.2018.14>
3. Akimov Yu.G. International Activities of Subnational Actors and Foreign Policy of the Nation State: Models of Interaction and Interpretations. *Comparative Politics*. 2021;12(3):33–41. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.sravpol.ru/jour/article/view/1363> (accessed 10.05.2025).
4. Strezhneva M.V. Supranationality and the Subsidiarity Principle in the European Union and Beyond. *World Economy and International Relation*. 2016;6(60):5–14. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14>
5. Bogatyreva O.N., Leskina N.V. Educational Diplomacy of European Regions. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*. 2018;3(179):67–78. (In Russ.). Available at: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/62856> (accessed 10.05.2025).
6. Arteev S.P. Subnationalization as a Megatrend: World Development after Westphalia. *Journal of Law and Administration*. 2024;20(4):3–14. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-4-73-3-14>
7. Rogachev I.V., Shubin S.I. Arctic Universities of Russia and Norway Expand Cooperation in the Barents Euro-Arctic Region. *Tomsk State University Journal of History*. 2019;(58):194–196. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/19988613/58/29>
8. Volkova A.E. The Concept of the “Finno-Ugric World”: Centrifugal Trends and Impact on the Domestic and Foreign Policy of the Russian Federation. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2015;10(3):226–234. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://naukaru.ru/en/nauka/article/6162/view> (accessed 05.06.2025).

9. Rustamova L.R. Problems and Prospects of Cross-Border Cooperation in Euroregions with Russian Participation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2019;27(4):711–733. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.108.027.201904.711-733>
10. Yarovoy G. EU-Russian Cross-Border Cooperation between (de-)Securitization and Paradiplomacy: In Search of New Approaches towards Cross-Border Governance. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2021;14(2):156–181. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.203>
11. Bredihin A.V. Agglomerations and Cross-Border Cooperation: A Case Study of Donbass Region. *Cossacks*. 2016;(18):36–48. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3PmPFB> (accessed 05.06.2025).
12. Kuznetsov A.V., Kuznetsova O.V. The Changing Role of Border Regions in Regional Policies of the EU and Russia. *Baltic Region*. 2019;11(4):58–75. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-4> (accessed 05.10.2025).
13. Vardomskiy L.B. Post-Soviet Integration and Economic Growth of the New Borderland of Russia in 2005–2015. *Spatial Economics*. 2017;(4):23–40. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14530/sc.2017.4.023-040>
14. Shlapenko E.A. Models of Cross-Border Cooperation of Russian Regions. *Society. Environment. Development*. 2018;(1):20–24. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3PmQsM> (accessed 08.06.2025).
15. Zolotarev F.E. Social Network Analysis for Subnational Units' External Relations of Russia. *Post-Soviet Studies*. 2023;4(6):457–471. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://www.postussr.org/journals/230604/5.%20Золотарев%20Ф.Е_.pdf?ysclid=mgcy-q4g4k3972958001 (accessed 05.06.2025).
16. Ajekbarov K.A., Amangeldiev D.D. On the Development of Interregional Cooperation within the Framework of the EAEU. *Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2024;23(3):9–13. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2024-23-3-9-13>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарасова А.С. Современные тенденции парадипломатии на примере российско-финляндского регионального сотрудничества. *Балтийский регион*. 2023;15(3):83–99. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-5>
2. Paquin S. Identity Paradiplomacy in Québec. *Quebec Studies*. 2018;(66):3–26. <https://doi.org/10.3828/qs.2018.14>
3. Акимов Ю.Г. Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации. *Сравнительная политика*. 2021;12(3):33–41. URL: <https://www.sravpol.ru/jour/article/view/1363> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Стрежнева М.В. Наднациональность и принцип субсидиарности в ЕС и за его пределами. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016;60(6):5–14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14>
5. Богатырева О.Н., Лескина Н.В. Образовательная дипломатия европейских регионов. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. 2018;13(3):67–78. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/62856> (дата обращения: 10.05.2025).
6. Артеев С.П. Субнационализация как мегатренд: политическое развитие после Вестфалья. *Право и управление*. XXI век. 2024;20(4):3–14. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-4-73-3-14>
7. Рогачев И.В., Шубин С.И. Арктические университеты России и Норвегии расширяют сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019;(58):194–196. <https://doi.org/10.17223/19988613/58/29>
8. Волкова А.Е. Концепт «Финно-угорского мира»: центробежные тренды и влияние на внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015;10(3):226–234. URL: <https://naukaru.ru/en/nauka/article/6162/view> (дата обращения: 05.06.2025).

9. Рустамова Л.Р. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества еврорегионов с участием России. *Регионоведение*. 2019;27(4):711–733. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.108.027.201904.711-733>
10. Яровой Г. Трансграничное сотрудничество России и Евросоюза между (де-)секьюритизацией и парадипломатией: в поисках новых подходов к cross-border governance. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2021;14(2):156–181. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.203>
11. Бредихин А.В. Агломерации и трансграничное сотрудничество (на примере еврорегиона «Донбасс»). *Казачество*. 2016;(18):36–48. URL: <https://clck.ru/3PmPFB> (дата обращения: 05.06.2025).
12. Кузнецов А.В., Кузнецова О.В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России. *Балтийский регион*. 2019;11(4):58–75. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-4>
13. Вардомский Л.Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. *Пространственная экономика*. 2017;(4):23–40. <https://doi.org/10.14530/sc.2017.4.023-040>
14. Шлапко Е.А. Модели приграничного сотрудничества регионов России. *Общество. Среда. Развитие*. 2018;(1):20–24. URL: <https://clck.ru/3PmQsM> (дата обращения: 08.06.2025).
15. Золотарев Ф.Е. Сетевой анализ внешних связей у субнациональных акторов России. *Постсоветские исследования*. 2023;4(6):457–471. URL: https://www.postussr.org/journals/230604/5.%20Золотарев%20Ф.Е_.pdf?ysclid=mgcyq4g4k3972958001 (дата обращения: 05.06.2025).
16. Ажекбаров К.А., Амангельдиев Д.Д. О развитии межрегионального сотрудничества в рамках ЕАЭС. *Ученые записки Российской академии предпринимательства*. 2024;23(3):9–13. <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2024-23-3-9-13>

About the authors:

Leili R. Rustamova, Cand.Sci. (Polit.), Researcher at the Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsoyuznaya St., Moscow 117997, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9803-9904>, Scopus ID: 56469579000, SPIN-code: 2941-9393, leili-rustamova@yandex.ru

Jose de Jesus Calderon Anton, PhD candidate, Research Assistant, University of Seville (4 San Fernando St., Seville 41004, Spain), ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-2877-3036>, joscalant@alum.us.es

Contribution of the authors:

L. R. Rustamova – conceptualization; methodology; visualization; investigation, data collection; writing – original draft preparation (including substantive translation).

J. de J. Calderón Antón – investigation, data collection; writing – original draft preparation (including substantive translation).

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 20.08.2025; revised 04.09.2025; accepted 11.09.2025.

Об авторах:

Лейли Рустамовна Рустамова, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений

им. Е.М. Примакова Российской академии наук (117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9803-9904>, Scopus ID: 56469579000, SPIN-код: 2941-9393, leili-rustamova@yandex.ru

Хосе де Хесус Кальдерон Антон, соискатель, научный сотрудник Севильского университета (41004, Испания, г. Севилья, ул. Сан-Фернандо, д. 4), ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-2877-3036>, joscalant@alum.us.es

Вклад авторов:

Л. Р. Рустамова – разработка концепции; разработка методологии; создание и подготовка рукописи; проведение исследования, включая сбор данных; визуализация результатов исследования и полученных данных.

Х. де Х. Кальдерон Антон – проведение исследования, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 20.08.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 11.09.2025.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ /
INTERNATIONAL RELATIONS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.594-614><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/dtolnk>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 327.3:001(470+571)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Научное сотрудничество России
со странами Ближнего Востока
и Северной Африки: вызовы и перспективы****И. Е. Ильина****Р. С. Богатова** ✉**Е. А. Воронцова**

*Российский научно-исследовательский институт экономики,
политики и права в научно-технической сфере
(г. Москва, Российская Федерация)
✉ graisa@mail.ru*

Аннотация

Введение. Влияние России в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, несмотря на значительный научно-технический потенциал, остается ограниченным из-за недостаточной интеграции в международные исследовательские проекты, низкой доли совместных научных публикаций и слабого развития научной дипломатии. Цель исследования – определить приоритетные направления и механизмы, которые позволят расширить научное сотрудничество России со странами Ближнего Востока и Северной Африки и усилить ее позиции в научно-технической сфере региона.

Материалы и методы. Исследование основано на статистике международных организаций (ЮНЕСКО, Всемирной организации интеллектуальной собственности, Всемирного банка), Международной патентной базы ORBIT Intelligence, баз данных научного цитирования Scopus, WoS, а также национальных научных агентств и министерств образования и науки стран региона. Применены методы сравнительного и структурного анализа, библиометрического анализа публикаций и патентов, а также визуализации данных в программе Excel для выявления сетей сотрудничества.

Результаты исследования. Установлено, что страны Ближнего Востока, Северной Африки и Россия обладают потенциально взаимодополняющими научно-техническими профилями. Выявлены потенциальные возможности для сотрудничества: в области нефтедобычи – с Саудовской Аравией, медицины – с Израилем, нанотехнологий – с Египтом. Определены перспективные направления сотрудничества России со странами названного региона: медицина (по 16 странам) и машиностроение (по 14 странам).

Обсуждение и заключение. Определено, что точки роста для российской научной дипломатии связаны с развитием совместных центров компетенций и лабораторий, расширением участия в коллективных исследовательских проектах со странами Ближнего Востока и Северной Африки. Результаты могут быть использованы для выработки практических рекомендаций по укреплению

© Ильина И. Е., Богатова Р. С., Воронцова Е. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

дву- и многосторонних научных связей, развитию устойчивых партнерских форматов и формированию долгосрочной инфраструктурной базы сотрудничества.

Ключевые слова: международное научно-техническое сотрудничество, научные центры, научная инфраструктура, регион Ближнего Востока и Северной Африки, научный потенциал

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием № 075-00721-25-00 в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Новая интеграционная модель развития международного сотрудничества стран Ближнего Востока и их стратегического партнера России» (2025–2027 гг.).

Для цитирования: Ильина И.Е., Богатова Р.С., Воронцова Е.А. Научное сотрудничество России со странами Ближнего Востока и Северной Африки: вызовы и перспективы. *Регионоведение*. 2025;33(4):594–614. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.594-614>

Scientific Cooperation between Russia and the MENA Countries: Challenges and Prospects

I. E. Ilina, R. S. Bogatova ✉, E. A. Vorontsova

*Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology
(Moscow, Russian Federation)*

✉ graisa@mail.ru

Abstract

Introduction. Despite Russia's significant scientific and technical potential, its influence in the Middle East and North Africa (MENA) region remains limited due to insufficient integration into international research projects, a low share of joint scientific publications, and undeveloped science diplomacy. The purpose of this study is to identify key areas and mechanisms that could expand Russia's scientific cooperation with MENA countries and strengthen its position in the region's science and technology sphere.

Materials and Methods. The research is based on statistics from international organizations (UNESCO, WIPO, World Bank), the international patent database ORBIT Intelligence, scientific citation databases Scopus and Web of Science, as well as data from national scientific agencies and ministries of education and science of the region's countries. The study employs comparative and structural analysis, bibliometric analysis of publications and patents, and data visualization in Excel to reveal collaboration networks.

Results. The study found that MENA countries and Russia have potentially complementary scientific and technological profiles. Trends in scientific research in the Middle East and North Africa were characterized. Potential opportunities for cooperation were identified – in oil extraction with Saudi Arabia, in medicine with Israel, and in nanotechnology with Egypt. Promising areas for Russia's cooperation with MENA countries include medicine (across 16 countries) and mechanical engineering (across 14 countries).

Discussion and Conclusion. The practical significance of the study lies in identifying growth points for Russia's science diplomacy: the development of joint competence centers and laboratories, and the expansion of participation in joint research projects confirm the need for a systemic approach to advancing Russia's international scientific cooperation with MENA countries. The results can be used to formulate practical recommendations for strengthening bilateral and multilateral scientific ties, developing sustainable partnership formats, and establishing a long-term infrastructural basis for cooperation.

Keywords: international scientific and technological cooperation, research centers, scientific infrastructure, MENA countries, scientific potential

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research has been conducted in accordance with State Task No. 075-00721-25-00 under the Basic Scientific Research Program “Novel Integration Model for the Development of International Cooperation Between the Countries of the Middle East and Russia, Their Strategic Partner” 2025–2027.

For citation: Ilina I.E., Bogatova R.S., Vorontsova E.A. Scientific Cooperation between Russia and the MENA Countries: Challenges and Prospects. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(4):594–614. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.594-614>

ВВЕДЕНИЕ

Современные тенденции глобального научно-технологического развития характеризуются усилением международной кооперации и формированием транснациональных исследовательских сетей. В этом контексте страны Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) отличаются высокой заинтересованностью в интеграции в глобальное научное пространство. Исследуемый регион рассматривается Россией как стратегически значимый для продвижения национальных научных интересов и реализации механизмов научной дипломатии ввиду снижения темпов развития научной кооперации с западными партнерами и введения санкций, направленных в том числе на исключение российских исследователей из международных научно-исследовательских коллективов.

В последнее время регион БВСА демонстрирует ускоренное наращивание научного и технологического потенциала: создаются инновационные кластеры и технопарки, открываются филиалы ведущих мировых университетов, укрепляются национальные исследовательские фонды, расширяется система грантовой поддержки науки. Государства активно инвестируют в модернизацию научной инфраструктуры, подготовку кадров и цифровизацию исследовательских процессов. При этом наблюдается усиление международного сотрудничества с США, Европейским Союзом и Китаем, что способствует постепенному формированию конкурентоспособной научно-инновационной экосистемы.

Несмотря на имеющийся потенциал, коллаборация российских исследовательских институтов с академическими организациями стран БВСА остается фрагментарной. Этот факт указывает на необходимость углубленного анализа научно-технического развития региона, выявления перспективных направлений дву- и многостороннего сотрудничества, а также поиска новых форм организации взаимодействия. Недостаток аналитической информации о научной инфраструктуре стран БВСА, слабая проработка механизмов научной дипломатии и отсутствие комплексной стратегии долгосрочного партнерства снижают эффективность внешнеполитических и научно-технических инициатив России. Данная статья направлена на восполнение этого пробела.

Ранее проводившиеся исследования затрагивают отдельные аспекты сотрудничества – в основном экономические и политические, тогда как научно-технический потенциал региона освещен неполно и несистемно. Отсутствует системный анализ приоритетных отраслей, в которых российские наука и технологии могут быть востребованы. Также не разработаны устойчивые модели участия российских институтов в транснациональных исследовательских программах и фондах Ближнего Востока.

Для устранения имеющихся пробелов в 2022–2024 годах Российский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере провел исследование современного научного потенциала стран региона БВСА. Использовался комплексный подход, объединивший анализ инфраструктурных условий, институциональных механизмов и приоритетных сфер сотрудничества. Рассматривались ключевые направления перспективных исследований, механизмы организации научно-технического взаимодействия и потенциальные модели кооперации, обеспечивающие углубление научных контактов между Россией и странами региона БВСА.

Цель исследования – определить основы и перспективы развития научно-технического сотрудничества России с государствами БВСА посредством анализа состояния их научной и инновационной экосистемы, выявления инструментов, способных обеспечить устойчивое и взаимовыгодное партнерство.

Научная новизна исследования состоит в интеграции разрозненных данных о научно-образовательных и инновационных экосистемах стран региона в единую аналитическую модель, позволяющую выявить точки пересечения с российским научно-технологическим потенциалом.

Развитие научных коммуникаций и совместных исследовательских инициатив будет содействовать укреплению международного сотрудничества, формированию новых научных направлений и решению глобальных вызовов, обозначенных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации¹.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Развитие научного сотрудничества между Россией и странами БВСА рассматривается в контексте трансформации глобального научного пространства и поиска альтернативных направлений международной кооперации в условиях санкционного давления. Отмечаются рост научных контактов и расширение научно-исследовательских тематик в регионе [1]. Важную роль в этом процессе играет научная дипломатия, что подчеркивается в исследовании Д. В. Косякова и др. [2], а также в докладе Центра внешнеполитического сотрудничества имени Е.М. Примакова, где акцентируются недостаточность развития последней и необходимость внедрения системных механизмов поддержки².

Цифровая экономика, искусственный интеллект, фармацевтика и другие высокотехнологичные отрасли являются приоритетными направлениями взаимодействия, в первую очередь с Израилем и ОАЭ³. Эксперты отмечают потенциал Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии и Эфиопии в науке и инновациях, а также их интерес к сотрудничеству с Россией, особенно в рамках таких объединений, как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Ряд исследований указывают на сохраняющуюся зависимость научных структур стран БВСА от внешнего финансирования, что делает актуальным поиск более сбалансированных моделей кооперации [3].

Модельный подход к оценке социально-экономического развития стран региона представлен в работе Н. Миленковича и соавторов⁴, где применяется статистический метод I-distance для ранжирования акторов. Однако подобные исследования ориентированы на социально-экономические показатели в целом и не дают детальной картины научно-образовательной инфраструктуры. Критика традиционных наукометрических показателей усиливает потребность в комплексных оценках научного потенциала [4].

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

² Наумкин В., Пиотровский М., Кузнецов В. Миссия культурной и научной дипломатии России на Ближнем Востоке: презентация доклада [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-210951176_456242664 (дата обращения: 24.04.2025).

³ Труевцев К. Новая стратегия России на Ближнем Востоке: страны и направления. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/41289/> (дата обращения: 24.04.2025).

⁴ Milenkovic N., Vukmirovic J., Bulajic M., Radojicic Z. A Multivariate Approach in Measuring Socio-Economic Development of MENA Countries. *Economic Modelling*. 2014;(38):604–608.

Страны БВСА выступают импортером технологий и экспортером талантливых научных кадров⁵. В то же время наблюдается рост инновационной активности: ОАЭ, Марокко и Израиль инвестируют в исследования и инновации⁶. Однако в оценках российской политики в регионе отмечаются фрагментарность исследований и недостаточная разработка практических инструментов интеграции российских организаций в научные сети [5].

Цифровизация и информационно-коммуникационные технологии становятся важным драйвером технологического обновления и экономического роста [6; 7]. Э. Гелль и Я. Цвирс подчеркивают их роль в модернизации⁷. Особенности научного образования и реформ в странах Персидского залива посвящена коллективная монография под редакцией Н. Мансур и С. Аль-Шамрани⁸.

Сетевое научно-техническое сотрудничество определяется как важный инструмент поддержки инновационного роста стран БВСА. Так, А. Аль-Софи и Дж. Ал-Аммари описывают совместные исследовательские сети как механизм укрепления регионального потенциала: коллективная работа университетов, институтов и бизнеса способствует созданию виртуальных платформ, привлекая эмигрировавших арабских ученых и усиливая потенциал инновационных проектов⁹. Однако открытая наука остается фрагментарной: лишь 12 стран имеют издательства с открытым доступом; основным барьером при этом является правовая и инфраструктурная неразвитость¹⁰. Дж. Эль-Оуахи и соавторы выявляют культурные и исторические детерминанты научной мобильности в регионе и указывают на выраженный гендерный дисбаланс [8].

Анализируя историческую динамику социально-экономического развития региона, Х. Тилиун и М. Мезиан указывают, что политическая нестабильность сдерживает его развитие¹¹. Многие авторы отмечают влияние политической нестабильности также на научную сферу [9; 10]. В частности, после «арабской весны» значительно возросло количество научных публикаций, происходит переориентация исследователей на международную кооперацию вне территории БВСА. Это создает возможности для России как альтернативного научного партнера.

⁵ Mussaad M. Al-Razouki An Arab Science Spring: Science, Technology, and Innovation in the Middle East [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.mei.edu/publications/arab-science-spring-science-technology-and-innovation-middle-east> (accessed 24.04.2025).

⁶ Morrar R. Innovation in the MENA Region [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3Q2MmL> (accessed 24.04.2025) ; Sarah Sekkat. At the Forefront of Innovation: Emerging Research Hubs in the MENA Region [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.abramundi.org/post/at-the-forefront-of-innovation-emerging-research-hubs-in-the-mena-region> (accessed 24.04.2025).

⁷ Göll E., Zwiers J. Technological Trends in the MENA Region: The Cases of Digitalization and Information and Communications Technology (ICT) [Электронный ресурс]. 2018. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/331021327> (accessed 24.04.2025).

⁸ Science Education in the Arab Gulf States: Visions, Sociocultural Contexts and Challenges. Dordrecht: Sense Publishers; 2015. 252 p. <https://doi.org/10.1007/978-94-6300-049-9>

⁹ Al-Soufi A., Al-Ammari J. The Role of a Collaborative Research Network (CRN) in Improving the Arabian Gulf Countries' Performance in Research and Innovation [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3Q2pEb> (accessed 24.04.2025).

¹⁰ Sawahel W. It is Imperative to Build Open Science Capabilities in MENA [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20230111140335759> (accessed 24.04.2025).

¹¹ Tiliouine H., Meziane M. The History of Well-Being in the Middle East and North Africa (MENA) [Электронный ресурс]. In: Estes R., Sirgy M. (eds) The Pursuit of Human Well-Being. International Handbooks of Quality-of-Life. https://doi.org/10.1007/978-3-319-39101-4_16

Развитие науки в странах БВСА рассматривается также в публикациях, касающихся научных исследований в вузах отдельных государств¹². Работы, посвященные Саудовской Аравии, анализируют структуру и эффективность научной деятельности в ведущих университетах [11; 12], роль финансирования в результативности исследований. Эксперты указывают на влияние политической нестабильности, низкого финансирования и кадрового дефицита [13], на необходимость реформ управления университетами и международного сотрудничества¹³, а также на проблемы низких инвестиций, утечки умов и слабой связи науки с экономикой [14].

Значительное внимание в последние годы привлекают исследования предпринимательства как фактора инновационного роста, в которых подчеркивается слабая изученность устойчивости экосистем и их связи с наукой [15]. Т. Верхейен и соавторы указывают на разрыв между экономической открытостью стран региона и медленной модернизацией их научных институтов, что тормозит интеграцию в мировые сети¹⁴. Мобильность ученых не ведет к устойчивому расширению связей, по-прежнему важна институциональная поддержка научного сотрудничества [16].

Отдельные исследования, посвященные региональной стабильности и внешней политике [17; 18], позволяют учитывать потенциальные барьеры и драйверы научных отношений. Государства БВСА, стремящиеся интегрироваться в мировую экономику, ищут партнеров, которые могли бы гарантировать долгосрочный приток инвестиций и активно поддерживать мирный и сбалансированный порядок в регионе¹⁵. Т. И. Тюкаева подчеркивает интерес стран Персидского залива к многосторонней дипломатии и устойчивому взаимодействию с Россией, несмотря на внешнеполитические вызовы [19; 20]. Работа В. Н. Панина [21] освещает геополитические процессы и роль России в межрегиональном сотрудничестве, включая научную сферу. В исследовании Д. С. Крылова [22] акцентируется значимость ценностных ориентиров территории БВСА для формирования устойчивых научных и дипломатических связей. Однако вопрос о практических инструментах интеграции российских организаций в научные сети региона БВСА остается недостаточно разработанным.

Современные исследования дают разрозненное представление о научно-техническом потенциале региона, не формируют целостную картину инфраструктурных условий и механизмов сотрудничества. Недостаточно изучены вопросы регулярного мониторинга научных показателей, практические инструменты научной дипломатии и форматы долгосрочного партнерства. Это определяет актуальность проведенного исследования, направленного на системный анализ научной и инновационной инфраструктуры региона БВСА, выявление точек сопряжения

¹² Sarath Shyam. Middle East: An Emerging Global Hub of Higher Education and Research [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.highereducationdigest.com/middle-east-an-emerging-global-hub-of-higher-education-and-research/> (accessed 24.04.2025).

¹³ Azoury N., Habchi A. Overview of the Current Higher Education System in the Middle East and North Africa [Электронный ресурс]. In: Azoury N., Yahchouchi G. (eds) Governance in Higher Education. https://doi.org/10.1007/978-3-031-40586-0_2

¹⁴ Verheijen T., Staroňová K., Elghandour I., Lefebvre A.-L. The Middle East and North Africa (MENA) and Globalization. In: Civil Servants and Globalization. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781529215748.003.0002>

¹⁵ Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика [Электронный ресурс]. Российский совет по международным делам. URL: <https://clck.ru/3PLbr8> (дата обращения: 24.04.2025).

с российской наукой и разработку предложений для укрепления международного научно-технического сотрудничества.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Дизайн исследования. Исследование имеет смешанный описательно-сравнительный характер и построено на основе комплексного подхода, сочетающего количественные и качественные методы анализа. Его фундамент составляет разработанная авторская методология рейтинговой оценки научно-технического и инновационного потенциала региона «Восточный вектор» [23].

Для сопоставления показателей стран БВСА между собой и с параметрами Российской Федерации применялся сравнительный анализ. Это позволило выявлять существующие тенденции и определять потенциальные точки роста.

Методы сбора данных. Библиометрический анализ использовался для количественной оценки научного потенциала. Анализ научной инфраструктуры проводился путем систематизации сведений из открытых источников, к которым относятся официальные сайты министерств, научных организаций и университетов. Экспертный и контент-анализ применялись для работы с нормативно-правовыми актами, стратегическими документами и отчетами международных организаций. Отдельно осуществлялся анализ материалов по научной дипломатии, включающий изучение данных международных платформ и документов научных мероприятий.

Методы обработки и анализа данных. Статистический анализ использовался для работы с количественными показателями научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), такими как численность исследователей и объемы высокотехнологичного экспорта. Сравнительный анализ позволил сопоставить данные в разрезе стран. Также были проведены систематизация и классификация научных центров в соответствии с классификатором Организации экономического сотрудничества и развития (англ. *Organisation for Economic Co-operation and Development*)¹⁶.

Для анализа международного научного сотрудничества были выгружены данные из Web of Science и Scopus за 2014–2023 гг. В анализ включались статьи и обзоры; публикация считалась международной, если в аффилиации авторов указывались две страны и больше. Для каждого государства рассчитывались общее число публикаций, число международных публикаций и их доля. Для выявления ведущих партнеров строились парные матрицы «страна БВСА – партнер»; определялась доля каждой страны-партнера в общем объеме публикаций. Динамика и структура соавторства визуализировались с использованием описательной статистики и методов сетевого анализа.

Для анализа патентов учитывались данные ORBIT Intelligence и Всемирной организации интеллектуальной собственности за 2012–2022 гг.; анализировались выданные патенты и патентные семейства по странам региона. Классификация технологий осуществлялась по Международной патентной классификации (IPC) на уровне подклассов. Рассчитывались абсолютные и относительные показатели (количество, доля, темпы прироста), строились рейтинги стран и выявлялись приоритетные технологические направления для международного сотрудничества.

¹⁶ Расширенный классификатор OECD (Organization for Economic Co-operation and Development) [Электронный ресурс]. URL: https://storage.tusur.ru/files/134958/kody_OECD.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

Источники и базы данных. Эмпирическую базу исследования составили международные базы цитирования и патентов, в частности Web of Science, Scopus и ORBIT Intelligence, за указанные периоды. Использовались данные международных организаций и индексов, включая Всемирный банк, ЮНЕСКО и Глобальный инновационный индекс, а также официальные документы и веб-ресурсы государственных органов стран БВСА, аналитические отчеты (UNESCO Science Report) и материалы конгрессов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнительный анализ научного потенциала стран БВСА и России как основа для формирования научно-технического сотрудничества. Анализ научно-технического потенциала стран БВСА показывает активное развитие науки при значительных различиях в инвестициях, численности исследователей и результатах исследований (табл. 1).

Таблица 1. Показатели научной деятельности в странах БВСА и России¹⁷

Table 1. Science indicators in the MENA countries compared to Russia

Страна / Country	Ресурсы (научно-технический потенциал), 2022 г. / Resources (scientific and technical potential), 2022		Результаты (научно-технический прогресс), 2023 г. / Results (scientific and technological progress), 2023		
	исследователи в НИОКР, на млн чел. / Researchers in R and D, per million people	расходы на НИОКР, % от ВВП / R and D expenditure, % of GDP	заявки на патенты (резиденты), шт. / Number of patent publications (residents), pcs	публикации, ед. / Number of scientific publications, pcs	высокотехнологичный экспорт, % от произведенной экспортной продукции / High-technology exports, % of manufactured exports
1	2	3	4	5	6
Россия / Russia	2 698	0,9	20 623	114 332	10 (2021)
ОАЭ / UAE	2 666	1,5	144	20 283	9
Турция / Turkey	2 536	1,3	8 429	75 261	5
Тунис / Tunisia	1 672	0,8 (2021)	Н/Д / N/A	10 456	8
Марокко / Morocco	1 081 (2016)	0,7 (2012)	310	14 915	5
Катар / Qatar	983	0,7	57	6 565	3
Египет / Egypt	841	1,0	695	43 101	3
Саудовская Аравия / Saudi Arabia	835	0,5	2 819	62 768	23
Алжир / Algeria	832	0,5 (2020)	1 396	11 165	1

¹⁷ Составлена авторами по данным следующих источников: База данных Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 24.04.2025) ; Глобальный инновационный индекс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index> (дата обращения: 24.04.2025) ; Международная информационно-аналитическая патентная база ORBIT Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <https://Intelligence.orbit.com> (дата обращения: 02.02.2025) ; База данных Scopus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elsevier.com/products/scopus> (дата обращения: 02.02.2025).

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6
Израиль / Israel	Н/Д / N/A	6	1 435	27 164	35
Иордания / Jordan	578 (2017)	0,7 (2016)	21	11 989	2
Бахрейн / Bahrain	384 (2014)	0,1 (2014)	8	2 059	1
Оман / Oman	382	0,3	55	4 626	5
Кувейт / Kuwait	182	0,1	Н/Д / N/A	3 725	2
Ирак / Iraq	162	0,04	727	26 404	Н/Д / N/A
Сирия / Syria	142	0,2 (2015)	80	1 322	1 (2010)
Йемен / Yemen	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	11	1 805	5 (2015)
Ливан / Lebanon	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	6 564	4
Ливия / Libya	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	1 134	1
Палестина / Palestine	Н/Д / N/A	0,5 (2011)	Н/Д / N/A	2 329	2 (2020)
Судан / Sudan	Н/Д / N/A	0,2 (2005)	Н/Д / N/A	1 832	2 (2018)

Примечания / Notes. 1) В скобках указывается год, когда были получены данные / The year in which the data was obtained is indicated in brackets; 2) ВВП – валовой внутренний продукт / GDP – gross domestic product.

Как видно из таблицы 1, по количеству исследователей в НИОКР на миллион человек лидирует Россия (2 698 ученых). Турция и ОАЭ также демонстрируют высокий уровень кадрового потенциала (2 536 и 2 666 ученых соответственно), опережая средний мировой показатель (1 368 ученых на млн чел.). Значительно отстают Кувейт (182 ученых), Ирак (162) и Сирия (142 ученых), а также Судан и Ливия, где данные отсутствуют либо крайне низкие.

По расходам на исследования и разработки абсолютным лидером остается Израиль (6 % от ВВП), высокие значения у ОАЭ (1,5), Турции (1,3) и Египта (1,02 % от ВВП), которые стабильно увеличивают инвестиции в науку. В России расходы на НИОКР составляют 0,9 % от ВВП, что ставит ее на 5-е место среди рассматриваемых стран.

Результативность научных исследований также различается. Лидирует по количеству патентных заявок Россия (20 623 в 2023 г.), значительно опережая страны БВСА, среди которых лучшие результаты показывают Турция (8 429 заявок) и Саудовская Аравия (2 819 заявок). Минимальная патентная активность характерна, например, для Катара – 57 заявок, Омана – 55 и Бахрейна – 8 заявок.

По количеству публикаций тоже лидирует Россия (114 332 в 2023 г.), за ней следуют Турция (75 261), Саудовская Аравия (62 768) и Египет (43 101). Однако в ряде стран показатель остается низким (в Судане – 1 832 публикации, в Ливии – 1 134), что говорит о недостаточной интеграции их научных сообществ в мировую систему исследований.

Наибольшая доля высокотехнологичной продукции в экспорте у Израиля (35 %) и Саудовской Аравии (23 %). В России этот показатель составил 10 % (2021 г.), что свидетельствует о необходимости усиления технологической конкурентоспособности и диверсификации экспортного потенциала высокотехнологичной продукции.

Сравнение показывает взаимодополняемость научных профилей: сильная публикационная и патентная база России может сочетаться с инвестиционными возможностями ОАЭ и Турции. В то же время дефицит исследовательских кадров в ряде стран региона (например, в Кувейте) открывает возможности для академического партнерства и совместных образовательных программ.

Отметим, что сопоставление стран региона между собой и с мировыми лидерами, определение динамики научного развития затруднено из-за фрагментарности статистики. Данные по ключевым показателям собираются, анализируются и передаются нерегулярно. Так, в Иордании по показателю «Количество исследователей в НИОКР на млн человек» представлены сведения за 2017 г., по «Расходам на НИОКР» – за 2016 г. (см. табл. 1).

Кроме того, оценку национального научно-технического потенциала осложняет отсутствие единой системы мониторинга и анализа научной деятельности. Существующие международные рейтинги науки и инноваций часто предоставляют неточные оценки из-за устаревших данных, сравнивая показатели разных лет.

В результате формирование стратегий международного научно-технического сотрудничества опирается на неполные или несогласованные данные, что повышает риски при выборе приоритетов взаимодействия. Это обуславливает необходимость проведения комплексного анализа научной инфраструктуры и актуализации показателей на основе интеграции национальных и международных источников данных.

Тренды научных исследований в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Общая публикационная активность стран Ближневосточного региона за десятилетие выросла более чем в 2,5 раза – с 125 891 публикации в 2014 г. до 320 552 в 2023 г. (табл. 2). Основной вклад обеспечили Турция, Саудовская Аравия, Египет и Израиль. Темпы роста опережают мировые (рост количества публикаций в Scopus за этот период – 1,4 раза).

Таблица 2. Результативность научных исследований стран БВСА за 2014–2023 гг., тыс. шт.¹⁸

Table 2. Research Performance of the MENA Countries, 2014–2023, thousand pcs

Страна / Country	Количество публикаций в год / Number of publications per year									
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Турция / Turkey	40,50	44,29	47,62	45,41	46,83	53,29	59,69	68,22	72,63	75,26
Саудовская Аравия / Saudi Arabia	17,99	20,03	21,39	22,22	24,10	28,63	38,53	48,70	59,03	62,77
Египет / Egypt	15,72	17,17	19,66	19,80	22,66	26,34	32,83	39,25	44,37	43,10
Израиль / Israel	20,23	20,94	21,82	22,39	24,02	24,30	25,70	27,86	27,35	27,16
Ирак / Iraq	2,03	2,21	3,24	4,52	9,41	14,57	19,45	17,88	20,37	26,40
ОАЭ / UAE	3,77	4,92	5,77	6,63	7,52	9,43	11,23	13,70	16,70	20,28
Иордания / Jordan	2,59	2,66	3,10	3,60	4,55	5,50	6,80	8,11	9,66	11,99
Алжир / Algeria	5,31	6,09	6,78	7,53	8,54	8,46	8,62	9,99	11,12	11,17

¹⁸ Таблицы 2, 3 и рисунок 1 подготовлены авторами на основе Базы данных Scopus...

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Тунис / Tunisia	6,62	7,29	8,21	9,07	8,58	8,50	8,73	9,44	10,48	10,46
Катар / Qatar	2,78	3,33	3,96	4,00	4,14	4,68	5,57	6,48	6,45	6,57
Ливан / Lebanon	2,35	2,50	2,97	3,25	3,77	3,96	4,65	4,73	4,75	6,56
Оман / Oman	1,46	1,64	1,85	1,85	2,06	2,43	2,84	3,66	4,27	4,63
Кувейт / Kuwait	1,39	1,55	1,60	1,77	2,03	2,38	2,56	2,97	3,41	3,73
Палестина / Palestine	0,60	0,55	0,61	0,83	0,90	1,05	1,31	1,63	1,91	2,33
Бахрейн / Bahrain	0,43	0,41	0,52	0,59	0,74	1,07	1,30	1,58	1,96	2,06
Судан / Sudan	0,68	0,67	0,86	0,87	1,02	1,15	1,33	1,75	1,93	1,83
Йемен / Yemen	0,39	0,34	0,39	0,47	0,56	0,74	1,15	1,68	1,90	1,81
Сирия / Syria	0,54	0,57	0,53	0,46	0,52	0,62	0,85	1,09	1,31	1,32
Ливия / Libya	0,50	0,45	0,40	0,49	0,52	0,58	0,74	1,11	1,08	1,13
Итого / Total	125,89	137,61	151,29	155,75	172,46	197,68	233,87	269,83	300,68	320,55

В Турции импульсом, обеспечившим рост публикационной активности, послужили существенное увеличение финансирования науки и образования, расширение системы грантовой поддержки, стимулирование инноваций и создание технологических зон в 2002–2012 гг. В этот период наблюдались активизация деятельности Организации по научным и технологическим исследованиям TÜBİTAK, рост расходов на НИОКР, укрепление университетской исследовательской базы и расширение участия Турции в международных программах, включая Horizon 2020¹⁹. В Саудовской Аравии подобным драйвером стала программа National Transformation Program (2016 г.), направленная на диверсификацию экономики и расширение современной исследовательской инфраструктуры²⁰. Израиль продемонстрировал стабильный, менее резкий рост, сохраняя высокую научную репутацию и хорошо развитую инфраструктуру.

Значительный скачок активности зафиксирован в Ираке начиная с 2016 г.: число публикаций резко увеличилось с 3 237 до 26 404 в 2023 г., что обусловлено преодолением кризиса, связанного с войной с ИГИЛ²¹ (восстанавливались образовательные и исследовательские институты, расширялось международное сотрудничество, привлекалось финансирование, появился доступ к глобальной научной инфраструктуре).

В Иордании важным фактором стало открытие в 2017 г. первого научно-исследовательского центра уровня «мегасайенс» в регионе – SESAME (источник синхротронного излучения)²². Страна укрепляет позиции за счет активной работы ведущих исследовательских вузов и привлечения грантового финансирования, особенно в таких областях, как медицина, инженерные науки и устойчивое развитие.

¹⁹ Аватков В.А. Турецкая модель научной политики. *Тренды и управление*. 2018;(2):1–10. <https://www.elibrary.ru/XRDYFN>

²⁰ National Transformation Program [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.vision2030.gov.sa/en/explore/programs/national-transformation-program> (accessed 24.04.2025).

²¹ Признана Верховным судом Российской Федерации террористической организацией; деятельность на территории РФ запрещена.

²² Nadji A., Ghannam Abu S., Hoorani H.R., Qazi Z., Saleh I. The SESAME project [Электронный ресурс]. Available at: <https://accelconf.web.cern.ch/ICALEPCS2011/papers/mocauio04.pdf> (accessed 24.04.2025).

Общее усиление публикационной активности с 2018 г. связано с увеличением финансирования науки и активным международным сотрудничеством.

В таблице 3 показана динамика в рамках международного научного сотрудничества в топ-10 странах БВСА в 2014–2023 гг. Во внешнем взаимодействии с государствами региона доминируют США, являющиеся ключевым партнером для Турции, Египта, Израиля, ОАЭ, Иордании, Катара, Кувейта, Палестины и Сирии. Ведущим партнером для Саудовской Аравии, Омана, Бахрейна и Йемена выступает Индия; для Ирака и Ливии – Великобритания; для Туниса, Алжира и Ливана – Франция; для Судана – Китай.

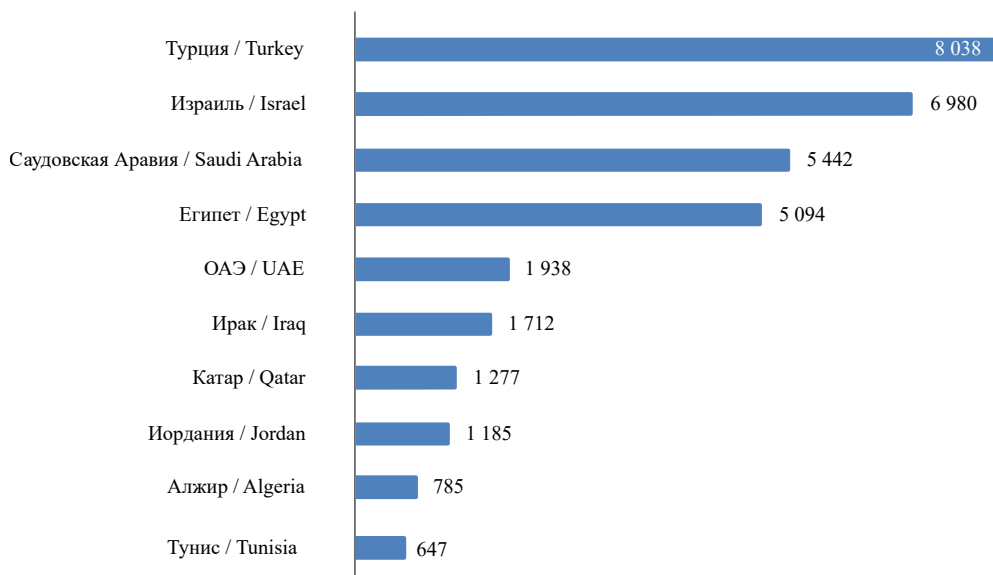
Таблица 3. Доля совместных публикаций от общего объема публикаций в топ-10 странах БВСА, 2014–2023 гг., %

Table 3. Share of joint publications of the total volume of publications in the top-10 MENA countries, 2014–2023, %

Страна / Country	Доля совместных публикаций от общего объема публикаций в году / The share of joint publications in the total volume of publications per year									
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Саудовская Аравия / Saudi Arabia	72	75	75	74	74	73	73	77	79	78
ОАЭ / UAE	63	64	65	66	68	67	71	75	76	78
Катар / Qatar	78	83	81	82	81	77	74	73	76	76
Иордания / Jordan	48	51	51	49	51	50	51	56	58	63
Тунис / Tunisia	47	50	51	51	53	56	59	60	61	60
Египет / Egypt	50	50	49	51	51	52	54	57	59	60
Израиль / Israel	45	48	48	48	49	50	51	50	50	51
Алжир / Algeria	45	44	46	47	46	47	49	50	48	47
Ирак / Iraq	62	63	54	51	33	26	25	30	36	35
Турция / Turkey	19	20	22	23	24	24	26	27	29	31

Россия занимает устойчивую позицию среди научных партнеров региона (рис. 1). Однако ее участие часто встроено в крупные международные программы, инициируемые ведущими исследовательскими странами. Наиболее заметно взаимодействие в физике высоких энергий: почти треть совместных с экспертами из Турции публикаций связана с исследованиями на Большом адронном коллайдере.

Развитие технологий в странах БВСА оценивается на основе анализа патентной активности за 2012–2022 гг. Отмечается значительный разрыв между лидерами и остальными странами, что отражает неравномерность инновационного ландшафта региона, а также различия в научно-технической политике и уровне интеграции в глобальные технологические цепочки.

Р и с. 1. Количество совместных публикаций экспертов из России и 10 ведущих стран БВСА, 2014–2023 гг., шт.

F i g. 1. Number of joint publications by experts from Russia and the top 10 MENA countries, 2014–2023, pcs

На рисунке 2 показаны топ-10 стран БВСА по количеству выданных в своих патентных офисах патентов: Израиль (44,3 тыс.) и Турция (22,6) занимают ведущие позиции, за ними следует Саудовская Аравия (8,8 тыс.). Формируется биполярная модель технологического развития, в которой одни страны выступают ключевыми инновационными центрами, другие демонстрируют низкую коммерциализацию научных разработок.

Анализ патентной активности в перспективных областях технологий в странах БВСА выявил потенциальные направления сотрудничества России в инновациях: нефтедобыча – с Саудовской Аравией, медицина – с Израилем, нанотехнологии – с Египтом. В целом наиболее востребованы совместные проекты в сфере медицины (отмечены в 16 странах региона) и машиностроении (в 14 странах).

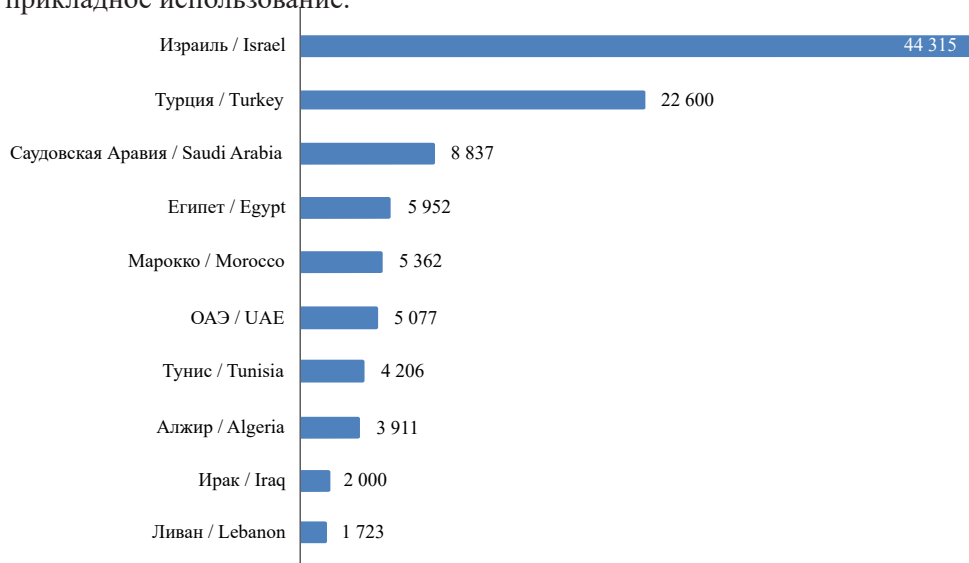
Научная инфраструктура региона БВСА изучалась в контексте перспектив совместных работ исследователей. Ключевая задача – укрепление сотрудничества путем обеспечения доступности и прозрачности информации о научной инфраструктуре региона. Сведения о местных научных центрах, направлениях их исследований, контактах и международных проектах собирались и анализировались в поисках приоритетных научных направлений стран для определения общих интересов.

Результатом работы стала База данных научных объектов и учреждений стран региона БВСА²³, которая содержит информацию о более чем 1000 научных центрах, функционирующих на базе 255 научных учреждений. База формировалась

²³ Ильина И.Е., Васильева И.Н., Богатова Р.С. База данных исследовательских центров и научных институтов стран Ближнего Востока и Средиземноморья: Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025622937 Российская Федерация; опубл. 10.07.2025. <https://elibrary.ru/UJFN9C>

на основе открытых источников, ориентирована как на академическое, так и на прикладное использование.

Р и с. 2. Топ-10 стран БВСА по количеству выданных в своих патентных офисах патентов, 2012–2022 гг., тыс. шт.²⁴

F i g. 2. Top 10 countries MENA in number of granted patents in their patent offices, 2012–2022, thousands pcs

Анализ научной инфраструктуры стран Ближневосточного региона показал, что она довольно разнообразна. Наиболее развита в Израиле, Египте, ОАЭ, Саудовской Аравии, Турции и Алжире, где реализуются целевые стратегии развития науки и создаются условия для привлечения устойчивого финансирования, а также инновационного роста.

Современное состояние и институциональные механизмы научно-технического сотрудничества России со странами БВСА. У России насчитывается 53 соглашения в данной сфере, однако полноценные профильные договоренности действуют только с восемью странами: Израилем, Турцией, Йеменом, Ливаном, Египтом, Сирией, Марокко и Тунисом. В ряде случаев вопросы науки и технологий регулируются в рамках экономических соглашений (например, с Суданом и Иорданией, отдельные инициативы – с Катаром). Вместе с тем с некоторыми государствами, включая Ливию, Ирак и Оман, двусторонние соглашения о научном сотрудничестве не заключены; имеются устаревшие документы (Протокол о развитии торгово-экономического и технического сотрудничества с Сирией²⁵).

²⁴ Подготовлен авторами на основе Патентной базы данных Всемирной организации интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/search.jsf> (дата обращения: 05.11.2024) ; Международная информационно-аналитическая патентная база ORBIT Intelligence...

²⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о торговом, экономическом и техническом сотрудничестве [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/57309/ (дата обращения: 24.04.2024).

В настоящее время научно-техническое взаимодействие России со странами рассматриваемого региона осуществляется по ряду направлений. Так, между университетами РФ и Египта заключено 118 соглашений о сотрудничестве в области науки и образования²⁶. Египет также является участником Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ)²⁷. В 2022 году началось строительство с российским участием атомной электростанции «Эль-Дабаа». Россия тоже будет поставлять ядерное топливо для обеспечения работоспособности АЭС и окажет содействие в подготовке кадров для атомной отрасли²⁸.

Россия и ОАЭ активно сотрудничают в сфере высоких технологий, освоения космоса²⁹ и низкоуглеродной энергетики³⁰. Расширяются академические связи с Алжиром – подписаны соглашения о взаимном признании квалификаций и подключении университетов к российско-африканским сетевым инициативам³¹. Коллаборация с Оманом включает совместные геологоразведочные исследования и связано с нефтью, газом и сельским хозяйством³². Российские университеты участвуют в реализации программы подготовки персонала для строящейся турецкой АЭС «Аккую»: создано протокольное соглашение между «Росатомом», Минэнерго Турции и вузами о совместных образовательных программах³³. Эти наработки подтверждают, что основа для сотрудничества уже существует и может быть масштабирована, затронув новые направления научной кооперации и технологического партнерства.

Развитие научной дипломатии в контексте партнерства России и стран БВСА. Предпосылки и направления развития научной дипломатии как инструмента углубления сотрудничества названных стран в научно-технической сфере представлены в Приложении³⁴. Особое внимание уделено взаимодействию в рамках международных организаций и инициатив, таких как Организация исламского сотрудничества (ОИС), Федерация арабских и российских университетов, объединение БРИКС. Одним из главных инструментов реализации научно-технического сотрудничества является Постоянный комитет по научно-техническому сотрудничеству ОИС (*COMSTECH*), играющий важную роль в координации научных инициатив в исламском мире. В 2023 году состоялся Международный молодежный

²⁶ Межгосударственные отношения России и Египта [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20250509/egipet-2015544464.html> (дата обращения: 24.04.2024).

²⁷ Общая информация о сотрудничестве с ОИЯИ [Электронный ресурс]. Сайт ОИЯИ. URL: http://www.jinr.ru/posts/map_maps/egipet/ (дата обращения: 25.07.2025).

²⁸ Межгосударственные отношения России и Египта [Электронный ресурс]. 17.06.2023. URL: <https://ria.ru/20230617/diplomatiya-1878798719.html> (дата обращения: 17.05.2024).

²⁹ О перспективах сотрудничества России и ОАЭ в сфере высоких технологий [Электронный ресурс]. 18.01.2024. URL: <https://clck.ru/3PLNLI> (дата обращения: 25.07.2025).

³⁰ ОАЭ и РФ продолжают тесное сотрудничество в области чистой энергетики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/902972> (дата обращения: 25.07.2025).

³¹ Россия и Алжир укрепляют научно-образовательное сотрудничество [Электронный ресурс]. 31.01.2025. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/94551/> (дата обращения: 25.07.2025).

³² Российские ученые придумали, как повысить нефтеотдачу на месторождении Омана [Электронный ресурс]. 20.01.2022. URL: <https://clck.ru/3PLNST> (дата обращения: 25.07.2025).

³³ Стартует совместная российско-турецкая образовательная программа магистратуры двойного диплома для подготовки турецких инженеров на АЭС «Аккую» [Электронный ресурс]. 17.06.2023. URL: <https://clck.ru/3PLNQq> (дата обращения: 25.07.2025).

³⁴ Приложение [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.133.033.202504.608>

научный конгресс стран ОИС³⁵, ставший площадкой для формирования устойчивых механизмов международного взаимодействия в научной сфере.

Особое значение имеют международные исследовательские форумы. Так, в мае 2018 года в Москве состоялся саммит Глобального исследовательского совета по научной дипломатии. В его работе приняли участие представители 160 научных фондов из 60 стран, в том числе исследовательские организации из семи стран БВСА. Форум продемонстрировал значимость международного сотрудничества в сфере науки и подчеркнул необходимость дальнейшего взаимодействия.

Ключевыми предпосылками развития научной дипломатии России в регионе БВСА выступают:

- локализация международного научно-технического сотрудничества на основе инфраструктуры класса «мегасайенс» (например, деятельность ОИЯИ)³⁶;

- использование COMSTECH как платформы для международного взаимодействия в научно-технической сфере, в том числе программ академической мобильности и привлечения исламских финансовых инструментов для поддержки научных исследований³⁷;

- интеграция стран – участниц саммита Глобального исследовательского совета по научной дипломатии в разработку стратегий научного сотрудничества и реализацию совместных проектов, что способствует укреплению позиций России в глобальном научном пространстве.

Концепция научной дипломатии Российской Федерации в странах БВСА, направленная на повышение эффективности стратегии научно-технического взаимодействия с данными государствами, – это региональный инструмент реализации положений Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации³⁸, а также Стратегии научно-технологического развития РФ³⁹. Ее основными задачами являются конкретизация и институционализация направлений научной кооперации с названным регионом, развитие механизмов научной дипломатии, увеличение эффективности международного научного обмена и формирование устойчивых партнерств. Предлагаемый документ нацелен на расширение научного присутствия России в регионе и укрепление ее позиций в глобальной научной системе.

Разработка и реализация Концепции научной дипломатии Российской Федерации в регионе БВСА выступает не изолированной инициативой, а органично вписывается в стратегическую рамку научно-технологического развития России. Учитывая потенциал данного региона и его активную трансформацию в научно-инновационном плане, предложенный подход может стать моделью для тиражи-

³⁵ О II Молодежном научном конгрессе стран ОИС [Электронный ресурс]. Сайт Представительства МИД в г. Казань. URL: https://kazan.mid.ru/ru/press-centre/news/o_ii_molodezhnom_nauchnom_kongresse_stran_ois/ (дата обращения: 24.04.2025).

³⁶ ОИЯИ: объединяя государства и научные сообщества [Электронный ресурс]. URL: <http://jinrmag.jinr.ru/2022/46/kp46.htm> (дата обращения: 24.04.2025).

³⁷ Organization of Islamic Cooperation Standing Committee on Scientific and Technological Cooperation (COMSTECH) [Электронный ресурс]. Available at: <https://comstech.org/> (accessed 24.04.2025).

³⁸ Об утверждении Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.05.2025 № 1218-р [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411960688/> (дата обращения: 25.07.2025).

³⁹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации...

рования в отношении других приоритетных для российской внешней научной политики территорий.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы в странах БВСА наблюдается рост научной активности: увеличивается число публикаций и патентов, укрепляются международные связи, развивается исследовательская инфраструктура. Тем не менее сохраняются существенные барьеры – ограниченность финансирования, нехватка квалифицированных кадров, фрагментарность данных, а также влияние политической нестабильности.

Ключевыми направлениями сотрудничества России со странами названного региона определены медицина, биотехнологии, нанотехнологии, искусственный интеллект и возобновляемая энергетика. С учетом различий в научно-техническом развитии и степени открытости к партнерству с Россией целесообразно дифференцировать подход к развитию научной коллаборации по странам БВСА следующим образом:

1) с демонстрирующими высокий интерес к науке, инновациям и диверсификации экономики ОАЭ, Египтом, Саудовской Аравией – возможны совместные исследовательские центры в области искусственного интеллекта, энергетики, медицины, фармацевтики, зеленых технологий, а также академические обмены, участие в платформах COMSTECN и БРИКС+;

2) с характеризующимися развитой научной инфраструктурой, проявляющими интерес к сотрудничеству с Россией в рамках устойчивого развития, технологий водоснабжения и агротехнологий Алжиром, Марокко, Тунисом – рекомендуется акцентировать внимание на совместных прикладных проектах и развитии программ с участием российских вузов;

3) с Турцией, сложным, но потенциально значимым партнером – возможно развитие академических обменов, совместных образовательных программ⁴⁰, проектов по экологии, биоразнообразию и связанных с Антарктидой⁴¹;

4) с нестабильными и политически чувствительными Ливией, Сирией, Йеменом, Ливаном – предлагается оказать содействие в восстановлении научной инфраструктуры, с гуманитарными программами, дистанционными форматами академического сотрудничества.

Для расширения научных связей необходимы современные инструменты научной дипломатии, актуализация договорной базы, поддержка совместных исследований и доступ к информации о научных центрах региона (например, через платформу «Восточный вектор» [23] и портал ckp-rf.ru). Стратегически значимым шагом станет утверждение Концепции научной дипломатии РФ в регионе.

Реализация предложенных мер позволит повысить уровень интеграции России в научное пространство региона и создать прочную основу для долгосрочного научного сотрудничества, способствовать повышению интеграции России в региональное научное пространство.

⁴⁰ Россия и Турция разработают совместные образовательные проекты для атомной отрасли [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/49565/> (дата обращения: 25.07.2025).

⁴¹ Россия и Турция договорились о развитии сотрудничества в природоохранной сфере: отходы, биоразнообразие, Антарктида [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3PLQUF> (дата обращения: 25.07.2025).

Ограничением работы является опора на открытые статистические и библиометрические данные, что может влиять на полноту анализа; перспективными видятся исследования с использованием экспертных опросов и более детализированного анализа в разрезе отдельных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Житенев С.Ю., Васильева И.Н., Реброва Т.П., Бородик К.А., Васюков А.Н. Перспективы сотрудничества России со странами Ближнего Востока и Средиземноморья. *Управление наукой и наукометрия*. 2022;17(4):483–525. <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2022.17-4.483-525>
2. Косяков Д.В., Васильева И.Н., Демидов А.В., Богатова Р.И. Научная дипломатия как важный инструмент развития международного научного сотрудничества в странах Ближнего Востока и Северной Африки. *Социология науки и технологий*. 2024;15(1):181–203. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-1-180-203>
3. Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021;(4):15–24. <https://doi.org/10.31857/S032150750014642-8>
4. Kiesslich T., Beyreis M., Zimmermann G., Traweger A. Citation Inequality and the Journal Impact Factor: Median, Mean, (does it) Matter? *Scientometrics*. 2021;(126):1249–1269. <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03812-y>
5. Рыжов И.В., Тощая Е.П. Анализ политики России на Ближнем Востоке в 2000–2015 гг. в работах российских исследователей. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016;(4):82–90. <https://elibrary.ru/XAXZSZ>
6. Tripathi A. Mapping the Digitalization in SMEs of Middle East Region: Trends and Insights from Bibliometric Analysis. *Future Business Journal*. 2024;10(1):127. <https://doi.org/10.1186/s43093-024-00416-3>
7. Меланьина М.В., Ахмед Надир А.Н., Пономарева В.С. Опыт формирования цифровых стратегий развивающихся стран (на примере Северной Африки). *Горизонты экономики*. 2022;(4):69–65. <https://elibrary.ru/STXYZD>
8. El-Ouahi J., Robinson-García N., Costas R. Analyzing Scientific Mobility and Collaboration in the Middle East and North Africa. *Quantitative Science Studies*. 2021;2(3):1023–1047. https://doi.org/10.1162/qss_a_00149
9. Hussien H.H., Elhafian M.H., Sidahmed A.O.M. Towards a Human Life Index: Assessing Human Development in the Arab Countries. *Quality and Quantity*. 2025;5(10):1–18. <https://doi.org/10.1007/s11135-025-02174-y>
10. Ibrahim B. Arab Spring's Effect on Scientific Productivity and Research Performance in Arab Countries. *Scientometrics*. 2018;(117):1555–1586. <https://doi.org/10.1007/s11192-018-2935-z>
11. Al-Jamimi H.A., BinMakhashen G.M., Bornmann L., Al Wajih Y.A. Saudi Arabia Research: Academic Insights and Trend Analysis. *Scientometrics*. 2023;(128):5595–5627. <https://doi.org/10.1007/s11192-023-04797-0>
12. Alshareef M.R., Alrammah I.A., Alshoukani N.A., Almalik A.M. The Impact of Financial Incentives on Research Production: Evidence from Saudi Arabia. *Scientometrics*. 2023;(128):3067–3089. <https://doi.org/10.1007/s11192-023-04692-8>
13. Яку Г.С., Иванова А.М. Высшее образование в арабских странах: актуальные вопросы. *Азия и Африка сегодня*. 2018;(1):53–59. <https://elibrary.ru/YKUMZT>
14. Saaida M.B.E. Problems of Scientific Research in the Arab World. *International Journal of Interdisciplinary and Multidisciplinary Studies (IJIMS)*. 2021;8(1):100–105. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.6191681>
15. Aljuwaiber A. Entrepreneurship Research in the Middle East and North Africa: Trends, Challenges, and Sustainability Issues. *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*. 2021;13(3):380–426. <https://doi.org/10.1108/JEEE-08-2019-0123>
16. Bernard M., Bernela B., Ferru M. Does the Geographical Mobility of Scientists Shape their Collaboration Network? A Panel Approach of Chemists' Careers. *Papers in Regional Science*. 2021;100(1):79–100. <https://doi.org/10.1111/pirs.12563>

17. Аватков В.А., Крылов Д.С. Военный фактор в региональном балансе сил на Ближнем Востоке. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2024;19(4):14–35. <https://www.elibrary.ru/VYQRHC>
18. Звягельская И.Д. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока. *Политические исследования*. 2022;(6):55–66. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.05>
19. Тюкаева Т.И. Взгляд монархий Залива на трансформации мироустройства и место России в нем. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024;68(5):49–60. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60>
20. Тюкаева Т.И. Политика ОАЭ и Катар в отношении Индии: два видения, две стратегии. Восток. *Афро-азиатские общества: история и современность*. 2023;(4):152–163. <https://elibrary.ru/GLUMOG>
21. Панин В.Н. Геополитические процессы в Арабском мире. *Ближний и Постсоветский Восток*. 2024;(4):33–48. URL: https://inion.ru/site/assets/files/8796/06_11_blizhnii_i_post_vostok_2024_4_8_tip.pdf (дата обращения: 25.07.2025).
22. Крылов Д.С. Анализ идейно-ценностного потенциала государств Ближнего Востока на современном этапе. *Ближний и Постсоветский Восток*. 2023;(3):113–133. <https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.03.07>
23. Ильина И.Е., Васильева И.Н., Богатова Р.С. Разработка информационной платформы мониторинга показателей научно-технической и инновационной деятельности стран Ближнего Востока и Средиземноморья. *Социология науки и технологий*. 2023;14(3):180–207. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2023-3-180-207>

REFERENCES

1. Zhitenev S.Y., Vasilyeva I.N., Rebrova T.P., Borodik K.A., Vasyukov A.N. Prospects for Russia's Cooperation with the Countries of the Middle Eastern and the Mediterranean States. *Science Governance and Scientometrics*. 2022;17(4):483–525. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2022.17-4.483-525>
2. Kosyakov D.V., Vasilyeva I.N., Demidov A.V., Bogatova R.S. Science Diplomacy as an Important Tool for International Scientific Collaborations Development in MENA Countries. *Sociology of Science and Technology*. 2024;15(1):181–203. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-1-180-203>
3. Fituni L.L. Science, Technology and Innovation in Africa: Stereotypes, Realities and Prospects. *Asia and Africa Today*. 2021;(4):15–24. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S032150750014642-8>
4. Kiesslich T., Beyreis M., Zimmermann G., Traweger A. Citation Inequality and the Journal Impact Factor: Median, Mean, (does it) Matter? *Scientometrics*. 2021;(126):1249–1269. <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03812-y>
5. Ryzhov I.V., Totskaya E.P. The Analysis of Russian Policy in the Middle East in the Studies of Russian Researchers in 2000–2015. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2016;(4):82–90. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/XAXZSZ>
6. Tripathi A. Mapping the Digitalization in SMEs of Middle East Region: Trends and Insights from Bibliometric Analysis. *Future Business Journal*. 2024;10(1):127. <https://doi.org/10.1186/s43093-024-00416-3>
7. Melanina M.V., Ahmad Nadir A.N., Ponomareva V.S. Experience in the Formation of Digital Strategies of Developing Countries (Using the Example of North Africa). *Gorizonty ekonomiki*. 2022;(4):69–65. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/STXYZD>
8. El-Ouahi J., Robinson-García N., Costas R. Analyzing Scientific Mobility and Collaboration in the Middle East and North Africa. *Quantitative Science Studies*. 2021;2(3):1023–1047. https://doi.org/10.1162/qss_a_00149
9. Hussien H.H., Elhafian M.H., Sidahmed A.O.M. Towards a Human Life Index: Assessing Human Development in the Arab Countries. *Quality and Quantity*. 2025;5(10):1–18. <https://doi.org/10.1007/s11135-025-02174-y>
10. Ibrahim B. Arab Spring's Effect on Scientific Productivity and Research Performance in Arab Countries. *Scientometrics*. 2018;(117):1555–1586. <https://doi.org/10.1007/s11192-018-2935-z>

11. Al-Jamimi H.A., BinMakhashen G.M., Bornmann L., Al Wajih Y.A. Saudi Arabia Research: Academic Insights and Trend Analysis. *Scientometrics*. 2023;(128):5595–5627. <https://doi.org/10.1007/s11192-023-04797-0>
12. Alshareef M.R., Alammah I.A., Alshoukani N.A., Almalik A.M. The Impact of Financial Incentives on Research Production: Evidence from Saudi Arabia. *Scientometrics*. 2023;(128):3067–3089. <https://doi.org/10.1007/s11192-023-04692-8>
13. Yaku G.S., Ivanova A.M. Higher Education in Arab Countries: Topical Issues. *Asia and Africa Today*. 2018;(1):53–59. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/YKUMZT>
14. Saaida M.B.E. Problems of Scientific Research in the Arab World. *International Journal of Interdisciplinary and Multidisciplinary Studies*. 2021;8(1):100–105. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.6191681>
15. Aljuwaiber A. Entrepreneurship Research in the Middle East and North Africa: Trends, Challenges, and Sustainability Issues. *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*. 2021;13(3):380–426. <https://doi.org/10.1108/JEEE-08-2019-0123>
16. Bernard M., Bernela B., Ferru M. Does the Geographical Mobility of Scientists Shape their Collaboration Network? A Panel Approach of Chemists' Careers. *Papers in Regional Science*. 2021;100(1):79–100. <https://doi.org/10.1111/pirs.12563>
17. Avatkov V.A., Krylov D.S. Military Factor in the Regional Balance of Power in the Middle East. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2024;19(4):14–35. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/VYQRHC>
18. Zvyagelskaya I.D. New Regionalism and Old Issues in the Middle East. *Polis. Political Studies*. 2022;(6):55–66. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.05>
19. Tyukaeva T. The Gulf Monarchies' Vision of the Global Order Transformations and the Russian Place in It. *World Economy and International Relations*. 2024;68(5):49–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60>
20. Tyukaeva T.I. UAE and Qatar's Policies Towards India: Two Visions, Two Strategies. *Oriens*. 2023;(4):152–163. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/GLUMOG>
21. Panin V.N. Geopolitical Processes in Arab World. *Middle and Post-Soviet East*. 2024;(4):33–48. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://inion.ru/site/assets/files/8796/06_11_blizhnii_i_post_vostok_2024_4_8_tip.pdf (accessed 25.07.2025).
22. Krylov D.S. Analysis of Ideological and Value Potential of Middle East Powers at Present Stage. *Middle and Post-Soviet East*. 2023;(3):113–133. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.03.07>
23. Ilyina I.Ye., Vasilyeva I.N., Bogatova R.S. Information Platform for Monitoring Science, Technology and Innovation Indicators in MENA Countries. *Sociology of Science and Technology*. 2023;14(3):180–207. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2023-3-180-207>

Об авторах:

Ильина Ирина Евгеньевна, доктор экономических наук, доцент, директор Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20А), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, Researcher ID: J-9790-2014, Scopus ID: 56613287600, SPIN-код: 2616-3314, ilina@riep.ru

Богатова Раиса Султановна, аналитик Центра международного научно-технического сотрудничества Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20А), ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-2937-1759>, Researcher ID: JXM-3551-2024, SPIN-код: 1679-7191, graisa@mail.ru

Воронцова Екатерина Александровна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Центра международного научно-технического сотрудничества Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20А), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4373-1458>, Researcher ID: ABV-2409-2022, SPIN-код: 5046-5460, e.vorontsova@riep.ru

Вклад авторов:

И. Е. Ильина – разработка концепции; курирование данных; проведение исследования; административное руководство исследовательским проектом; научное руководство.

Р. С. Богатова – разработка концепции; курирование данных; формальный анализ; проведение исследования; разработка методологии; создание и подготовка рукописи: визуализация результатов исследования и полученных данных; написание черновика рукописи; написание рукописи – редактирование.

Е. А. Воронцова – разработка концепции; формальный анализ; проведение исследования; разработка методологии; написание рукописи – редактирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 27.01.2025; одобрена после рецензирования 11.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

About the authors:

Irina E. Ilina, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Director of the Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (20A Dobrolyubov St., Moscow 127254, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, Researcher ID: J-9790-2014, Scopus ID: 56613287600, SPIN-code: 2616-3314, ilina@riep.ru

Raisa S. Bogatova, Analyst at the Center for International Scientific and Technological Cooperation, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (20A Dobrolyubov St., Moscow 127254, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-2937-1759>, Researcher ID: JXM-3551-2024, SPIN-code: 1679-7191, graisa@mail.ru

Ekaterina A. Vorontsova, Cand.Sci. (Ped.), Senior Researcher, Center for International Science and Technology Cooperation, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (20A Dobrolyubov St., Moscow 127254, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4373-1458>, Researcher ID: ABV-2409-2022, SPIN-code: 5046-5460, e.vorontsova@riep.ru

Contribution of the authors:

I. E. Ilina – conceptualization; data curation; investigation; project administration; supervision.

R. S. Bogatova – conceptualization; data curation; formal analysis; investigation; methodology; visualization; writing – original draft preparation; writing – editing.

E. A. Vorontsova – conceptualization; formal analysis; investigation; methodology; writing – editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 27.01.2025; revised 11.06.2025; accepted 20.06.2025.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ /
INTERNATIONAL RELATIONS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.615-633><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/bnisp1>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 33(211–17)(73)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Основные направления арктической политики
в докладах «мозговых центров» США

П. Лю

*Юго-Восточный университет
(г. Нанкин, Китай)
lvpy219@163.com*

Аннотация

Введение. На фоне обострения конфликта на Украине и углубления российско-китайского сотрудничества в Арктике политика США демонстрирует новые тенденции развития. Цель исследования – выявление основных этапов эволюции арктической политики США, а также ее ключевых тематических направлений.

Материалы и методы. Применены модели BERTopic и DTM для тематического моделирования и динамического анализа 918 официальных политических документов (таких как стратегии, доктрины, директивы и отчеты), а также исследовательских докладов, опубликованных правительственными ведомствами и «мозговыми центрами» (*think tank*) США в период с января 2005 по январь 2025 года.

Результаты исследования. Определено, что основные темы докладов по арктической политике США сосредоточены в четырех направлениях: геополитика и безопасность, экологические и климатические изменения, экономическое и технологическое развитие, а также научные исследования и мониторинг данных. Динамическое тематическое моделирование дополнительно выявило эволюцию арктической политики и докладов «мозговых центров» США: экологическая защита – освоение энергетических ресурсов – геополитическая конкуренция.

Обсуждение и заключение. На фоне обострения конфликта на Украине и углубления российско-китайского сотрудничества в Арктике США последовательно усиливают безопасность в партнерстве с союзниками и наращивают военное присутствие в регионе. В перспективе арктической политика США будет сосредоточена на конкуренции ведущих держав, энергетической безопасности и технологических инновациях, что обусловлено необходимостью реагировать на растущие вызовы в сфере международной безопасности и глобального управления. Понимание этих тенденций имеет практическое значение для специалистов и лиц, принимающих решения, как в России, так и за ее пределами, поскольку позволяет формировать более точные прогнозы и выработать эффективные ответные меры на изменения в арктической стратегии США.

© Лю П., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: США, Арктика, политика и доклад, BERTopic, DTM

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование поддержано Программой инновационных исследований и практики для аспирантов провинции Цзянсу (KYCX25_0411).

Для цитирования: Лю П. Основные направления арктической политики в докладах «мозговых центров» США. *Регионоведение*. 2025;33(4):615–633. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.615-633>

Main Directions of Arctic Policies in Reports by US Think Tank

P. Lv
Southeast University
(Nanjing, China)
lvpy219@163.com

Abstract

Introduction. Against the backdrop of escalating conflict in Ukraine and deepening Russian-Chinese cooperation in the Arctic, US policy is demonstrating new trends. The aim of this study is to identify the main stages in the evolution of US Arctic policy, as well as its key thematic areas.

Materials and Methods. This study applies the BERTopic and DTM models for topic modeling and dynamic analysis of 918 official policy documents (such as strategies, doctrines, directives, and reports) and research reports published by government agencies and think tanks from 2005 to January 2025.

Results. The main topics of reports on US Arctic policy focus on four areas: geopolitics and security, environmental and climate change, economic and technological development, and scientific research and data monitoring. Dynamic thematic modeling further revealed the evolution of Arctic policy and reports by US think tanks, which went through stages of transition from environmental protection to energy resource development and then to geopolitical competition.

Discussion and Conclusion. Against the backdrop of deepening Russian-Chinese cooperation in the Arctic and the escalating conflict in Ukraine, the US is consistently strengthening security in cooperation with its allies and increasing its military presence in the region. Looking ahead, US Arctic policy will focus on competition between leading powers, energy security, and technological innovation, driven by the need to respond to growing challenges in international security and global governance. Understanding these trends is of key practical importance for experts and policymakers in Russia and other interested countries, as it enables them to formulate more accurate forecasts and develop effective responses to changes in US Arctic strategy.

Keywords: USA, Arctic, policies and reports, BERTopic, DTM

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study was supported by the Postgraduate Research and Practice Innovation Program of Jiangsu Province (KYCX25_0411).

For citation: Lv P. Main Directions of Arctic Policies in Reports by USA Think Tank. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(4):615–633. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.615-633>

ВВЕДЕНИЕ

Арктический регион в качестве стратегического центра глобальной геополитики привлекает все больше внимания со стороны мирового сообщества. С начала XXI века, в условиях повсеместных климатических изменений, таяние льдов не только открыло перспективы для освоения Северного морского пути и природных ресурсов, но и способствовало превращению Арктики в один из ключевых объектов международного интереса [1]. США, являясь арктической

державой, обладают арктической территорией (северной частью Аляски, а также прилегающими акваториями морей Бофорта и Чукотского). Несмотря на относительно небольшую площадь в пределах полярного круга, США благодаря глобальному лидерству и включенности в вопросы Арктики играют заметную роль в региональной политике.

Арктика рассматривается Вашингтоном как граница национальной безопасности, стратегический плацдарм для освоения энергетических ресурсов и важный инструмент поддержания влияния в условиях нарастающей международной конкуренции. Особенно ярко это проявилось после 2014 г., когда в ответ на события в Крыму и последующее обострение российско-американских отношений Арктика стала восприниматься в контексте потенциального геополитического соперничества. Усиление этой тенденции произошло на фоне эскалации конфликта на Украине в 2022 г., что вызвало коррекцию ряда внешнеполитических и оборонных приоритетов США, в том числе в арктическом направлении.

История развития политики США в отношении Арктики может быть разделена на четыре этапа. На этапе формирования, в период президентов Р. Никсона, Дж. Форда, Дж. Картера и Р. Рейгана¹, регион соотносился со стратегическими рубежами национальной безопасности, что обусловило принятие ряда политических документов. Основное внимание уделялось обеспечению безопасности территории и свободы судоходства, содействию освоению ресурсов, укреплению экологической защиты, развитию международного научного сотрудничества, а также созданию межведомственного координационного механизма.

Второй этап охватывает период от окончания холодной войны до конца президентства Дж. Буша-младшего. Хотя стратегическое значение Арктики несколько снизилось, США на институциональном уровне продвигали реформы: Дж. Буш-старший укрепил президентский контроль над темой Арктики, а «Президентская директива № 26» Б. Клинтона закрепила три ее ключевых вектора (устойчивое развитие, защита окружающей среды и международное сотрудничество), переориентировав политику на экологическую направленность и многостороннее взаимодействие.

Третий этап начался в 2007 году, когда в ответ на активизацию России в Арктике Соединенные Штаты пересмотрели перспективы региона. Подписанная Дж. Бушем-младшим «Президентская директива № 66 о национальной безопасности» заложила основу для арктической политики администрации Б. Обамы, в рамках которой арктическая стратегия США была впервые систематизирована с акцентом на обеспечении национальной безопасности, охране окружающей среды, защите прав коренных народов и развитии международного сотрудничества. Правительство во главе с Д. Трампом, сохранив

¹ National Security Decision Memorandum 144 [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.nixonlibrary.gov/sites/default/files/virtuallibrary/documents/nsdm/nsdm;144.pdf> (accessed 30.05.2025) ; National Security Decision Memoranda 202 [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3QnRbt> (accessed 30.05.2025) ; United States Arctic Policy [Электронный ресурс]. Available at: https://www.nixonlibrary.gov/sites/default/files/virtuallibrary/documents/nsdm/nsdm_202.pdf (accessed 30.05.2025) ; Arctic Research and Policy Act of 1984 [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.congress.gov/98/statute/STATUTE-98/STATUTE-98-Pg1242.pdf> (accessed 30.05.2025).

институциональную преемственность, сосредоточило внимание на наращивании военного присутствия и освоении природных ресурсов, сведя на нет климатическую повестку и предприняв попытку сформировать западноцентричный арктический порядок, исключавший участие России и Китая.

Четвертый этап, инициированный с началом в 2022 году конфликта на Украине, характеризовался усилением тенденции к секьюритизации арктической политики. В опубликованном Министерством обороны США документе «Арктическая стратегия 2024» подчеркивается необходимость расширить сотрудничество с союзниками в области безопасности и наращивать военное присутствие в регионе. Особое внимание уделяется противодействию активности России, а также сдерживанию попыток Китая включиться в управление Арктикой через экономические и торговые механизмы.

Большую роль в формировании арктической повестки США наряду с официальными документами играют доклады ведущих «мозговых центров» (*think tank*), таких как Центр стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies, CSIS*²) и Арктический институт – Центр исследований циркумполярной безопасности (*The Arctic Institute – Center for Circumpolar Security Studies*), формируя экспертный и общественный дискурс. Однако большинство существующих исследований этих материалов носит описательный характер, что недостаточно для системного понимания стратегических сдвигов. Цель настоящего исследования – на основе количественного анализа выявить главные тематические приоритеты в арктическом дискурсе США и проследить их динамику, тем самым создавая эмпирическую основу для анализа и прогнозирования будущих векторов арктической политики Вашингтона.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

С начала ХХI века исследования арктической политики США обрели многослойный характер. Для анализа ее особенностей применяются методы текстового анализа и исторической индукции, кейс-исследования, анализ институциональных траекторий и теоретический, а также междисциплинарные исследования. Каждый из них имеет как сильные стороны, так и ограничения.

Историко-индуктивный подход, основанный на периодизации и анализе официальных документов, позволил проследить эволюцию политики от «приоритета суверенитета» к «комплексной безопасности»³. Однако он не всегда улавливает динамику смыслов, например понятие «свобода навигации» при Б. Обаме означало научное сотрудничество, при Д. Трампе – военное присутствие. Этот нюанс теряется при строгом разделении на этапы⁴.

Метод кейс-стади углубляет анализ за счет изучения конкретных актов и событий. Так, анализ Стратегий национальной безопасности США (2000–2022 гг.) показывает неуклонный рост значимости Арктики, особенно

² Деятельность на территории РФ признана нежелательной.

³ Haycox S. Arctic policy of the United States: An historical survey. In: *The Palgrave handbook of Arctic policy and politics*. Cham: Springer International Publishing; 2019. Pp. 233–250. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7>

⁴ Guo F. An Analysis of the Evolution of U.S. Arctic Policy (1991–2021). *Guangdong University of Foreign Studies*; 2022. <https://doi.org/10.27032/d.cnki.ggdwu.2022.000219>

после того как в 2007 г. Россия в ходе экспедиции А. Н. Чилингарова установила свой флаг на дне Северного Ледовитого океана, ясно обозначив возвращение в Арктику [2]. При этом выводы подобных микроисследований сложно обобщать, поскольку выбор кейса (например, идеологически ангажированного «мозгового центра») может существенно повлиять на результат⁵.

На уровне теоретического анализа существующие исследования в основном опираются на теорию геополитики или парадигму национализма. Л. Цао использует концепцию «стратегической тревожности» для объяснения конкуренции между США и Россией в Арктике и утверждает, что Вашингтон, ощущая нехватку контроля над ресурсами, применяет стратегию «военной сдержанности на первом плане» [3]. С. Л. Лами с помощью модели национальной автономии демонстрирует, как федеральное правительство поддерживает политику «приоритета национальных интересов», балансируя между требованиями экологических организаций и коренных народов⁶.

В целом существующие исследования политики в отношении Арктики сосредоточены на статическом описании и изучении конкретных периодов. Хотя ряд ученых рассматривали вопросы безопасности, экономики и экологии данного региона, систематический анализ отчетов *think tank* по арктической политике остается относительно редким, особенно в разрезе динамических тенденций и изменений ключевых тем, что не позволяет в полной мере отследить эволюцию тематики политики.

С развитием технологий анализа текстов такие инструменты, как LDA, BERTopic и динамическое тематическое моделирование (DTM), предоставляют эффективные решения для этой задачи. Автоматизированный анализ больших объемов текстовых данных позволяет выявить динамику изменений в темах политики и их скрытую структуру, тем самым восполняя недостатки традиционных методов исследования в анализе динамических тенденций и длительных временных периодов.

В последние годы тематическое моделирование успешно применялось для анализа экологических вызовов [4], исследовательских трендов [5] и геополитической конкуренции в Арктике [6; 7]. Однако большинство этих работ ограничиваются отдельными вопросами, в то время как динамический сравнительный анализ дискурса, формируемого «мозговыми центрами» разных стран, остается малоизученной областью.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирическим материалом исследования выступили открытые документы правительства США, Министерства обороны, политики в отношении Арктики различных министерств и ведомств, соответствующие исследовательские доклады «мозговых центров» за период с января 2005 года по январь 2025; всего 918 политик и исследовательских докладов, охватывающих наиболее

⁵ Huang W. Perceptions of Arctic Issues by Mainstream U.S. Think Tanks After the Cold War and Their Policy Impacts. Wuhan University; 2021. <https://doi.org/10.27379/d.cnki.gwhdu.2021.002884>

⁶ Lamy S.L. The US Arctic Policy Agenda: The State Trumps Other Interests. In: Future Security of the Global Arctic: State Policy, Economic Security and Climate. 2016. Pp. 77–98. Available at: <https://link.springer.com/book/10.1057/9781137468253> (accessed 30.05.2025).

ранние и самые последние тексты, связанные с арктической тематикой с начала XXI века по настоящее время.

К выбранным государственным учреждениям относятся Белый дом и различные министерства, а к «мозговым центрам» – CSIS, Национальное управление по исследованию океанов и атмосферы (*National Oceanic and Atmospheric Administration, NOAA*), Арктический институт, Американская некоммерческая экспертно-аналитическая корпорация RAND Corporation⁷ и Национальный научно-технический совет (*National Science and Technology Council, NSTC*). Критерии их выбора связаны с их влиянием и разнообразием в исследованиях арктической политики.

В частности, CSIS и RAND как комплексные «мозговые центры» на протяжении длительного времени участвуют в исследованиях арктической стратегии, осуществляя глубокий стратегический анализ в области безопасности, экономики и геополитики, что делает их важными участниками данного исследования. Будучи федеральным агентством, подведомственным Министерству торговли США, NOAA сосредоточено на изучении изменения климата и морской среды. Его доклады предоставляют научную основу при разработке экологической и климатической политики, что имеет особую ценность для применения в Арктическом регионе.

Национальный научно-технический совет (NSTC), будучи специализированным «мозговым центром», предлагает углубленный анализ в области безопасности, экономики и изменения климата, который имеет стратегическое значение. Кроме того, NSTC играет важную роль в продвижении и координации научной и технологической политики внутри страны, в первую очередь связанной с исследованиями, управлением ресурсами и охраной окружающей среды в Арктике; отвечает за интеграцию научных усилий различных государственных ведомств и предоставляет президенту рекомендации по ключевым научно-техническим вопросам, а его доклады обеспечивают теоретическую поддержку и практическое руководство для разработки долгосрочной научно-технической политики.

Методы и методология исследования. Методически тематическое распознавание – современная технология обработки естественного языка, которая предполагает использование различных алгоритмов для автоматического извлечения ценной тематической информации из огромных объемов текстовых данных и выявление ключевых слов, связанных с каждой из тем⁸. Основная цель – обнаружить в текстах с помощью алгоритмов и моделей скрытую структуру тем и представить ее в виде ключевых слов или фраз.

Существует множество методов реализации тематического распознавания, как традиционных статистических технологий, так и современных, основанных на глубоком обучении. Так, в 1990 году С. Дирвестер и соавторы предложили алгоритм латентной семантической индексации (LSI)⁹; в 2000 Д. М. Блей

⁷ Деятельность на территории РФ признана нежелательной.

⁸ Lee C., Lee G.G., Jang M. Dependency Structure Language Model for Topic Detection and Tracking. *Information Processing and Management*. 2007;43(5):1249–1259. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2006.02.007>

⁹ Deerwester S., Dumais S.T., Furnas G.W., Landauer T.K., Harshman R. Indexing by Latent Semantic Analysis. *Journal of the American Society for Information Science*. 1990;41(6):391–407. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4571\(199009\)41:6<391::AID-ASII>3.0.CO;2-9](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4571(199009)41:6<391::AID-ASII>3.0.CO;2-9)

и соавторы, основываясь на LSI, – модель латентного размещения Дирихле (LDA)¹⁰; в 2006 г. Д. М. Блей и Дж. Д. Лаферти – динамическое тематическое моделирование (DTM)¹¹.

С развитием глубинного обучения технологии встраивания на основе нейронных сетей (например, Top2Vec и BERT) значительно улучшили возможность семантического понимания тем, увеличив способность моделей точно улавливать контекст и семантические связи в тексте. Одной из таких моделей является BERTopic, предложенная Grootendorst в 2022 г. как предобученная модель глубокого обучения без учителя¹². В отличие от традиционных моделей тематического моделирования, BERTopic позволяет воспринимать тонкие различия в семантике и контексте текстовых данных; показывает хорошие результаты на всех основных этапах моделирования тем [8].

Тематическое распознавание может сочетаться с методами динамического анализа для исследования изменений тем во времени. В частности, DTM, которая вводит временную ось, позволяет анализировать, как распределяются темы и лексика с течением времени [9], т. е. глубже исследовать скрытые закономерности. Эта технология широко применяется в таких областях, как анализ новостей, мониторинг общественного мнения, исследование политики, извлечение данных из литературы и других, предоставляя эффективные решения для быстрого извлечения ключевой информации из огромных объемов текстов.

Постепенно получают признание универсальность методологий BERTopic и DTM и возможность их расширения на корпуса текстов на других языках, включая русский. Для российских исследователей использование этих моделей для анализа тенденций развития ситуации в Арктике требует предварительной обработки и адаптации с учетом особенностей русскоязычных текстов, что обеспечит точность и достоверность результатов анализа.

Настоящее исследование использует методы обработки естественного языка, в том числе тематическую модель BERTopic и DTM, для анализа арктической политики США на основе докладов «мозговых центров». Такой подход позволяет не только выявить ключевые темы и изменения в повестке, но и определить, как они соотносятся с официальными этапами эволюции политики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы тематического моделирования. На этапе предобработки была проведена систематическая обработка собранного корпуса текстов, состоявшего из 918 политических документов и исследовательских докладов. С помощью текстовой сегментации длинные документы разделялись на части, удобные для анализа. Для повышения его точности и эффективности удалялись стоп-слова, исключались часто встречающиеся слова, не относящиеся к теме. В завершение данные были векторизованы, что позволило преобразовать естественный

¹⁰ Blei D.M., Ng A.Y., Jordan M.I. Latent Dirichlet Allocation. *Journal of Machine Learning Research*. 2003;(3):993–1022. <https://dl.acm.org/doi/10.5555/944919.944937>

¹¹ Blei D.M., Lafferty J.D. Dynamic Topic Models. In: *Proceedings of the 23rd International Conference on Machine Learning*. 2006. Pp. 113–120. <https://doi.org/10.1145/1143844.1143859>

¹² Grootendorst M. BERTopic: Neural Topic Modeling with a Class-based TF-IDF Procedure 2022 [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2203.05794>

язык в числовое представление, обеспечив тем самым техническую основу для тематического моделирования.

На этапе тематического моделирования исследование сочетало два метода – BERTopic и DTM, что дало возможность реализовать как идентификацию ключевых тем, так и анализ их динамического изменения. С использованием BERTopic были успешно выделены 30 тем. Последующий анализ семантической близости между ними показал, что они не распределены хаотично, а группируются в четыре четко выраженных кластера. Это свидетельствует о существовании в дискурсе арктической политики США четырех основных векторов.

Первый и наиболее крупный кластер имеет геополитический характер и объединяет темы, связанные с военной безопасностью, стратегическим соперничеством с Россией и Китаем, деятельностью НАТО.

Второй сфокусирован на экономике и ресурсах, охватывает вопросы освоения энергоресурсов, судоходства по Северному морскому пути и развития инфраструктуры.

Третий посвящен экологической и научной повестке: проблемам изменения климата, защиты окружающей среды и международного научного сотрудничества.

Четвертый кластер, заметно удаленный от остальных, сконцентрирован вокруг вопросов управления и социального развития, таких как права коренных народов и региональное сотрудничество в рамках Арктического совета.

Такая кластеризация указывает на то, что категории тем обладают высокой внутренней семантической согласованностью, однако между самими кластерами наблюдаются значительные различия. Таким образом, многоуровневая стратегия моделирования позволила полноценно отобразить распределение ключевых тем и их динамическую эволюцию.

Карта **иерархической кластеризации** с использованием семантического сходства разделяет найденные темы на четыре группы, которые обозначены различными цветами (рис. 1). Каждый цвет соответствует одному кластеру тем, что показывает их внутреннюю структуру и взаимосвязь, позволяя глубже проанализировать структуру и внутренние соотношения в арктических докладах «мозговых центров» США.

Зеленый кластер тем в основном касается экологических проблем Арктики, таких как “12; snow; anomalies; temperature”, “28; sea; ice; species”, “6; species; population; popular” («12; снег; аномалии; температура», «28; море; лед; изменения», «6; виды; население; популярный») и др. Эти темы обладают сильной внутренней согласованностью, что свидетельствует о сосредоточенности «мозговых центров» на экологических вопросах региона.

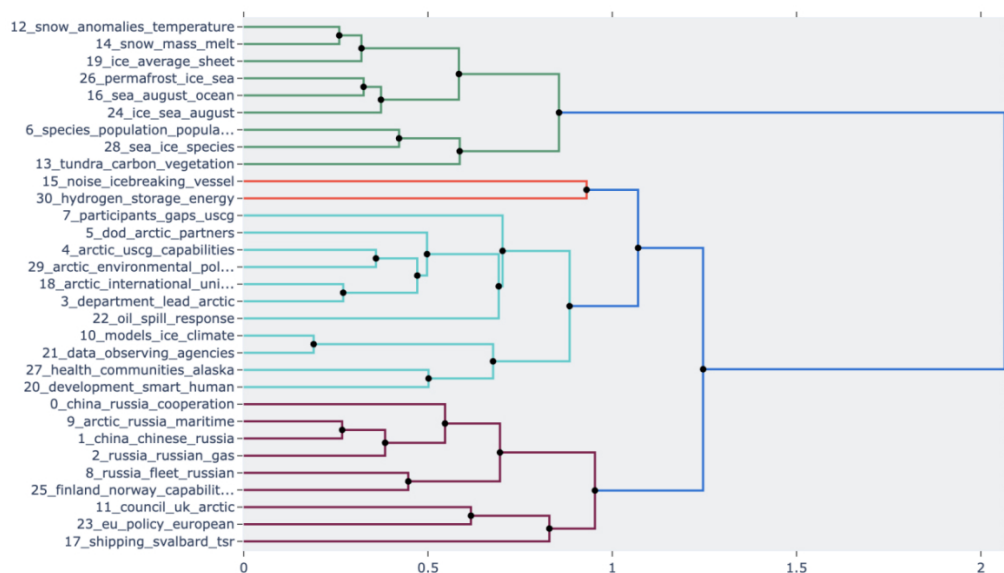
Красный кластер отображает новые технологии и связанные с энергетикой вопросы, включая “15; noise; icebreaking; vessel” и “30; hydrogen; storage; energy” («15; шум; ледокол; судно» и «30; водород; хранение; энергия»), что свидетельствует о заинтересованности «мозговых центров» в инновациях в области технологий и будущей энергетической стратегии.

Синий кластер охватывает темы преимущественно в области политики и развития потенциала Арктики: “29; arctic; environmental; policy”, “21; data; observing;

agencies”, “22; oil; spill; response” («29; арктика; экологическая; политика», «21; данные; наблюдения; агентство», «22; нефть; разливы; реагирование»), что подчеркивает практическую направленность на аспекты управления Арктикой и преобразование концептуальных идей в конкретные действия.

Фиолетовый кластер связан с геополитическими и международными отношениями, включая темы “2; russia; fleet; russian”, “0; china; russia; cooperation”, “25; finland; norway; capability” («2; россия; флот; российский», «0; китай; россия; сотрудничество», «25; финляндия; норвегия; возможности»), что демонстрирует внимание к конкурентной борьбе за власть в Арктике, особенно в контексте китайско-российского сотрудничества, а также политики России.

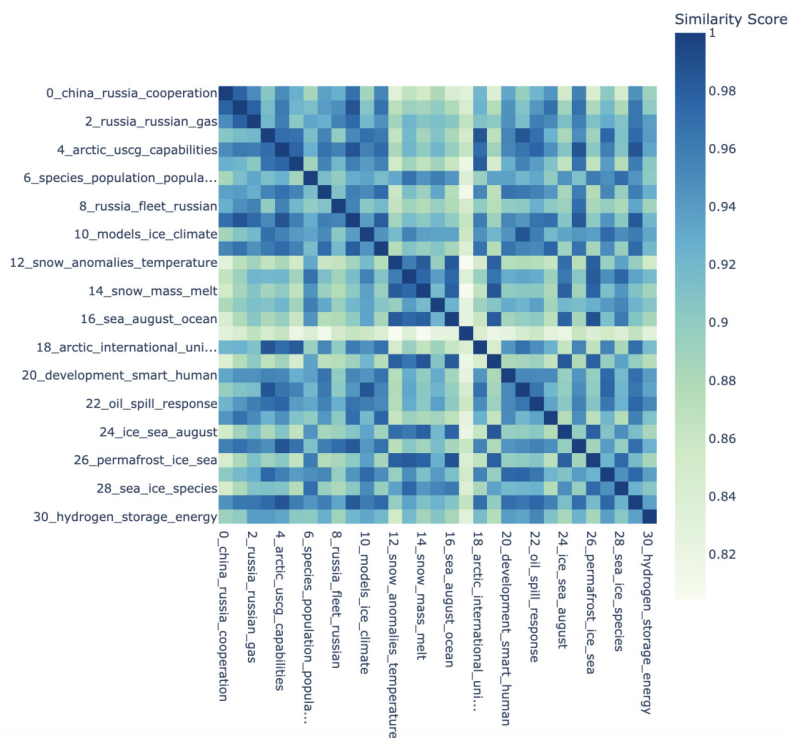
Р и с. 1. Карта иерархической кластеризации¹³

F i g. 1. Hierarchical Clustering Map

Карта тематического сходства предоставляет количественный аспект взаимосвязи тем (рис. 2). С помощью показателя сходства между каждой из двух тем отображается семантическая близость, а интенсивность цвета указывает на степень их близости. Например, тема “0; china; russia; cooperation” («0; китай; россия; сотрудничество») демонстрирует высокий уровень сходства и проходит через несколько других тем на графике, что свидетельствует о ее важной роли в арктических докладах «мозговых центров» США в XXI в. Высокий уровень сходства темы китайско-российского сотрудничества с каждой темой можно трактовать как учет при разработке северной политики США влияния и деятельности Китая и России в Арктике в качестве приоритета; восприятие партнерства Китая и России ключевым фактором в нескольких вопросах, особенно в отношении разработки ресурсов, международного сотрудничества, безопасности и энергетических технологий.

¹³ Рисунки и таблицы составлены автором с помощью библиотеки BERTopic (Python) на основе анализа корпуса из 918 документов.

Высокое сходство тем также наблюдается в области изменения окружающей среды в Арктике и международного сотрудничества. Так, между темами “16; sea; august; ocean” («16; море; август; океан») и “18; arctic; international; united” («18; арктика; международный; объединенный») оно указывает на то, что в арктической политике США подчеркивается важность исследований океана и международного сотрудничества; на совместные усилия США и других стран в вопросах изменения климата и охраны океанов в Арктике. В случае с темами “12; snow; anomaly; temperature” («12; снег; аномалия; температура») и “14; snow; mass; melt” («14; снег; масса; таяние») высокий уровень сходства сигнализирует о том, что в докладах «мозговых центров» упор делается на анализ изменений снежного покрова, аномалии температуры и таяние снега в Арктике, поскольку это важно учитывать при разработке политики в области охраны окружающей среды и изменения климата.

Р и с. 2. Карта тематического сходства

Fig. 2. Topic Similarity Map

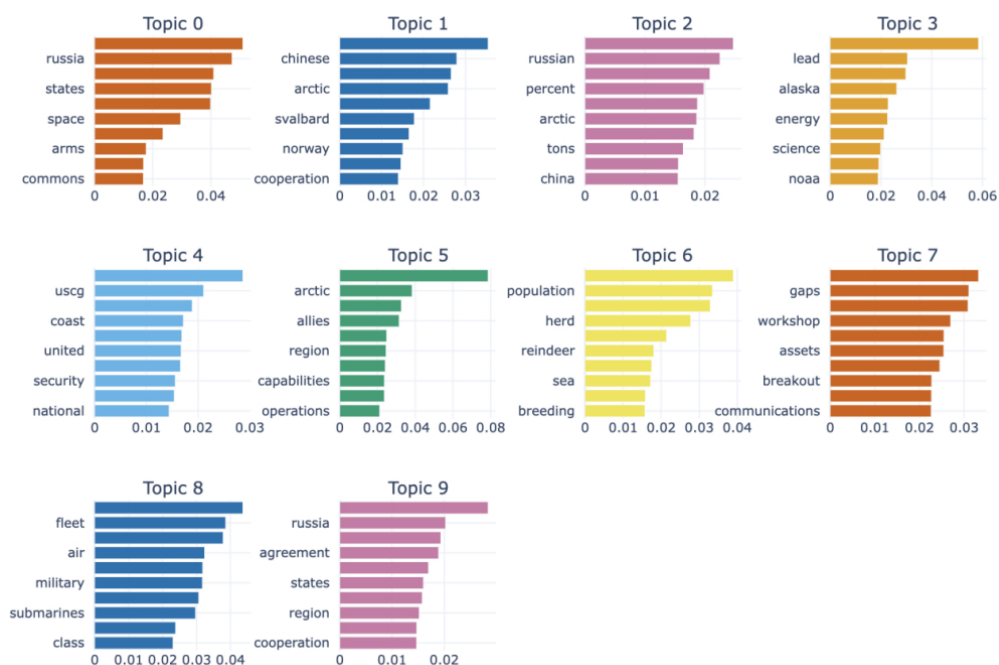
В темах с умеренным сходством связь между темами “8; russia; fleet; russian” («8; россия; флот; российский») и “2; russia; russian; gas” («2; россия; российский; газ») отражает внимание арктической политики США к деятельности России в Арктике, в первую очередь к размещению флота и разработке газовых ресурсов. Политика США в этой области не только отвечает на военные и энергетические действия России, но и затрагивает вопросы геополитической безопасности Арктического региона.

Сходство тем “24; ice; sea; august” («24; лед; море; август») и “26; permafrost; ice; sea” («26; вечная мерзлота; лед; море») может указывать на внимание к изменениям ледового покрова и многолетней мерзлоты, ключевым для стратегических интересов США, разработки ресурсов и охраны экологии в регионе.

Низкое сходство между темами “30; hydrogen; storage; energy” («30; водород; хранение; энергия») и “6; species; population; popular” («6; виды; популяция; популярный») свидетельствует о независимости вопросов энергетических технологий и сохранения биоразнообразия в арктической политике. Связь исследования водородного хранения как технологии будущего и экологии, в частности изучения популяций видов, ограничена. Низкое сходство темы “4; arctic; uscg; capability” («4; арктика; сшапбо¹⁴; возможность») с другими экологическими и энергетическими темами может объясняться тем, что первая больше ориентирована на действия Береговой охраны США в Арктике и характеризуется как конкретная и техническая в отличие от более широких вопросов, касающихся экологии или международного сотрудничества.

Результаты **оценки значимости слов в кластерах тем**, полученных с помощью модели BERTopic, показаны на рисунке 3.

Р и с. 3. Карта оценки слов по темам

F i g. 3. Topic Word Scores Map

Как видно из рисунка 3, чем выше оценка, тем лучше слово характеризует данную технологическую тему. В процессе технического анализа можно использо-

¹⁴ От uscg, т. е. U.S. как обозначение США и CG, что соотносится с планом Береговой охраны (Coast Guard) США построить четыре новых арктических катера для решения растущих проблем национальной безопасности и оперативной деятельности в Арктическом регионе.

вать эти оценки для определения ключевых слов темы. При этом топ-5 значимых слов автоматически генерируют название темы, например тема Topic0 была названа “0; russian; states; space; arms; commons” («0; русский; штаты; космос; оружие; общее; достояние»).

С помощью модели BERTopic проводились ручная аналитика и объединение тем, в результате чего была составлена сводная таблица ключевых слов для арктических докладов «мозговых центров» США, которая включает следующие четыре основные темы и десять вторичных (т. е. подтем) (табл. 1).

Таблица 1. Сводная таблица ключевых слов для арктических докладов «мозговых центров» США

Table 1. Summary table of keywords for US think tank Arctic reports

Main Topic / Основная тема	Subtopic / Подтема	Number Key Topics / Номер ключевой темы
1	2	3
Geopolitics and Arctic Security / Геополитика и безопасность Арктики	Chinese-Russian cooperation and geopolitics / Китайско-российское сотрудничество и геополитика	0; china; russian; cooperation / 0; китай; российский; сотрудничество 1; china; chinese; russia / 1; китай; китайский; россия 9; arctic; russia; maritime / 9; арктика; россия; морской 17; shipping; svalbard; tsr / 17; судоходство; шпицберген; змп
	Russian militarization and expansion / Российская милитаризация и экспансия	8; russia; fleet; russian / 8; россия; флот; российский 2; russia; russian; gas / 2; россия; российский; газ 25; finland; norway; capability / 25; финляндия; норвегия; возможность 18; arctic; international; united / 18; арктика; международный; объединенный
Environmental and Climate Change / Экологические и климатические изменения	US and Allied Arctic policy / Арктическая политика США и союзников	3; department; lead; arctic / 3; департамент; лидер; арктика 4; arctic; uscg; capability / 4; арктика; сшапбо; возможность 5; dod; arctic; partner / 5; минобороны; арктика; партнер 11; council; uk; arctic / 11; совет; англия; арктика 23; eu; policy; european / 23; ес; политика; европейский
	Climate change and glaciers / Изменение климата и ледники	10; model; ice; climate / 10; модель; лед; климат 12; snow; anomaly; temperatur; / 12; снег; аномалия; температура 14; snow; mass; melt / 14; снег; масса; таяние 19; ice; average; sheet / 19; лед; средний; лист 26; permafrost; ice; sea / 26; вечнаямерзлота; лед; море
	Species and ecosystem conservation / Охрана видов и экосистем	6; species; population; popular / 6; виды; популяция; популярный 28; sea; ice; species / 28; море; лед; виды 13; tundra; carbon; vegetation / 13; тундра; углерод; растительность

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3
Environmental and Climate Change / Экологические и климатические изменения	Pollution and management / Загрязнение окружающей среды и управление	22; oil; spill; response / 22; нефть; разлив; реагирование 15; noise; icebreaking; vessel / 15; шум; ледокол; судно
Economic and Technological Development / Экономическое и технологическое развитие	Energy and Economic cooperation / Энергетическое и экономическое сотрудничество	2; russia; russian; gas / 2; россия; российский; газ 30; hydrogen; storage; energy / 30; водород; хранение; энергия 21; data; observing; agency / 21; данные; наблюдение; агентство
	Technological innovation and sustainable development / Технологические инновации и устойчивое развитие	20; development; smart; human / 20; развитие; умный; человек 27; health; communities; alaska / 27; здоровье; сообщества; аляска
Research and Data Monitoring / Научные исследования и мониторинг данных	Scientific data and climate observations / Научные данные и климатические наблюдения	10; model; ice; climate / 10; модель; лед; климат 16; sea; august; ocean / 16; море; август; океан 21; data; observing; agency / 21; данные; наблюдение; агентство 24; ice; sea; august / 24; лед; море; август
	Scientific research and environmental policy / Научные исследования и экологическая политика	23; eu; policy; european / 23; ес; политика; европейский 29; arctic; environmental; policy / 29; арктика; экологическая; политика

Примечание / Note. tsr – Transpolar Sea Route / змп – Заполярный морской путь; dod – Department of Defense / Минобороны – министерство обороны.

Анализ эволюции тем на базе модели DTM, основанной на BERT, показал, что вопросы, связанные с Арктическим регионом, имеют явные признаки временной эволюции (табл. 2). Это отражает взаимное влияние множества факторов, таких как геополитика, экономика и изменения климата.

Тема “sea; ice; arctic; ocean” («море; лед; арктика; океан») оставалась стабильной, отражая постоянное внимание США к изменению климата и охране природы в Арктике. Так, в «Четвертом международном докладе по изменению климата» (2007 г.) отмечалось, что сокращение арктического льда сильно влияет на глобальный климат¹⁵. В 2009 году администрация Б. Обамы в «Директиве по политике в Арктическом регионе» сделала охрану экосистемы главным элементом, основываясь на научных данных¹⁶. Включение Арктики в «Парижское соглашение» увеличило финансирование исследований и укрепило экологическое влияние США¹⁷.

¹⁵ Climate Change 2007 [Электронный ресурс]. Available at: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/ar4_syr_full_report.pdf (accessed 03.01.2025).

¹⁶ Arctic Region Policy [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.uaf.edu/caps/resources/policy-documents/us-directive-on-arctic-policy-nsdp66-hsdp25-2009.pdf> (accessed 03.01.2025).

¹⁷ What the Forthcoming Paris Agreement Rulebook Mean for Arctic Climate Change [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.thearcticinstitute.org/paris-agreement-rulebook-arctic-climate-change/> (accessed 03.01.2025).

Однако после объявления Д. Трампа о выходе из соглашения в 2017 г. место климатической политики в числе приоритетов изменилось, что проявилось в уменьшении упоминаний тематики.

Таблица 2. Карта эволюции тем

Table 2. Topic Evolution Map

Subject / Тема	Period, years / Период, гг.			
	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2024
0; sea; ice; dynamics / 0; море; лед; динамика	7,8	11,8	8,13	18,9
1; china-russia; cooperation / 1; китай-россия; сотрудничество	0,0	0,0	5,0	67,0
2; russian; gas; and; oil / 2; российский; газ; и; нефть	3,0	9,7	10,0	2,0
3; doe; observational; data / 3; минэнерго; наблюдения; данные	1,0	12,9	11,0	11,0
4; alaska; (arctic); leadership / 4; аляска; (арктика); руководство	0,0	8,0	14,8	7,5
5; dod; allies; and; partners / 5; минобороны; союзники; и; партнеры	0,0	8,0	10,0	8,5
6; oil; spill; response / 6; нефть; разлив; реагирование	2,0	6,0	11,3	13,5
7; russia; svalbard; norway / 7; россия; шпицберген; норвегия	1,4	4,2	9,8	11,5
8; uscg; gaps; workshop; participants / 8; сшапбо; пробелы; семинар; участники	0,0	1,4	15,0	2,0
9; russian; military; aviation / 9; российский; военный; авиация	0,0	5,0	12,0	3,0

Примечания / Notes. 1. Значения – среднее арифметическое по годам в периоде / Values are the arithmetic mean by years in the period. 2. Полу жирным выделен аномальный рост темы 1 в 2021–2024 гг. / Abnormal growth of topic 8 in 2021–2024 is highlighted in bold. 3. Последний период укорочен (4 года) из-за ограничения данных / The last period is shortened (4 years) due to data limitations. 4. doe – Department of Energy / минэнерго – министерство энергетики.

Тема “china; russia; cooperation; states” («китай; россия; сотрудничество; государства») активизировалась после 2020 г., что связано с изменениями в международной обстановке. После событий в Крыму в 2014 г. и введения западных санкций Россия усилила сотрудничество с Китаем в сфере разработки энергоресурсов и строительства инфраструктуры. В 2015 году Китай представил инициативу «Арктического пояса Шелкового пути» (или «Полярного Шелкового пути»), которая согласовывалась с российской арктической стратегией. В 2020 году Россия однозначно выразила поддержку партнерству с Китаем¹⁸. Их совместная работа в освоении Северного морского пути, а также инвестиции в энергетиче-

¹⁸ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Q6KeM> (дата обращения: 03.01.2025).

ские проекты («Ямал СПГ» и «Арктик СПГ 2») привлекли внимание мирового сообщества и вызвали обеспокоенность США. В арктической стратегии Министерства обороны США 2024 г. союз этих стран обозначен как потенциальная угроза интересам США в Арктическом регионе.

Тема “gas; russia; russian; oil” («газ; россия; российский; нефть») играет ключевую роль в арктической повестке. В 2007 году Россия установила флаг на дне Северного Ледовитого океана, что вызвало обеспокоенность арктических стран. Санкции США и Евросоюза 2014 года затронули арктический нефтегазовый сектор, ограничив доступ ПАО «Роснефть» к долларовому финансированию, что негативно сказалось на проектах¹⁹. После начала конфликта на Украине санкции в отношении проекта «Арктик СПГ 2» заблокировали финансовые потоки, затруднив доступ России к технологиям и оборудованию [10]. Вместе с тем США продолжают осваивать арктические энергоресурсы: в 2015 г. одобрено бурение Shell у берегов Аляски, а в 2021 Министерством энергетики запущен проект энергетического перехода. Это показывает, что вопросы энергетической безопасности и конкуренции остаются приоритетом американской политики, несмотря на заявленную экологическую заботу.

Частотные колебания темы “russia; svalbard; norway; arctic” («россия; шпицберген; норвегия; арктика») раскрывают скоординированные действия США и их союзников. Архипелаг Шпицберген представляет собой важный символический объект арктической геополитики, а его особый суверенный статус давно является предметом споров между Норвегией и Россией [11]. В 2017 году США и Норвегия укрепили военное сотрудничество, в том числе посредством проведения совместных военных учений вблизи Арктики, чтобы противостоять военному присутствию России в районе Шпицбергена. Кроме того, Норвегия как член НАТО, реализуя свою арктическую политику, неоднократно поддерживала стратегические цели США. Сказанное свидетельствует о том, что сдерживание России в Арктике в рамках сотрудничества с союзниками выступает существенной частью политики США.

Динамика темы “russia; military; air; defence” («россия; военный; воздушный; оборона») связана с процессом милитаризации Арктического региона: после событий в Крыму в 2014 г. Россией была возобновлена работа ряда военных баз времен холодной войны и развернуты современные системы противовоздушной обороны (комплексы С-400). В ответ США в стратегических документах («План реализации национальной стратегии в Арктическом регионе», «Арктическая стратегия Министерства обороны») подчеркнули необходимость восстановления внимания к Арктике и наращивания военного потенциала, усилив военное присутствие на Аляске и авиационные силы в регионе. На практике это демонстрируют совместные военные учения, такие как «Arctic Challenge Exercise 2023» и «Arctic Forge 25».

В области технологий тема “data; arctic; doe; observations” («данные; арктика; минэнерго; наблюдения») отражает стратегию, связанную с использованием научных исследований в политических целях. После проведения Международного

¹⁹ Санкционная активность США и ЕС в отношении России: последствия для арктических проектов [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Pi6nm> (дата обращения: 03.01.2025).

полярного года в 2007 г. Министерство энергетики США и NOAA увеличили инвестиции в исследования Арктики. Администрация Д. Трампа, несмотря на определенный регресс в климатической политике, акцентировала важность «технологических наблюдений» для обеспечения материалов в поддержку освоения арктических ресурсов²⁰. В то же время усилилось внимание к вопросам справедливости и эффективности в области обмена и управления данными. Национальное управление по исследованию океанов и атмосферы через «принципы справедливого обмена данными и управления ими стремится обеспечить более широкий и быстрый доступ к данным», что служит как экономическим интересам, так и подчеркивает внимание США к геополитической конкуренции²¹.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, арктические политики и доклады США в начале XXI века претерпели изменение приоритетов: от защиты экологии Арктики к освоению энергетических ресурсов, а затем к геополитическому противостоянию. Этот процесс обусловлен рядом событий в международных отношениях, таких как события в Крыму, конфликт на Украине, углубление сотрудничества России и Китая, а также корректировка роли НАТО. Они побуждали США адаптировать арктическую политику для реагирования на вызовы геополитической конкуренции и обеспечения безопасности в регионе.

В настоящем исследовании с использованием моделей BERTopic и DTM проведен количественный анализ арктических докладов «мозговых центров» США с начала XXI века. Выявлены четыре основные темы американской арктической политики: геополитика и безопасность, экологические изменения и научные исследования, экономическое и технологическое развитие, а также управление и социальное развитие.

Центральное место в дискурсе занимает взаимодействие в рамках арктической политики крупных держав, особенно сотрудничество России и Китая, которое, по оценкам американских аналитиков, включает в себя развитие совместной энергетической инфраструктуры, логистических маршрутов и, в перспективе, технологический обмен, что может изменить баланс сил в регионе²² [12; 13]. В «Стратегии национальной безопасности» США 2022 г. это партнерство рассматривается как «наиболее важный геополитический вызов для Америки»²³, требующий ответных мер.

Соединенные Штаты Америки, а также их союзники по НАТО стремятся сдерживать российско-китайское сближение в Арктике путем политической изоляции и экономических санкций, что создает риски и неопределенность для подобных

²⁰ Science and Technology Highlights in the Second Year of the Trump Administration [Электронный ресурс]. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2019/02/Administration-2018-ST-Highlights.pdf> (accessed 03.01.2025).

²¹ NOAA's Arctic Vision and Strategy [Электронный ресурс]. Available at: <https://arctic.noaa.gov/2025-arctic-vision-and-strategy/> (accessed 03.01.2025).

²² Żelezný J. The Dragon and the Bear on the Polar Silk Road: The Impact of Sino-Russian Cooperation on the Great Power Competition in the Arctic. In: Routledge Handbook of Chinese and Eurasian International Relations. New York: Routledge; 2025. Pp. 365–378.

²³ 2022 National Security Strategy [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3Q5EX2> (accessed 28.10.2025).

совместных проектов. Учитывая влияние США, отдельные арктические государства, которые также сталкиваются с конкуренцией со стороны Запада за легитимизацию своей роли в регионе, могут избегать углубления взаимодействия с Россией и Китаем.

В опубликованной в 2022 году «Национальной стратегии США для Арктического региона» изменение климата и охрана окружающей среды четко обозначены в качестве столпов арктической политики. При этом в документе подчеркивается, что правительство США будет сотрудничать с сообществами и правительством штата Аляска «...для повышения устойчивости к последствиям изменения климата, а также с целью снижения выбросов углерода в Арктике как части более широкой глобальной стратегии смягчения последствий, повышения научного понимания климатических процессов и защиты арктических экосистем»²⁴. На стратегическом уровне этот акцент свидетельствует о стремлении США утвердить моральное лидерство в вопросах арктического управления, используя экологическую тематику как инструмент для достижения международного консенсуса. В то же время отмечается важное значение сфер экономики, технологий и науки для формирования американского присутствия и влияния в Арктике.

Таким образом, выявленные темы рассматриваются как элементы единой стратегии, а результаты их анализа могут служить основанием для формирования рекомендаций по реагированию на активность России и Китая, особенно в сфере энергетики, освоения Северного морского пути и военного присутствия, баланса между сдерживанием и диалогом.

Кроме того, процесс милитаризации в Арктике и деятельность России на архипелаге Шпицберген подтолкнули США к усилению военной координации с союзниками по НАТО и модернизации военного развёртывания в Арктике. В целом глобальные геополитические изменения вынуждают Соединенные Штаты постоянно корректировать арктическую политику, чтобы отвечать на все более сложные вызовы международной безопасности.

Анализ полученных результатов в настоящей работе проводится не только на тематическом уровне, но и в контексте изменения стратегических ориентиров, что позволяет сделать вывод о переосмыслении Арктики как пространства не только экологического, но и военно-политического значения.

Результаты исследования имеют как теоретическую, так и практическую значимость. В академическом плане работа предлагает и апробирует методологию (BERTopic и DTM) для динамического анализа политического дискурса, которая может быть применена для изучения политики других стран. В практическом отношении выводы могут быть полезны государственным ведомствам и экспертно-аналитическим центрам России, Китая и других арктических государств. Понимание эволюции американских стратегических приоритетов позволяет точнее прогнозировать действия Вашингтона, вырабатывать адекватные ответные меры и оценивать геополитические риски для экономических проектов в Арктическом регионе.

²⁴ U.S. National Strategy for the Arctic Region [Электронный ресурс]. Available at: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (accessed 30.05.2025).

Вместе с тем следует признать ограничения данного исследования: количественный анализ выявляет доминирующие темы, но не всегда способен уловить глубину и нюансы политических аргументов; исследование сфокусировано на докладах исключительно американских «мозговых центров», что отражает лишь один из сегментов экспертного дискурса и не охватывает официальную правительственную линию других государств.

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Во-первых, целесообразно применить данную методологию для сравнительного анализа арктического дискурса других ключевых акторов, прежде всего России и Китая, что позволило бы выявить точки соприкосновения и расхождения в их стратегиях. Во-вторых, имеет смысл расширить корпус источников, включив в него для получения более полной картины репортажи средств массовой информации. Наконец, интерес представляет не просто анализ тем, но изучение механизмов реального влияния докладов «мозговых центров» на принятие политических решений.

REFERENCES

1. Sun J., Li Z., Deng Z. A Study on the Spatial Pattern of Economic Connection Networks in the Arctic Route Economic Circle. *Journal of Central China Normal University (Natural Sciences Edition)*. 2022;56(03):421–427. (In Chinese) <https://doi.org/10.19603/j.cnki.1000-1190.2022.03.007>
2. Khazieva R.R., Karpova E.I. Differences in U.S. Arctic Policy According to National Security Strategies. *Arctic XXI Century*. 2023;(2):58–69. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25587/SVFU.2023.84.24.005>
3. Cao L. Strategic Competition Between the U.S. and Russia in the Arctic: Policy Conflicts, Main Drivers, and Development Trends. *Journal of Ocean University of China (Social Sciences Edition)*. 2023;(03):13–24. (In Chinese) <https://doi.org/10.16497/j.cnki.1672-335X.202303002>
4. Zhu X., Pasch T.J., Ahajjam M.A., Bergstrom A. Environmental Monitoring for Arctic Resiliency and Sustainability: An Integrated Approach with Topic Modeling and Network Analysis. *Sustainability*. 2022;14(24):16493. <https://doi.org/10.3390/su142416493>
5. Ancin-Murguzur F.J., Hausner V.H. Research Gaps and Trends in the Arctic Tundra: A Topic-Modeling Approach. *One Ecosystem*. 2020;(5):e57117. <https://doi.org/10.3897/oneeco.5.e57117>
6. Li M., Yuan W., Yuan Wu, Niu F., Li H., Hu D. Spatio-Temporal Evolution and Influencing Factors of Geopolitical Relations Among Arctic Countries Based on News Big Data. *Journal of Geographical Sciences*. 2022;32(10):2036–2052. <https://doi.org/10.1007/s11442-022-2035-0>
7. Gritsenko D. Vodka on Ice? Unveiling Russian Media Perceptions of the Arctic. *Energy Research and Social Science*. 2016;(16):8–12. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2016.03.012>
8. Egger R., Yu J. A Topic Modeling Comparison Between LDA, NMF, Top2Vec, and BERTopic to Demystify Twitter Posts. *Frontiers in Sociology*. 2022;(7):886498. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.886498>
9. Wang Z., Zhou R., Wang Y. DTM-Based Analysis of Hot Topics and Evolution of China's Energy Policy. *Sustainability*. 2024;16(19):8293. <https://doi.org/10.3390/su16198293>
10. Zhang J., Guo P. New Trends and Impacts of Arctic Geopolitical Competition Since the Russia-Ukraine Conflict. *Russian, East European and Central Asian Studies*. 2024;(6):91–113. (In Chinese) <https://doi.org/10.20018/j.cnki.reecas.2024.06.004>
11. Kelman I., Sydnes A.K., Duda P.I., Nikitina E., Webersik C. Norway-Russia Disaster Diplomacy for Svalbard. *Safety Science*. 2020;(130):104896. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2020.104896>
12. Kobzeva M. Strategic Partnership Setting for Sino-Russian Cooperation in Arctic Shipping. *The Polar Journal*. 2020;10(2):334–352. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2020.1810956>
13. MacDonald A.P. China-Russian Cooperation in the Arctic: A Cause for Concern for the Western Arctic States? *Canadian Foreign Policy Journal*. 2021;27(2):194–210. <https://doi.org/10.1080/11926422.2021.1936098>

About the author:

Peiyang Lv, PhD Candidate, School of Foreign Studies, Southeast University (Jiangning District, Nanjing, Jiangsu 211189, China), ORCID: <http://orcid.org/0009-0006-1138-8604>, lvpy219@163.com

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 14.03.2025; revised 14.07.2025; accepted 25.07.2025.

Об авторе:

Пэйин Лю, аспирант Школы иностранных исследований Юго-Восточного университета (211189, Китай, Цзянсу, г. Нанкин, район Цзяннин), ORCID: <http://orcid.org/0009-0006-1138-8604>, lvpy219@163.com

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 14.03.2025; одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 25.07.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.634-658><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/hdufmm>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 341.018:665.6/.7:621.64(470+571)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Влияние санкций на стратегии устойчивого развития
нефтегазовых компаний: сравнительный анализ
российского и зарубежного опыта****Е. Н. Макаренко¹****С. Г. Тяглов¹** ✉**А. В. Шевелева²**¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)² Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России)
(г. Москва, Российская Федерация)✉ tyaglov-sg@rambler.ru*Аннотация*

Введение. Нефтегазовые компании активно интегрируют принципы устойчивого развития в свои стратегические и программные документы, стремясь в перспективе достичь углеродной нейтральности. Однако в условиях санкционных ограничений они вынуждены пересматривать приоритетные направления стратегий устойчивого развития. Цель исследования – проанализировать влияние санкций на показатели и результаты реализации стратегий устойчивого развития российских и зарубежных нефтегазовых компаний.

Материалы и методы. Проведен анализ годовых отчетов и отчетов об устойчивом развитии восьми ведущих зарубежных и российских нефтегазовых компаний; изучены показатели выбросов парниковых газов, объемов добычи углеводородов, затрат на реализацию целей устойчивого развития за период 2019–2023 гг., установлена связь между ними. С использованием сравнительного метода выявлены основные аспекты реализации стратегий устойчивого развития компаниями до и после введения санкций.

Результаты исследования. Зарубежные компании развитых стран пересматривают приоритеты в области устойчивого развития, отказываясь от ряда климатических инициатив в пользу интенсификации деятельности по добыче традиционных углеводородов и обеспечения доходов для акционеров. Компании Китая и Саудовской Аравии стараются придерживаться изначальных целей устойчивого развития, при этом рост расходов на их реализацию опережает увеличение объемов добычи углеводородов и соответствующих им выбросов. Российские компании актуализируют цели устойчивого развития в сторону активизации климатической повестки.

© Макаренко Е. Н., Тяглов С. Г., Шевелева А. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. В условиях санкций в стратегиях устойчивого развития необходимо соблюсти баланс интересов всех причастных: акционеров, руководства компаний, государства и общества. Материалы и выводы исследования будут полезны руководству компаний, которые находятся на стадии интеграции экологических целей в стратегии развития, а также органам государственной власти, разрабатывающим политику низкоуглеродного развития.

Ключевые слова: зеленая экономика, климатическая повестка, устойчивое развитие, стратегии устойчивого развития, нефтегазовые компании, санкции

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Макаренко Е.Н., Тяглов С.Г., Шевелева А.В. Влияние санкций на стратегии устойчивого развития нефтегазовых компаний: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта. *Регионоведение*. 2025;33(4):634–658. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.634-658>

The Impact of Sanctions on Sustainable Development Strategies of Oil and Gas Companies: A Comparative Analysis of Russian and International Experience

E. N. Makarenko^a, S. G. Tyaglov^a ✉, A. V. Sheveleva^b

^a Rostov State Economic University
(Rostov-on-Don, Russian Federation)

^b Moscow State University of International Relations (MGIMO University)
(Moscow, Russian Federation)

✉ tyaglov-sg@rambler.ru

Abstract

Introduction. Oil and gas companies are actively integrating sustainable development principles into their strategic and program documents, striving to achieve carbon neutrality in the long term. However, under sanctions restrictions, they are forced to revise the priority areas of their sustainable development strategies. The purpose of this study is to analyze the impact of sanctions on the indicators and results of the implementation of sustainable development strategies by Russian and foreign oil and gas companies.

Materials and Methods. We analyzed annual reports and sustainability reports from leading international and Russian oil and gas companies, examining greenhouse gas emissions, hydrocarbon production volumes, and expenditures on achieving sustainable development goals for the period 2019–2023, and establishing the relationship between these indicators. A comparative method allowed us to identify key aspects of implementing sustainable development strategies at leading international and Russian oil and gas companies before and after the sanctions.

Results. Foreign companies in developed countries are revising their sustainability priorities, abandoning a number of climate initiatives in favor of intensifying traditional hydrocarbon production and securing shareholder returns. Companies in China and Saudi Arabia are trying to stick to their original sustainable development goals, but the growth in costs to achieve them is outpacing the increase in hydrocarbon production and corresponding emissions. Russian companies are updating their sustainable development goals to focus more on the climate agenda.

Discussion and Conclusion. Under sanctions, sustainable development strategies are essential to balance the interests of all stakeholders: shareholders, company management, the state, and society. The results of this analysis have practical significance for companies that are just beginning to integrate environmental goals into their development strategies, as well as for government agencies developing low-carbon development policies.

Keywords: green economy, climate agenda, sustainable development, sustainable development strategies, oil and gas companies, sanctions

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Makarenko E.N., Tyaglov S.G., Sheveleva A.V. The Impact of Sanctions on Sustainable Development Strategies of Oil and Gas Companies: A Comparative Analysis of Russian and International Experience. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(4):634–658. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.634-658>

ВВЕДЕНИЕ

С принятием в 2015 году странами – членами ООН 17 целей устойчивого развития (ЦУР), развитием концепции энергоперехода, активизацией климатической повестки и продвижением экономики замкнутого цикла крупнейшие нефтегазовые компании в своих стратегиях в качестве приоритетных начали ставить вопросы снижения выбросов в окружающую среду, прежде всего CO₂, реализации проектов в сфере возобновляемых источников энергии (ВИЭ), ресурсосбережения, энергоэффективности, переработки отходов.

Являясь лидерами в отрасли по выручке, ведущие российские и зарубежные нефтегазовые компании должны быть на первых позициях и по другим показателям деятельности, в частности по уровню достижения ЦУР. Благодаря масштабу, имея большой штат сотрудников, реализуя проекты на территориях разных стран, данные компании располагают достаточными возможностями для достижения намеченных показателей в рамках устойчивого развития и, несмотря на различные обстоятельства, следования приоритетам, обозначенным в их стратегиях.

В трудах по ЦУР и их реализации нефтегазовыми предприятиями все чаще появляются тезисы о том, что под влиянием геополитических и экономических условий происходит пересмотр стратегических планов по переходу к низкоуглеродному развитию. Американские и европейские компании, добившись существенного снижения воздействия на окружающую среду, начинают отказываться от изначальных целей в области зеленой повестки, в то время как в России, Китае и Саудовской Аравии, где только активизируются климатические инициативы, наоборот, данному вопросу уделяется все больше внимания.

Однако исследователи не рассматривают отдельно влияние санкций на стратегии устойчивого развития ведущих зарубежных и российских нефтегазовых компаний, динамику показателей выбросов парниковых газов, объемов добычи углеводородов, затрат на реализацию ЦУР в до- и постсанкционный периоды. В настоящей работе проводится анализ и оценка стратегий устойчивого развития ведущих зарубежных и российских нефтегазовых предприятий в 2019–2023 гг. на предмет соответствия заявленных ими показателей и достигнутых результатов.

Цель статьи – по итогам анализа влияния санкций на стратегии устойчивого развития ведущих зарубежных и российских нефтегазовых компаний в современных геополитических и экономических условиях предложить рекомендации по усовершенствованию данных стратегий.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: исследованы приоритеты в стратегиях устойчивого развития крупнейших зарубежных и российских нефтегазовых компаний в разрезе достижения намеченных показателей, проведен сравнительный анализ данных стратегий, разработаны рекомендации по их оптимизации, позволяющие соблюсти баланс интересов всех участников: акционеров, руководства компаний, государства и общества.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Отдельным аспектам разработки и реализации стратегии устойчивого развития компаний посвящено достаточно большое количество трудов. В основном рассматриваются вопросы имплементации целей устойчивого развития в стратегии компаний в XXI в. [1; 2]. Например, М. К. Измайлов [3] подчеркивает роль включения ЦУР в стратегии управления предприятиями, что обеспечивает создание ценности для акционеров, способствует повышению лояльности партнеров и привлекательности для инвесторов, укреплению доверительных отношений с клиентами, улучшению финансового состояния. М. В. Утевская, А. А. Шиян [4] заявляют о том, что компании, не интегрировавшие ЦУР в свои стратегии, лишаются возможности получить доступ к рынку капитала, вызывают недоверие инвесторов, несут имиджевые потери. В статье А. А. Бжассо [5] обосновывается необходимость разработки стратегии устойчивого развития для компаний в современных условиях как фактора, определяющего эффективность управления и снижение потенциальных рисков.

Ряд авторов изучают особенности внедрения принципов устойчивого развития в стратегии нефтегазовых компаний [6–11]. Так, Н. Н. Шилова, Е. П. Киселица, О. В. Ленкова [12] предлагают методический подход, позволяющий оценить соответствие стратегии предприятия принципам устойчивого развития, а также рекомендации по ее корректировке в случае расхождения. А. В. Шевелева, М. В. Черевик [13; 14] анализируют стратегии и достигнутые результаты в области устойчивого развития ведущих нефтегазовых компаний развитых и развивающихся стран. В. И. Киселев [15] проверяет сообразность стратегий устойчивого развития российских и западных нефтегазовых компаний мировой рыночной конъюнктуре, сопоставляя их приоритетные направления и текущие показатели деятельности. А. Н. Шарафутдинов¹ определяет первоочередные направления стратегий устойчивого развития крупнейших мировых, а М. К. Измайлов [16] – российских нефтегазовых компаний. А. В. Ещенко, Д. А. Косякова [17], Н. Титова [18] дают сравнение данных стратегий. М. И. Рябова [19] соотносит их в плане темпов энергоперехода и значимости климатической повестки.

На современном этапе на первый план выходят вопросы влияния геополитической и экономической ситуации на реализацию стратегии устойчивого развития компаний в целом и в частности нефтегазового сектора [20]. В работах В. В. Авиловой [21] и М. А. Измайловой [22] подчеркивается, что, несмотря на санкции, российские компании не отказываются реализовывать подобную стратегию, поскольку партнеры, кредиторы и инвесторы из дружественных стран в своей деятельности также ориентируются на данный тренд. С. А. Шубин и Е. М. Киселева [23] отмечают, что у отечественных предприятий появилась необходимость корректировки стратегий: соблюдение принципов устойчивого развития должно не только удовлетворять интересам всех сторон – акционеров, инвесторов и кредиторов, но и способствовать экономическому развитию компании, благополучию ее сотрудников. Сравнительный анализ приоритетов ведущих российских, американских и британских

¹ Шарафутдинов А.Н. Обзор стратегий устойчивого развития нефтегазовых компаний. *Экономика и управление: теория и практика*: сб. науч. тр. 2024;10(2):71–75. URL: <https://elck.ru/3PTbtN> (дата обращения: 15.03.2025).

нефтегазовых компаний в области устойчивого развития выявил, что зарубежные предприятия в текущих условиях пересматривают стратегические планы по переходу к низкоуглеродному развитию и снижают зеленые инвестиции [24; 25], в то время как российские, наоборот, наращивают их объемы.

Однако указанные труды затрагивают лишь определенные элементы исследуемой темы, практически не уделяя внимания анализу динамики и взаимосвязи выбросов парниковых газов, объемов добычи углеводородов, затрат на реализацию ЦУР; не проводится оценка ожиданий и результатов реализации стратегий до и после санкций. В данном исследовании применен интегративный подход для анализа стратегий устойчивого развития российских и зарубежных нефтегазовых компаний на предмет изменения приоритетов, а также сравнения последствий влияния санкций на эти стратегии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект исследования. В качестве объекта исследования выбраны ведущие нефтегазовые компании. Согласно рейтингу 2024 года Fortune Global 500, пятерку крупнейших зарубежных компаний по выручке за 2023 г. составили Saudi Aramco, Sinopec Group, China National Petroleum (CNPC), ExxonMobil и Shell². В данный перечень также входят российские компании ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром» и ПАО «ЛУКОЙЛ». Они же занимают первые места в рейтинге компаний России 2024 г. ведущей отечественной системы проверки контрагентов СПАРК-Интерфакс³.

Источники и хронологические рамки исследования. Исходной информацией для исследования явились данные официальных сайтов восьми указанных нефтегазовых компаний, в частности их годовых отчетов и отчетов об устойчивом развитии за 2019–2023 гг., а также презентаций и видеоматериалов.

Для анализа были выбраны показатели выбросов парниковых газов, объемы добычи углеводородов, затраты на реализацию целей устойчивого развития, поскольку именно их взаимосвязь позволяет наглядно показать реальный вклад компаний в исполнение ЦУР. Например, рост выбросов при снижении объемов добычи и увеличении зеленых инвестиций говорит о неэффективности стратегии устойчивого развития; а при повышении объемов добычи и уменьшении зеленых инвестиций – об изменении приоритетов в стратегии, отказе от изначальных ЦУР. Сокращение же выбросов на фоне спада объемов добычи и возрастания зеленых инвестиций свидетельствует о том, что, несмотря на санкции, предприятие следует стратегии устойчивого развития и эффективно ее осуществляет.

Для сопоставления стратегий устойчивого развития использовались Рейтинг стран мира по достижению целей устойчивого развития и Индекс уровня загрязнений по странам мира⁴.

² Fortune Global 500 [Электронный ресурс]. Available at: <https://fortune.com/ranking/global500/> (accessed 12.03.2025).

³ Статистика. Рейтинг компаний России (по выручке) [Электронный ресурс]. Интерфакс информационная группа Спарк. URL: <https://spark-interfax.ru/statistics?ysclid=m6qv044bi873003654> (дата обращения: 12.03.2025).

⁴ Pollution Index by Country 2025 [Электронный ресурс]. Available at: https://www.numbeo.com/pollution/rankings_by_country.jsp (accessed 20.05.2025) ; Sustainable Development Report 2024 [Электронный ресурс]. Rankings. Available at: <https://dashboards.sdindex.org/rankings> (accessed 20.05.2025).

Хронологические рамки исследования не случайны. В 2018 году странами – членами ООН были приняты правила реализации Парижского климатического соглашения⁵, а Всемирный банк выделил на это 200 млрд долл. до 2023 г., что актуализировало оценку уровня достижения поставленных целей в области устойчивого развития для ведущих нефтегазовых компаний в 2019–2023 гг.

Методы исследования. Метод сбора исходных данных позволил провести систематический обзор научных статей по теме исследования, определить изученные области и выявить пробелы.

С помощью метода абстрагирования выделялись ключевые характеристики стратегий устойчивого развития: минимизация воздействия на окружающую среду, повышение энергоэффективности, достижение углеродной нейтральности.

Таким методом количественного исследования, как анализ статистических данных собирались числовые данные, устанавливались связи между выбранными показателями.

Качественным методом, в частности посредством анализа текстов отчетов, официальных документов, видеопрезентаций, выяснялись мотивы руководства анализируемых предприятий в процессе разработки стратегий устойчивого развития.

Обобщение полученных в ходе сравнительного анализа результатов дало возможность сформулировать основные выводы настоящей работы.

Этапы исследования. На первом анализировались основные результаты реализации стратегий устойчивого развития ведущими зарубежными нефтегазовыми компаниями Saudi Aramco, Sinoprec Group, CNPC, ExxonMobil и Shell. Для этого показатели выбросов парниковых газов, объемы добычи углеводородов, затраты на исполнение ЦУР данных компаний в 2019–2023 гг. были представлены в динамике и сопоставлены с целевыми параметрами.

На втором этапе осуществлялась оценка уровня достижения поставленных целей в области устойчивого развития ведущими российскими нефтегазовыми компаниями ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром» и ПАО «ЛУКОЙЛ». Рассматривалась динамика показателей выбросов парниковых газов, объемов добычи углеводородов, затрат на реализацию ЦУР предприятий в 2019–2023 гг.

На третьем этапе проводился сравнительный анализ основных аспектов реализации стратегий устойчивого развития выбранными компаниями по следующим критериям: ключевая цель стратегии; динамика снижения выбросов; динамика объемов добычи углеводородов; расходы на реализацию стратегических целей в заданной области; приоритеты стратегии.

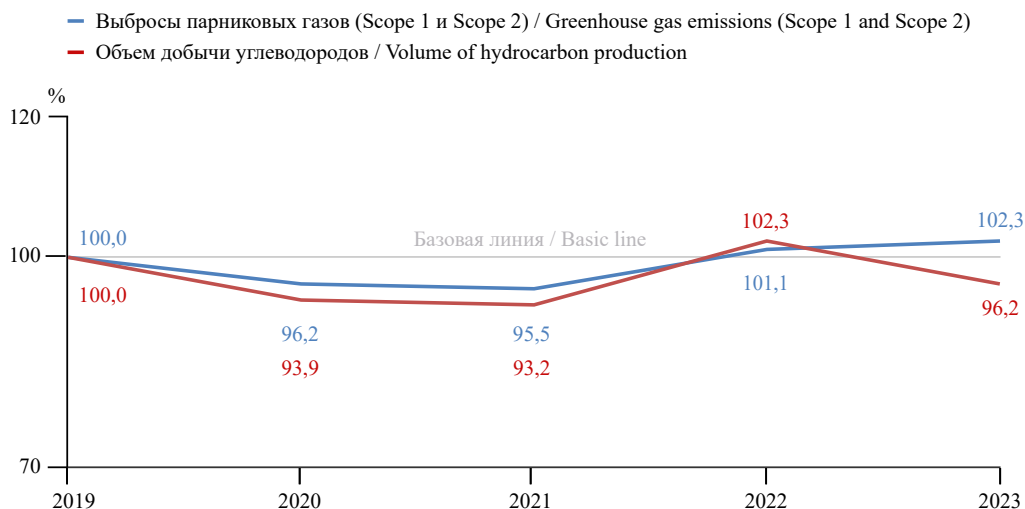
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка реализации стратегий устойчивого развития зарубежными нефтегазовыми компаниями. В стратегии развития национальной нефтяной компании Саудовской Аравии Saudi Aramco отражены задачи: изменение климата и энергопереход; безопасная работа и развитие персонала; минимизация воздействия на окружающую среду – применение принципов экономики замкнутого цикла, восстановление экосистем и увеличение биоразнообразия.

⁵ Katowice climate package [Электронный ресурс]. United Nations Climate Change. Available at: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-katowice-climate-package/katowice-climate-package> (accessed 12.03.2025).

Компания стремится к 2050 году достичь нулевых выбросов парниковых газов Scope 1 и Scope 2⁶; к 2035 – улавливать и хранить до 11 млн т CO₂ в год, а также сократить углеродоемкость на 15 % по сравнению с базовым показателем 2018 г. в 9,1 кг CO₂ е/бнэ; к 2030 г. – инвестировать в проекты по солнечной фотоэлектрической и ветровой энергии общей мощностью до 12 ГВт.

В 2019–2021 годах объемы выбросов парниковых газов Scope 1 и Scope 2 предприятием сократились на 4,5 %, хотя и добыча углеводородов снизилась на 6,8 %. Однако в 2022 году, несмотря на увеличение добычи углеводородов на 10,5 %, выбросы парниковых газов выросли всего на 5,9 %, что стало возможным благодаря уменьшению интенсивности сжигания газа на 16,5 % за счет улучшения внутренних систем утилизации. В 2023 году на фоне понижения добычи углеводородов на 6,6 % произошел рост выбросов парниковых газов на 1,1 % (рис. 1), что обусловлено включением в одноименный кадастр нефтеперерабатывающего завода Jazan производительностью 400 тыс. барр./сут.

Р и с. 1. Динамика объемов выбросов парниковых газов Scope 1 и Scope 2 и добычи углеводородов компанией Saudi Aramco в 2019–2023 гг., %⁷

F i g. 1. Dynamics of Scope 1 and Scope 2 greenhouse gas emissions and hydrocarbon production of Saudi Aramco in 2019–2023, %

В целях снижения выбросов CO₂ Saudi Aramco к 2023 г. посадила больше 30 млн мангровых деревьев, способных поглотить 445 тыс. т CO₂-эквивалента.

⁶ Scope 1 (прямые выбросы) – выбросы парниковых газов из собственных или контролируемых компаний источников. Scope 2 (косвенные выбросы, «энергетические») – выбросы от производства энергии на сторонних энергоисточниках, приобретенной у поставщика таких услуг. Scope 3 – прочие косвенные выбросы парниковых газов, образованных, например, в результате эксплуатации транспортных средств, не принадлежащих или не контролируемых отчитывающейся компанией, но используемых для командировок сотрудников.

⁷ Подготовлен авторами по данным Saudi Aramco Annual Report 2020, 2022, 2023 [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.aramco.com/en/investors/reports-and-presentations> (accessed 12.03.2025); нормализация данных: базовый год – 2019.

Компания инвестирует в проекты солнечной и ветровой энергии, изучает возможности получения геотермальной энергии. Общий объем затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области технологий устойчивого развития в период с 2021⁸ по 2023 г. вырос больше, чем в 1,7 раза (с 315,1 до 540 млн долл.⁹).

В 2023 году компания провела более 9 млн ч обучения сотрудников, добившись снижения общего числа регистрируемых несчастных случаев на 16,0 %; чистое положительное воздействие на биоразнообразие выросло на 30 % по сравнению с базовым 2022 г. за счет включения дополнительных зон защиты в Саудовской Аравии. Итоги деятельности Saudi Aramco в рассматриваемый период отражены в табл. 1.

Таблица 1. Итоги реализации стратегий устойчивого развития ведущими нефтегазовыми компаниями в 2019 – 2023 гг.¹⁰

Table 1. Results of the implementation of the sustainable development strategies by leading oil and gas companies in 2019–2023

Показатель / Indicator	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Изменение (расчет), % / Change (calculation), %
1	2	3	4	5	6	7
<i>Saudi Aramco</i>						
Выбросы парниковых газов Scope 1, Scope 2, млн метрических т CO ₂ -эквивалента / Greenhouse gas emissions, Scope 1, Scope 2, million metric tons of CO ₂ equivalent	71,0	68,3	67,8	71,8	72,6	+ 2,2
Добыча углеводородов, млн бнз/день / Hydrocarbon production, million boe/day	13,2	12,4	12,3	13,6	12,7	– 3,8
Затраты на УР/НИОКР, млн долл. / R&D/HRC expenditures, million USD	Н/Д N/A	Н/Д N/A	315,1	435,0	540,0	+ 71,4
<i>Sinopec Group</i>						
Выбросы парниковых газов, млн т CO ₂ -эквивалента / Greenhouse gas emissions, million tons of CO ₂ equivalent	170,69	170,94	172,65	161,79	168,64	– 1,2
Добыча нефти и газа, млн бнз / Oil and gas production, million boe	458,92	459,02	479,74	488,99	504,09	+ 9,8
Затраты на УР/НИОКР, млн долл. / R&D/HRC expenditures, million USD	9,2	11,4	11,0	16,8	19,2	+ 108,7
<i>CNPC</i>						
Выбросы парниковых газов, млн т CO ₂ -эквивалента / Greenhouse gas emissions, million tons of CO ₂ equivalent	Н/Д N/A	Н/Д N/A	179,0	180,0	188,0	+ 5,0

⁸ Первый отчет об устойчивом развитии был опубликован компанией Saudi Aramco в 2022 г. и содержал данные за 2021 г.

⁹ Saudi Aramco Sustainability Report 2022, 2023. [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.aramco.com/en/sustainability/sustainability-report> (accessed 14.03.2025).

¹⁰ Подготовлена авторами по материалам исследования.

Продолжение табл. 1 / Continuation of the table 1

1	2	3	4	5	6	7
<i>CNPC</i>						
Добыча нефти, млн. метрических т / Oil production, million metric tons	181,03	178,64	179,44	182,04	184,35	+ 1,8
Добыча газа, млрд м ³ / Gas production, billion cubic meters	150,3	160,35	169,24	177,2	184,62	+ 22,8
Затраты на УР/НИОКР, млн долл. / R&D/HRC expenditures, million USD	21,7	22,8	25,3	30,8	33,8	+ 55,7
<i>ExxonMobil</i>						
Выбросы парниковых газов Scope 1, Scope 2, млн т CO ₂ -эквивалента / Greenhouse gas emissions, Scope 1, Scope 2, million t CO ₂ equivalent	109,0	102,0	103,0	100,0	98,0	– 10,1
Добыча углеводородов, млн бнэ/день / Hydrocarbon production, million boe/day	3,95	3,76	3,71	3,74	3,74	– 5,4
Затраты на УР/НИОКР, млн долл. / R&D/HRC expenditures, million USD	5,2	4,5	4,6	5,7	7,1	+ 36,5
<i>Shell</i>						
Выбросы парниковых газов Scope 1, Scope 2, млн т CO ₂ -эквивалента / Greenhouse gas emissions, Scope 1, Scope 2, million t CO ₂ equivalent	80,0	71,0	68,0	58,0	57,0	– 28,5
Добыча нефти и газа, млн бнэ/день / Oil and gas production, million boe/day	3,67	3,39	3,24	2,86	2,79	– 23,8
Затраты на УР/НИОКР, млн долл. / R&D/HRC expenditures, million USD	1,2	1,65	3,4	4,01	3,63	+ 202,9
<i>ПАО «НК «Роснефть»</i>						
Выбросы парниковых газов Scope 1, Scope 2, млн т CO ₂ -эквивалента / Greenhouse gas emissions, Scope 1, Scope 2, million tons of CO ₂ equivalent	81,2	81,0	72,7	71,9	77,15	– 4,9
Добыча углеводородов, млн т бнэ / Hydrocarbon production, million tons of oil equivalent	285,3	256,2	245,3	250,2	269,8	– 5,4
Затраты на УР/НИОКР, млрд руб. / R&D/HRC expenditures, billion rubles	34,5	42,2	54,7	56,8	63,9	+ 85,2
<i>ПАО «Газпром»</i>						
Выбросы парниковых газов Scope 1, млн т CO ₂ -эквивалента / Greenhouse gas emissions, Scope 1, million tons of CO ₂ equivalent	236,5	210,3	243,3	213,5	209,6	– 11,3
Добыча углеводородов, млн бнэ / Hydrocarbon production, million boe	3 741,2	3 428,0	3 832,9	3 193,7	2 877,6	– 15,1

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7
<i>ПАО «Газпром»</i>						
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, тыс. т / Emissions of pollutants into the atmosphere, thousand tons	2 862,7	2 445,7	2 506,3	2 155,3	2 213,4	– 22,7
Затраты на УР/НИОКР, млрд руб. / R&D/HRC expenditures, billion rubles	32,2	34,4	36,3	40,4	43,5	+ 35,1
<i>ПАО «ЛУКОЙЛ»</i>						
Выбросы парниковых газов Scope 1, Scope 2, млн т CO ₂ -эквивалента / Greenhouse gas emissions, Scope 1, Scope 2, million tons of CO ₂ equivalent	48,4	43,6	41,5	46,9	41,8	– 13,6
Добыча углеводородов, тыс. бнэ/день / Hydrocarbon production, thousand boe/day	2 350,0	2 064,0	2 197,0	2 333,0	2 308,0	– 1,8
Затраты на УР/НИОКР, млрд руб. / R&D/HRC expenditures, billion rubles	47,91	53,6	54,04	54,83	68,36	+ 42,7

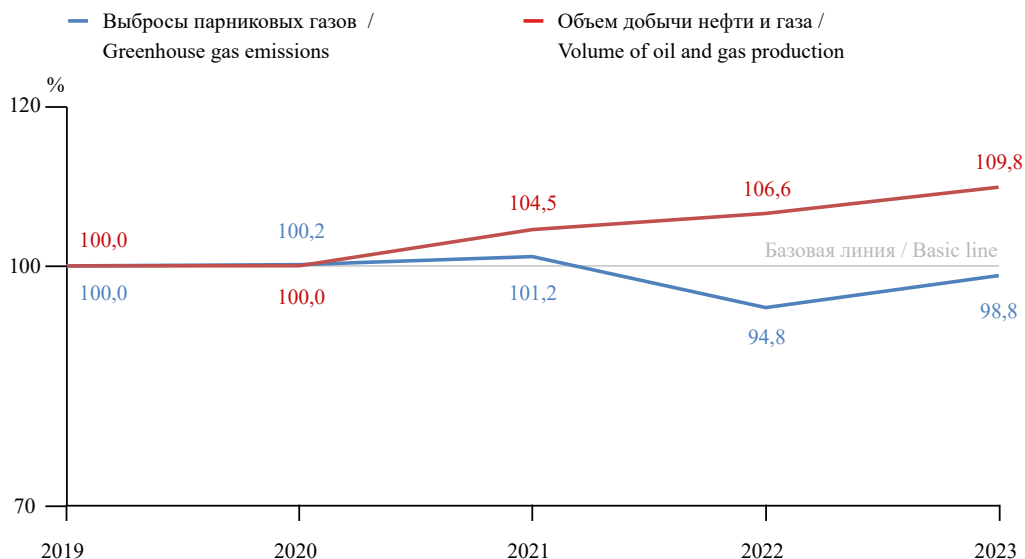
Примечания / Notes. 1) УР/НИОКР – устойчивое развитие / научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы / RD/R&D – sustainable development / research and development work; 2) первый год в расчетном периоде взят как базовый / The first year in the calculation period is taken as the base year.

Китайская нефтегазовая компания Sinopec Group в 2021 г. внедрила в практику стратегию развития с низким уровнем выбросов. Поскольку Китай планирует достичь углеродной нейтральности к 2030 г., компания стремится стать лидером в данном направлении. В 2018 году она инициировала программу «Зеленое предпринимательство», установив цели по сокращению выбросов углерода к 2023 г., включая совокупное снижение выбросов углекислого газа на 12,6 млн т, улавливание 500 тыс. т и хранение 300 тыс. т углекислого газа в год, а также извлечение и использование 200 млн м³ метана в год. В 2019–2023 годах компания успешно достигла цель по выбросам, сократив их на 1,2 %, хотя объемы добычи нефти и газа выросли на 9,8 % (рис. 2).

В 2019–2023 годах Sinopec Group увеличила расходы на охрану окружающей среды почти в 2,1 раза (с 9,2 до 19,2 млрд юаней)¹¹.

В 2024 году компания разработала План второго этапа программы «Зеленое предпринимательство», где установила цели до 2028 г.: снижение интенсивности выбросов углекислого газа и метана на 5 и 20 % соответственно по сравнению с 2023 г.; улавливание и утилизация 2,5 млн т углекислого газа в год; 100 %-й уровень соблюдения торговли выбросами углерода; 92 %-й уровень комплексной утилизации промышленных твердых отходов; 100 %-й уровень утилизации опасных отходов; сокращение совокупного потребления энергии на 10 000 юаней произведенной продукции на 5 % относительно 2023 г.; 60 %-й уровень повторного использования сточных вод.

¹¹ Sinopec Group Annual Report 2019, 2020, 2021, 2022, 2023 [Электронный ресурс]. Available at: <http://www.sinopecgroup.com/group/en/bgjcbw/index.shtml#a3> (accessed 15.03.2025).

Р и с. 2. Динамика объемов выбросов парниковых газов, добычи нефти и газа компаний Sinopec Group в 2019–2023 гг., %¹²

F i g. 2. Dynamics of greenhouse gas emissions and oil and gas production of Sinopec Group in 2019–2023, %

Китайская нефтегазовая компания CNPC также стремится минимизировать воздействие на экологию и окружающую среду, поэтому ее стратегия развития базируется на принципах экологичности и низкого уровня выбросов. На предприятии разработан План действий по зеленому и низкоуглеродному развитию и определен путь достижения углеродной нейтральности.

Благодаря эффективной реализации стратегии устойчивого развития при росте объемов добычи нефти на 1,8 % и газа на 25 % выбросы парниковых газов Score 1 и Score 2 у CNPC выросли всего на 5 % (рис. 3).

Компания реализует программу по строительству поглотителей углерода и высаживанию углеродно нейтральных лесов. К 2023 году общий объем озелененных площадей составил 318 млн м², посажено 3,905 млн деревьев.

Также предприятие инвестирует в программы возрождения сельских районов, обеспечения их водой, социальной поддержки, восстановления сельскохозяйственных угодий, разработки новых видов энергии, повышения энергоэффективности и биоразнообразия. Больше чем в 1,5 раза увеличены инвестиции в исследования и разработки по созданию новых технологий, которые усиливают операционную эффективность и минимизируют воздействие на окружающую среду¹³.

К стратегическим задачам CNPC в области устойчивого развития на период 2026–2035 гг. относятся сокращение выбросов CO₂ и развитие новых видов

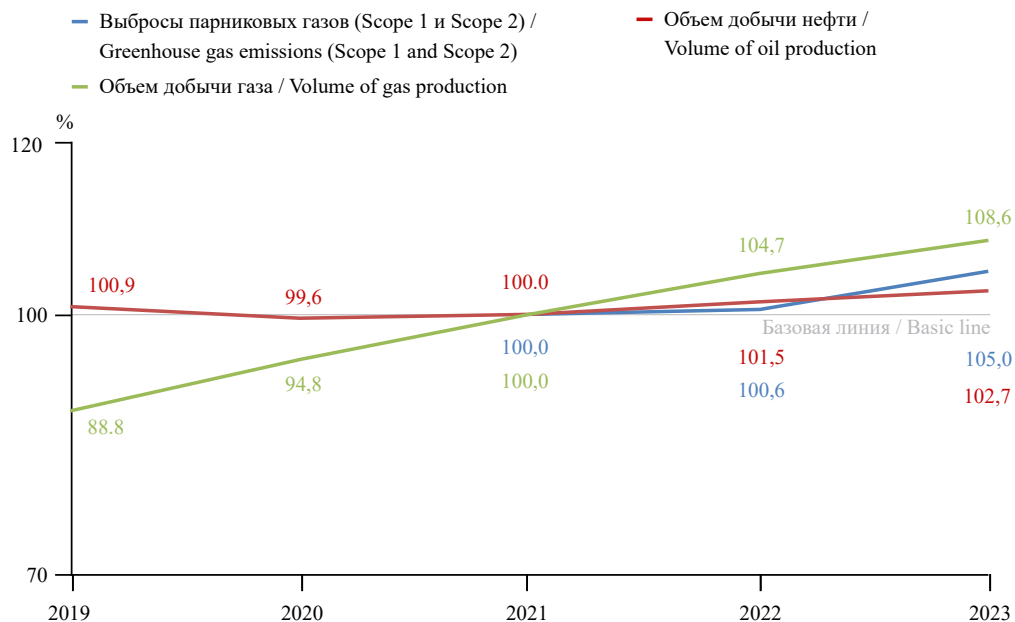
¹² Подготовлен авторами по данным Sinopec Group Annual Report 2020, 2023 и Sinopec Group Sustainability Report 2020, 2023 [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.petrochina.com.cn/ptr/rdxx/202404/82094bcd144f40068ae45d46d48b643b/files/f9a9a2c3b2cb4029b33399ea3c699fa6.pdf> (accessed 15.03.2025).

¹³ CNPC Annual Report 2020, 2023 [Электронный ресурс]. Available at: https://www.cnpc.com.cn/en/ar2023/Annual_Report_list.shtml (accessed 15.03.2025).

энергии, в частности ветровой, солнечной, газовой и водородной, доля которых к 2035 г. должна занять треть всех бизнес-мощностей, а к 2050 г. – достичь 50 %.

В стратегии и отчете об устойчивом развитии компании ExxonMobil (США) описывается нацеленность на увеличение поставок энергии и основных продуктов, сокращение выбросов парниковых газов в поддержку нулевого будущего; упоминаются биоразнообразие, управление отходами, сохранение водных ресурсов и качество воздуха.

Р и с. 3. Динамика объемов выбросов парниковых газов, добычи нефти и газа компаний CNPC в 2019–2023 гг., %¹⁴

F i g. 3. Dynamics of greenhouse gas emissions and oil and gas production of CNPC in 2019–2023, %

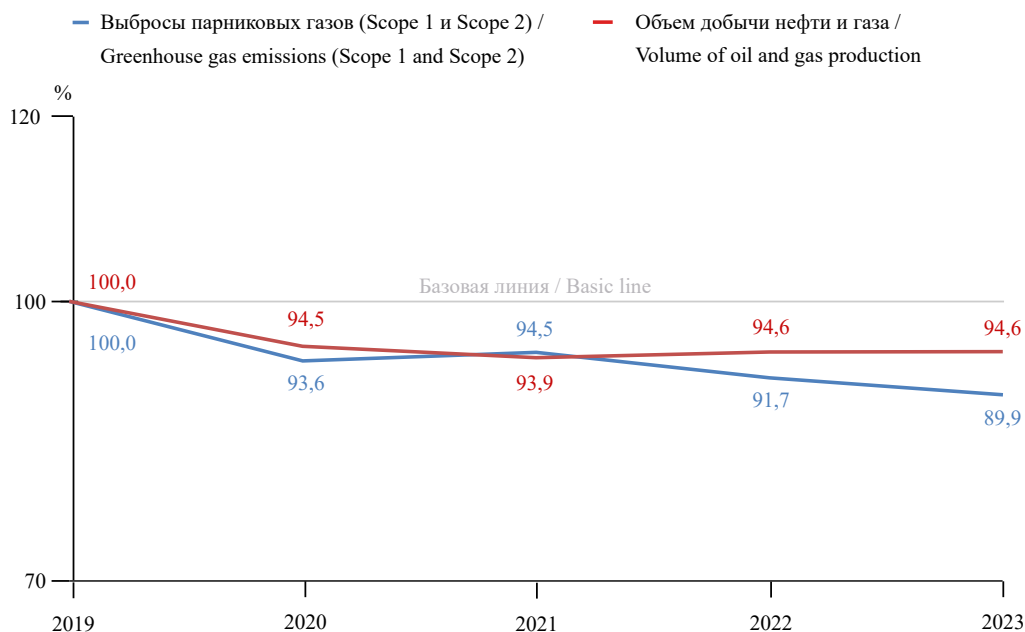
Однако летом 2023 года акционеры компании отклонили основную часть климатических инициатив, касающихся снижения выбросов по всей цепочке потребления выпускаемых товаров, а также публикации данных относительно ESG-ориентиров (*environmental, social, governance*, т. е. «природа, общество, управление») и раскрытия информации о рисках утечек нефти. Даррен Вудс, главный исполнительный директор ExxonMobil, заявил, что предприятие выиграло от инвестиций в добычу углеводородов тогда, когда другие аналогичные компании сокращали капиталовложения. Действительно, в период 2019–2023 гг. было достигнуто существенное уменьшение выбросов парниковых газов Scope 1 и Scope 2, хотя объемы добычи нефти и газа падали только с 2019 по 2021 гг., потом незначительно выросли (рис. 4).

В январе 2024 года ExxonMobil подала в суд иск против инвесторов-активистов, требовавших увеличить затраты на экологические мероприятия, хотя в период

¹⁴ Составлен авторами по данным CNPC Sustainability Report 2023 [Электронный ресурс]. Available at: <https://reference-global.com/article/10.2478/picbe-2018-0056> (accessed 15.03.2025) ; Нормализация данных (базовый год — 2021).

2019–2023 гг. расходы на охрану окружающей среды выросли почти в 1,4 раза (с 5,2 до 7,1 млрд долл.)¹⁵. Иск был отклонен, так как миноритарные акционеры отозвали свои предложения.

Руководство компании считает, что достижение в мире углеродной нейтральности к 2050 г. маловероятно, поскольку в этом случае произойдет снижение уровня жизни людей, что недопустимо. Также нереалистичен план Международного энергетического агентства¹⁶ по постепенному отказу от ископаемых источников энергии к 2050 г. – ископаемое топливо продолжают потреблять, и сокращения не происходит.

Р и с. 4. Динамика объемов выбросов парниковых газов Scope 1 и Scope 2, добычи углеводородов компаний ExxonMobil в 2019–2023 гг., %¹⁷

F i g. 4. Dynamics of Scope 1 and Scope 2 greenhouse gas emissions and hydrocarbon production by ExxonMobil in 2019–2023, %

В январе 2025 года Д. Трамп подписал указ о выходе США из Парижского соглашения по климату, что должно стимулировать развитие нефтегазового сектора страны. Таким образом, главной стратегической задачей компании ExxonMobil становится обеспечение сбалансированного подхода к реализации целей устойчивого развития, улучшения экономических показателей и создания акционерной стоимости.

Британская компания Shell в 2022 г. приняла стратегию «Энергия для прогресса», призванную обеспечить ускоренный переход к чистым, нулевым, выбросам

¹⁵ Exxon Mobil Annual Report 2020, 2023 [Электронный ресурс]. Available at: <https://investor.exxonmobil.com/sec-filings/annual-reports> (accessed 16.03.2025).

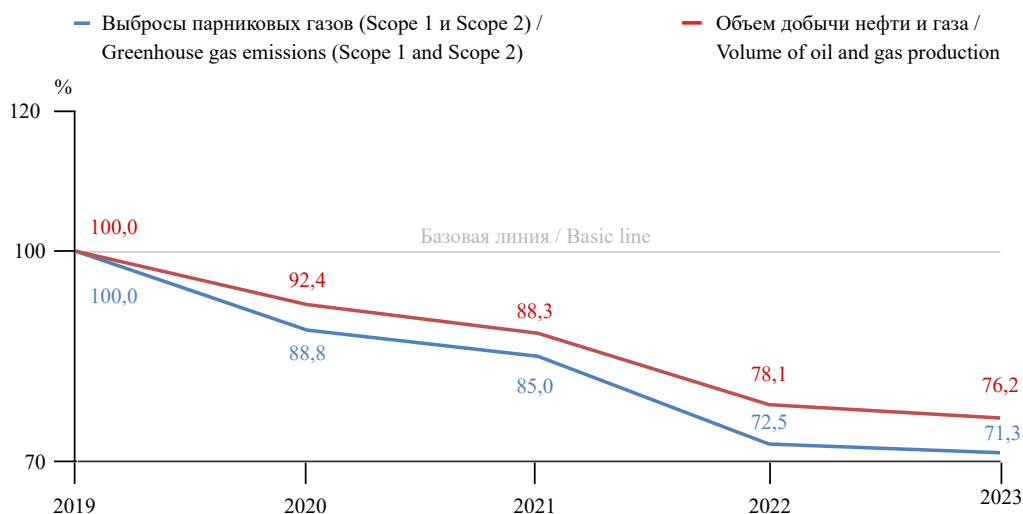
¹⁶ Net Zero by 2050: A roadmap for the global energy system [Электронный ресурс]. Available at: https://iea.blob.core.windows.net/assets/deebef5d-0c34-4539-9d0c-10b13d840027/NetZeroBy2050-ARoadmapfortheGlobalEnergySector_CORR.pdf (accessed 16.03.2025).

¹⁷ Составлен авторами по данным ExxonMobil Annual Report 2020, 2023 [Электронный ресурс]. Available at: <https://investor.exxonmobil.com/sec-filings/annual-reports> (accessed 16.03.2025).

к 2050 г., создание ценности для акционеров, клиентов и общества, охрану труда и производственной безопасности. Планировалось развивать низкоуглеродные источники энергии (солнечной и ветровой), электричество для электромобилей, водород, биотопливо, прекратить факельное сжигание газа, увеличить мощности по улавливанию и хранению углерода, снижать объемы добычи нефти.

В 2019–2022 годах Shell успешно реализовывала заявленные цели по устойчивому развитию, в частности выбросы парниковых газов снизились почти на 28 %, а объемы добычи нефти и газа – на 24 %. Однако в 2023 году, как и в случае с ExxonMobil, климатические инициативы не получили поддержки большинства акционеров и темпы снижения названных показателей замедлились (рис. 5). При этом затраты на реализацию схем контроля уровней выбросов и связанных с ними экологических программ выросли с 1,197 в 2019 г. до 4,005 млрд долл. в 2022, т. е. больше чем в 3,3 раза, а в 2023 г. – сократились на 9,5 % (до 3,626 млрд долл.)¹⁸.

Р и с. 5. Динамика объемов выбросов парниковых газов Scope 1 и Scope 2, добычи нефти и газа компанией Shell в 2019–2023 гг., %¹⁹

F i g. 5. Dynamics of Scope 1 and Scope 2 greenhouse gas emissions, and oil and gas production of Shell in 2019–2023, %

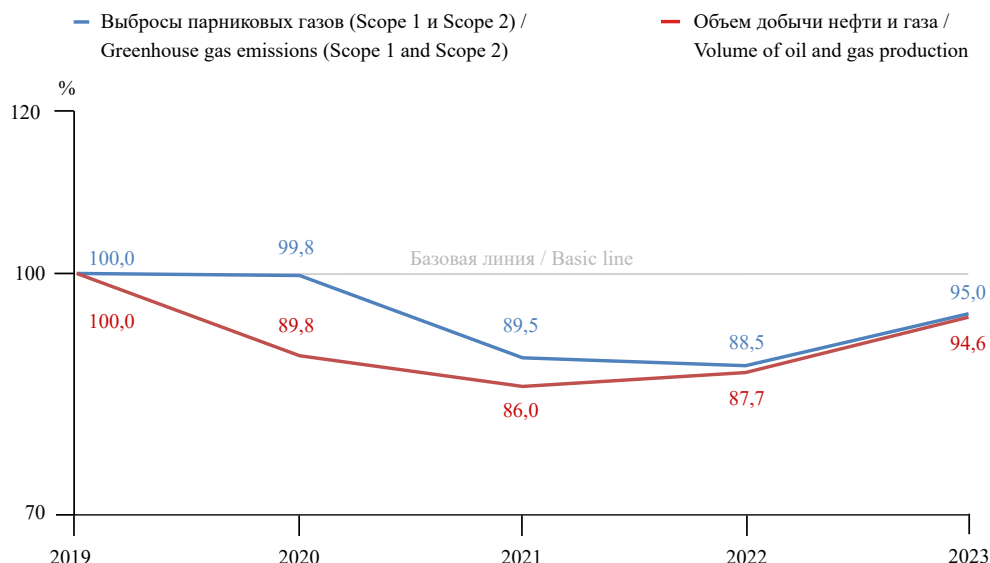
В марте 2024 года компания обновила стратегию устойчивого развития, пересмотрела план по снижению выбросов в результате нефтедобычи до 2030 г. (их уровень с 20 упал до 15 %) и отказалась от сокращения выбросов к 2035 г. на 45 %. В мае того же года группа из 27 акционеров Shell выступила за приведение компанией среднесрочных целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов в соответствии с ориентирами Парижского соглашения по климату. Остальные акционеры отклонили данное предложение и поддержали стратегию руководства, которое считает, что компания пока не готова к быстрому энергопереходу.

¹⁸ Shell Annual Report 2020, 2023 [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3QBRSc> (accessed 16.03.2025).

¹⁹ Составлен авторами по данным Shell Annual Report 2020, 2023 [Электронный ресурс]...

Кроме того, стремясь сконцентрироваться на высоко rentабельных проектах по добыче традиционных нефти и природного газа, компания Shell начала сокращать проекты в области ВИЭ и водородный бизнес, продавала расположенные в США активы, связанные с солнечной энергетикой, а также отказалась от нескольких морских ветряных проектов. Для экономии затрат был урезан персонал, в том числе в подразделении низкоуглеродных решений.

Оценка реализации стратегий устойчивого развития российскими нефтегазовыми компаниями. Совет директоров ПАО «НК «Роснефть» в конце 2021 года утвердил стратегию «Роснефть-2030: надежная энергия и глобальный энергетический переход», согласно которой компания обязалась сократить выбросы парниковых газов Scope 1 и Scope 2 к 2025 г. на 5 %, к 2035 – на 25 %, к 2050 г. – достичь углеродной нейтральности. Первую цель удалось реализовать еще в 2019–2023 гг. (рис. 6).

Р и с. 6. Динамика объемов выбросов парниковых газов Scope 1 и Scope 2, добычи углеводородов компаниями ПАО «НК «Роснефть» в 2019–2023 гг., %²⁰

F i g. 6. Dynamics of Scope 1 and Scope 2 greenhouse gas emissions, and hydrocarbon production by PJSC NK Rosneft in 2019–2023, %

В 2023 году на реализацию экологических проектов в целях сокращения вредных выбросов в атмосферу и водную среду, рекультивации земли, повышения надежности трубопроводов компания потратила почти 64 млрд руб., что в 1,8 раза больше, чем в 2019 г.²¹

Ключевым стратегическим приоритетом компании является достижение углеродной нейтральности, а именно сохранение статуса надежного производителя нефтегазовых ресурсов при сокращении негативного воздействия на окружающую

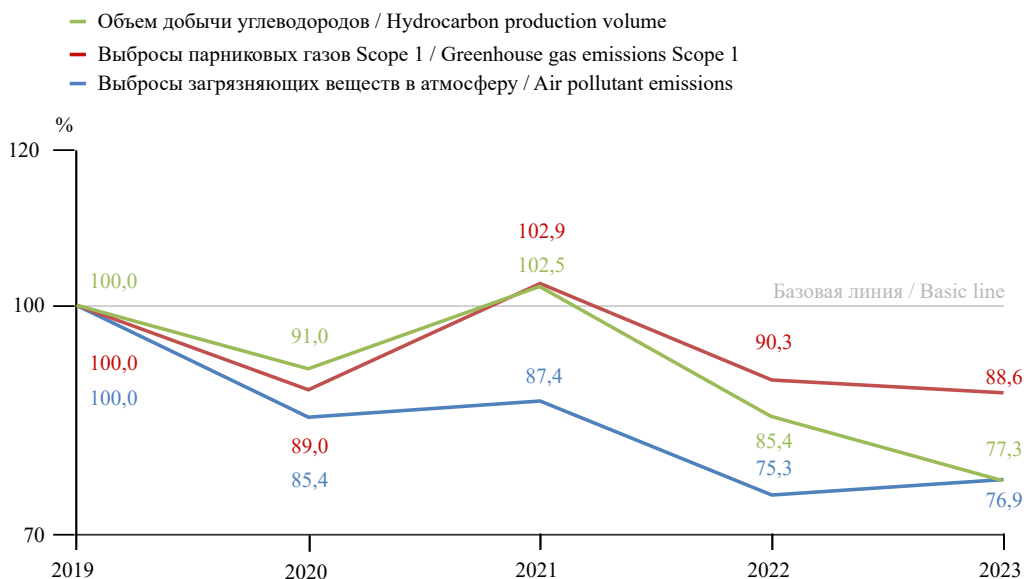
²⁰ Составлен авторами по данным Годового отчета ПАО «НК «Роснефть» за 2020, 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/annual_reports/ (дата обращения: 17.03.2025).

²¹ Годовой отчет ПАО «НК «Роснефть» за 2020, 2023 г. [Электронный ресурс]...

среду и климат. Для его реализации сокращаются выбросы, применяется низкоуглеродная генерация, развиваются энергосберегающие технологии и технологии, позволяющие улавливать и хранить углерод, используется потенциал природного поглощения загрязнений.

Согласно утвержденной руководством ПАО «Газпром» в 2023 г. Климатической стратегии до 2050 г., предприятие стремится обеспечить баланс выбросов парниковых газов и их поглощения. За период 2019–2023 годов выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от деятельности компании сократились на 22,7 %, парниковых газов Scope 1 – на 11,4 %, хотя в то же время отмечено снижение объемов добычи углеводородов на 23 % и одновременно – рост объемов переработки природного и попутного газа и газового конденсата (рис. 7).

Р и с. 7. Динамика объемов выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, парниковых газов Scope 1, добычи углеводородов компанией ПАО «Газпром» в 2019–2023 гг., %²²

F i g. 7. Dynamics of emissions of pollutants into the atmosphere, greenhouse gases Scope 1 and hydrocarbon production of PJSC Gazprom in 2019–2023, %

С целью реализации стратегических задач в сфере устойчивого развития компания ежегодно увеличивала затраты на охрану окружающей среды, и за 2019–2023 гг. их рост составил больше чем 35 % (с 32,18 до 43,5 млрд руб.)²³.

Климатическая стратегия ПАО «Газпром» до 2050 г. направлена на дальнейшее снижение углеродного следа и участие компании в климатических инициативах. При этом к 2033 году плановые показатели сокращения удельных выбросов попутного газа должны достичь 12,9 %, а планируемое уменьшение выбросов попутного газа

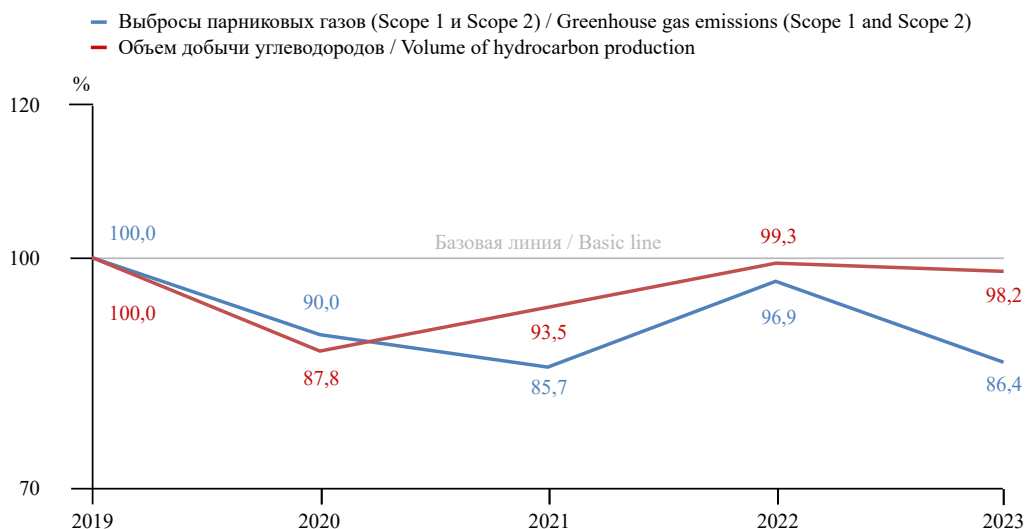
²² Составлен авторами по данным Годового отчета ПАО «Газпром» за 2020, 2023 г. [Электронный ресурс]. Газпром: офиц. сайт. URL: <https://www.gazprom.ru/investors/disclosure/reports> (дата обращения: 17.03.2025).

²³ Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2020, 2023 г. [Электронный ресурс]...

за счет новых проектов в области газификации и перевода транспорта на природный газ в период 2023–2035 гг. – 69 млн т CO_2 -эквивалента.

Деятельность компании ПАО «ЛУКОЙЛ» способствует достижению ЦУР ООН²⁴, которые интегрированы в принятую руководством Программу стратегического развития на 2022–2031 гг., направленную на сокращение контролируемых выбросов парниковых газов. Добровольная цель – снижение к 2030 г. контролируемых выбросов (Score 1 и Score 2) не меньше чем на 20 % относительно 2017 года.

В 2019–2023 годах компании удалось снизить выбросы попутного газа Score 1 и Score 2 на 13,6 %, хотя объемы добычи углеводородов, за исключением периода пандемии (2020–2021 гг.), оставались практически без изменений (рис. 8).

Р и с. 8. Динамика объемов выбросов парниковых газов Scope 1 и Scope 2, добычи углеводородов компаниями ПАО «ЛУКОЙЛ» в 2019–2023 гг., %²⁵

F i g. 8. Dynamics of Scope 1 and Scope 2 greenhouse gas emissions, and hydrocarbon production by PJSC LUKOIL in 2019–2023, %

В 2022 году увеличение объемов выбросов парниковых газов Scope 1 и Scope 2 и добычи углеводородов компаниями ПАО «ЛУКОЙЛ» обуславливался присоединением новых производственных объектов к ООО «ЛУКОЙЛ–Западная Сибирь», а также инвентаризацией источников выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в рамках разработки соответствующей разрешительной документации. Объемы финансирования целевых и инвестиционных программ в области промышленной безопасности, охраны труда и окружающей среды

²⁴ Совет директоров утвердил актуализированную стратегию группы «ЛУКОЙЛ» [Электронный ресурс]. ЛУКОЙЛ: офиц. сайт. URL: <https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease/sovet-direktorov-utverdil-aktualizirovannui?ysclid=mhvx2yz3v6156334483> ; Отчет об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ» 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://lukoil.ru/Sustainability/SustainabilityReport> (дата обращения: 17.03.2025).

²⁵ Составлен авторами по данным Отчетов об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ» 2020, 2023 [Электронный ресурс]. ЛУКОЙЛ: офиц. сайт. URL: <https://lukoil.ru/Sustainability/SustainabilityReport> (дата обращения: 17.03.2025).

предприятия в период 2019–2023 гг. увеличились с 47,91 до 68,36 млрд руб., т. е. почти в 1,5 раза²⁶.

Сравнительный анализ реализации стратегий устойчивого развития ведущими зарубежными и российскими нефтегазовыми компаниями в условиях санкций. Общими чертами являются стремление к достижению снижения выбросов CO₂, а также рост расходов на реализацию стратегических целей в 2019–2023 гг. (табл. 2). В то же время динамика сокращения выбросов и объемов добычи углеводородов выбранными акторами различается. Зарубежные компании развитых стран пересматривают приоритеты в области устойчивого развития, отказываясь от ряда климатических инициатив в пользу интенсификации деятельности по добыче традиционных углеводородов и обеспечения доходов для акционеров. Компании Китая и Саудовской Аравии стараются придерживаться изначальных целей устойчивого развития, при этом рост расходов на их реализацию опережает увеличение объемов добычи углеводородов и соответствующих им выбросов. Российские компании актуализируют цели устойчивого развития в сторону активизации климатической повестки.

Таблица 2. Сравнительный анализ основных аспектов реализации стратегий устойчивого развития ведущими нефтегазовыми компаниями в 2019–2023 гг.²⁷

Table 2. Comparative analysis of the main aspects of the implementation of sustainable development strategies by leading oil and gas companies in 2019–2023

Saudi Aramco	Sinopec Group	CNPC	Exxon-Mobil	Shell	ПАО «НК «Рос-нефть»	ПАО «Газпром»	ПАО «ЛУКОЙЛ»
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Ключевая цель стратегии устойчивого развития / The key goal of the sustainable development strategy</i>							
Нулевые выбросы к 2050 г. / Zero emissions by 2050	Нулевые выбросы к 2030 г. / Zero emissions by 2030	Снижение выбросов, доля ВИЭ 50 % к 2050 г. / Emissions reduction, 50 % share of renewable energy by 2050	Снижение выбросов; рост поставок нефти и газа / Emissions reduction; growth in oil and gas supplies	Нулевые выбросы к 2050 г. / Zero emissions by 2050	Нулевые выбросы к 2050 г. / Zero emissions by 2050	Баланс выбросов и их поглощения к 2050 г. / Balance of emissions and their absorption by 2050	Снижение выбросов на 20 % к 2030 г. / Emissions reduction by 20 % by 2030
<i>Динамика снижения выбросов / Dynamics of emission reduction</i>							
До 2021 г. спад, дальше рост / Decline until 2021, then growth	Рост, кроме 2022 г. / Growth, except for 2022	Рост / Growth	Спад, кроме 2021 г. / Decline, except for 2021	Спад / Decline	Спад до 2022 г., дальше рост / Decline until 2022, then growth	Спад, кроме 2021 г. / Decline, except for 2021	Спад, кроме 2022 г. / Decline, except for 2022

²⁶ Отчет об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ» 2020, 2023 [Электронный ресурс]...

²⁷ Составлена авторами по результатам исследования.

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Динамика объемов добычи углеводородов / Dynamics of hydrocarbon production volumes</i>							
Спад, кроме 2022 г. / Decline, except for 2022	Рост более быстрыми темпами, чем выбросы / Growth faster than emissions	Рост более быстрыми темпами, чем выбросы / Growth faster than emissions	Спад до 2021 г., далее рост / Decline until 2021, then growth	Спад / Decline	Спад до 2021 г., далее рост / Decline until 2021, then growth	Спад, кроме 2021 г. / Decline, except for 2021	Рост, кроме 2020 и 2023 гг. / Growth except 2020 and 2023
<i>Расходы на реализацию стратегических целей в области устойчивого развития / Expenditures on the implementation of strategic goals in the field of sustainable development</i>							
Рост больше чем в 1,7 раза / Growth more than 1.7 times	Рост почти в 2,1 раза / Growth of almost 2.1 times	Рост больше чем в 1,5 раза / Growth more than 1.5 times	Рост больше чем в 1,4 раза / Growth more than 1.4 times	Рост до 2022 г., далее спад / Growth until 2022, then decline	Рост больше чем в 1,8 раза / Growth more than 1.8 times	Рост больше чем в 1,3 раза / Growth more than 1.3 times	Рост почти в 1,5 раза / Growth of almost 1.5 times
<i>Приоритеты стратегии устойчивого развития / Priorities of the Sustainable Development Strategy</i>							
Следует целям / Follows goals	Следует целям / Follows goals	Следует целям / Follows goals	Пересмотр целей, отказ от ряда инициатив / Revision of goals, abandonment of a number of initiatives	Пересмотр целей, отказ от ряда инициатив / Revision of goals, abandonment of a number of initiatives	Следует целям / Follows goals	Следует целям / Follows goals	Следует целям / Follows goals

Примечание / Note. ВИЭ – возобновляемые источники энергии / RES – renewable energy sources.

Изменение приоритетов в стратегиях устойчивого развития указанных компаний определяется не только геополитическими и экономическими условиями. Имеет значение и то, что США и Великобритания достигли определенного прогресса в снижении уровня загрязнений и решении большинства социально-экологических проблем, в то время как Россия, Китай и Саудовская Аравия отстают по этим направлениям, о чем свидетельствуют данные Рейтинга стран мира по достижению целей устойчивого развития и Индекса уровня загрязнений по странам мира (Приложение)²⁸. Кроме того, российские нефтегазовые предприятия обязуются выполнять задачи, намеченные в Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.²⁹

²⁸ Приложение [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.133.033.202504.652>

²⁹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.: Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402894476/> (дата обращения: 20.05.2025).

Американской и британской нефтегазовым компаниям в рамках оптимизации стратегий устойчивого развития рекомендуется сохранять приверженность показателям Парижского соглашения по климату, не стремиться достичь амбициозные цели по низкоуглеродному развитию, но и не занижать их, сохранить наиболее рентабельные проекты ВИЭ и уровень затрат на среднем за период 2019–2023 гг. уровне. Резкий отказ от углеродной нейтральности может привести к потере лидирующих позиций в рейтингах, ухудшить репутацию компаний и снизить их конкурентоспособность на мировом рынке.

Нефтегазовым компаниям России, Китая и Саудовской Аравии можно порекомендовать в ближайшей перспективе сохранить в стратегиях устойчивого развития намеченные показатели, пока не будут достигнуты хотя бы 80 баллов в Рейтинге стран мира по достижению целей устойчивого развития и 50 баллов в Индексе уровня загрязнений по странам мира.

С целью возможной оптимизации стратегий устойчивого развития российских нефтегазовых компаний разработана дорожная карта их приоритетных направлений (см. Приложение), призванная способствовать реализации Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г., а также планов по достижению углеродной нейтральности российской экономикой не позднее 2060 г., утвержденных Президентом РФ В. В. Путиным³⁰.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ведущие российские и зарубежные нефтегазовые компании с принятием ЦУР ООН стали активно разрабатывать соответствующие стратегии, направленные на достижение углеродной нейтральности или существенное снижение уровня выбросов парниковых газов в 2019–2023 гг. Однако в современной геополитической и экономической ситуации, обусловившей дефицит энергетических ресурсов, и прежде всего в странах Европы из-за отказа от поставок российских нефти и газа, а также на фоне все более явных финансовых последствий климатических решений, амбициозные климатические цели оказались несовместимы с реальными потребностями стран по всему миру.

Сравнительный анализ основных аспектов реализации стратегий устойчивого развития ведущими зарубежными и российскими нефтегазовыми компаниями (Saudi Aramco, Sinopec Group, CNPC, ExxonMobil, Shell, ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром» и ПАО «ЛУКОЙЛ») в 2019–2023 гг. показал, что произошло изменение приоритетов, притом в разных направлениях. Так, американская и европейская компании, которые до санкций выполняли роль флагманов в борьбе с климатическими изменениями, после 2022 г. пересмотрели экологические цели и отложили часть инициатив по сокращению выбросов углекислого газа. Компании России, Саудовской Аравии и Китая, несмотря на сложившуюся ситуацию, сохранили стратегические приоритеты по целям устойчивого развития и все чаще реализуют климатические проекты на добровольной основе, что в итоге существенно повышает их конкурентоспособность на мировом рынке.

³⁰ Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2023 № 812 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009?index=1> (дата обращения: 20.05.2025).

Проведенный анализ представляет собой попытку оценить ожидания и результаты реализации стратегий устойчивого развития ведущими нефтегазовыми компаниями до и после санкций, предложить возможные направления их оптимизации, что имеет практическое значение для корректировки подобных программ в аспекте обеспечения как целей устойчивого развития, так и государственных экологических интересов. Для выработки рекомендаций крупным акторам по изменению приоритетов в рассматриваемых стратегиях разработана Дорожная карта приоритетных направлений стратегий устойчивого развития российских нефтегазовых компаний (см. прил.), которая станет ориентиром в действиях согласно индивидуальным моделям внедрения климатической повестки и экологизации производственно-хозяйственной деятельности.

Исследование выполнено на основе открытых источников (публичных отчетов и презентаций), представленных на официальных сайтах рассмотренных компаний, однако не включает информацию, которая содержится во внутренних документах, что создает определенное ограничение. Дальнейшее изучение данного вопроса связывается с региональными аспектами развития зеленой экономики, что позволит выстроить сопряженную с предложенными рекомендациями стратегию пространственного развития нефтегазовой отрасли России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Domingo-Posada E., González-Torre P.L., Vidal-Suárez M.M. Sustainable Development Goals and Corporate Strategy: A Map of the Field. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2024;31(4):2733–2748. <https://doi.org/10.1002/csr.2717>
2. Sulich A., Sołoduch-Pelc L.M. Sustainable Development in Production Companies: Integrating Environmental Strategy and Green Management Style. *Discover sustainability*. 2025;6(434):1–16. <https://doi.org/10.1007/s43621-025-01152-6>
3. Измайлов М.К. Внедрение принципов устойчивого развития и социальной ответственности в стратегии управления компаниями: опыт и перспективы. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2024;34(4):608–613. URL: <https://clck.ru/3QAwon> (дата обращения: 17.03.2025).
4. Утевская М.В., Шиян А.А. Формирование стратегий компаний с учетом целей устойчивого развития. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2022;(4):61–66. <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2022-4-61-66>
5. Бжасо А.А. Стратегия устойчивого развития бизнес-структур в современных условиях: необходимость разработки, критерии и этапы формирования ее информационного обеспечения. *Экономика и предпринимательство*. 2023;(10):733–737. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.159.10.148>
6. Мальков Д.Э., Комарова А.В. Корпоративная социальная ответственность как один из основных элементов стратегии развития предприятий нефтегазового комплекса. *Московский экономический журнал*. 2023;8(3):430–438. URL: <https://qje.su/ru/storage/view/142390> (дата обращения: 17.03.2025).
7. Ромохов К.С. Элементы концепции устойчивого развития в деятельности нефтегазовых компаний. *Московский экономический журнал*. 2020;5(1):505–510. URL: <https://qje.su/ru/storage/view/142352> (дата обращения: 17.03.2025).
8. Mammadov A., Prigoda R. Evaluation of ESG-Strategies of Oil and Gas Companies. *European Journal of Energy Research*. 2025;5(3):15–18. <https://doi.org/10.24018/ejenergy.2025.5.3.165>
9. Mojarad A.S., Atashbari V., Tantau A. Challenges for Sustainable Development Strategies in Oil and Gas Industries. *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*. 2018;12(1):626–638. <https://doi.org/10.2478/picbe-2018-0056>
10. Adebayo Y.A., Ikevuje A.H., Kwakye J.M., Esiri A.E. Corporate Social Responsibility in Oil and Gas: Balancing Business Growth and Environmental Sustainability. *GSC Advanced Research and Reviews*. 2024;20(3):246–266. <https://doi.org/10.30574/gscarr.2024.20.3.0352>
11. Egbumokei P.I., Dienagha I.N., Digitemie W.N., Onukwulu E.C., Oladipo O.T. Sustainable Business Strategies for Decarbonizing the Oil and Gas Industry: A Roadmap to Net-Zero Emissions. *International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation*. 2025;5(5):1014–1028. <https://doi.org/10.54660/IJMRGE.2024.5.5.1014-1028>

12. Шилова Н.Н., Киселица Е.П., Ленкова О.В. Критериальная основа оценки соответствия стратегии нефтегазовой компании принципам устойчивого развития. *Московский экономический журнал*. 2023;8(9):616–631. URL: <https://qje.su/ru/storage/view/142396> (дата обращения: 17.03.2025).
13. Шевелева А.В., Черевик М.В. Анализ и оценка процесса интеграции климатической повестки в стратегии ведущих нефтегазовых ТНК развитых стран. *Экономика и предпринимательство*. 2018;(4):164–168. <https://www.elibrary.ru/YXKPSW>
14. Шевелева А.В., Черевик М.В. Анализ и оценка процесса интеграции климатической повестки в стратегии ведущих нефтегазовых ТНК развивающихся стран. *Экономика и предпринимательство*. 2017;(12-4):579–582. <https://www.elibrary.ru/OSYHCJ>
15. Киселев В.И. Функционирование нефтегазовых компаний в условиях реализации глобальной политики устойчивого развития. *Управление риском*. 2023;(4):27–34. <https://www.elibrary.ru/KPMSFK>
16. Измайлов М.К. Интеграция принципов ESG в корпоративную стратегию российских нефтегазовых компаний. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2024;34(1):22–27. URL: <https://clck.ru/3QBLyJ> (дата обращения: 15.03.2025).
17. Ещенко А.В., Косякова Д.А. Оценка ESG-стратегий российских и зарубежных нефтегазовых компаний. *Экономика и управление в машиностроении*. 2022;(1):48–54. <https://www.elibrary.ru/ZWWRLL>
18. Титова Н. Модели устойчивого развития нефтегазовых компаний в условиях декарбонизации: сравнение российского и зарубежного опыта. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. 2023;(2):54–62. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2023-2-54-62>
19. Рябова М.И. Особенности стратегий российских нефтегазовых компаний в условиях энергетического перехода. *Вестник МГИМО-Университета*. 2023;16(1):219–243. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-219-243>
20. Кузьмина Е.Ю. Новые подходы к устойчивому развитию российских компаний в условиях санкций. *Вестник Башкирского института социальных технологий*. 2025;(1):31–35. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-1-66-31-35>
21. Авилова В.В. О значимости стратегии устойчивого развития промышленного комплекса России в турбулентной экономической среде. *Экономика. Информатика*. 2023;50(4):806–812. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-50-4-806-812>
22. Измайлова М.А. Реализация ESG-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2022;13(2):185–201. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.185-201>
23. Шубин С.А., Киселева Е.М. Устойчивое развитие российских компаний в современных геополитических реалиях. *Экономические науки*. 2023;(5):319–326. <https://doi.org/10.14451/1.222.319>
24. Макаренко Е.Н., Тяглов С.Г., Шевелева А.В. Устойчивое финансирование российских и зарубежных нефтегазовых компаний в условиях фрагментированной экономики. *Финансовые исследования*. 2024;25(2):10–20. <https://doi.org/10.54220/finis.1991-0525.2024.83.2.001>
25. Матковская Я.С. Климатическая повестка и западные супермейджоры: «энергетический переход» или «зеленый камуфляж»? *Дружковский вестник*. 2023;(4):56–70. <https://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2023-4-56-70>

REFERENCES

1. Domingo-Posada E., González-Torre P.L., Vidal-Suárez M.M. Sustainable Development Goals and Corporate Strategy: A Map of the Field. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2024;31(4):2733–2748. <https://doi.org/10.1002/csr.2717>
2. Sulich A., Sołoducho-Pelc L.M. Sustainable Development in Production Companies: Integrating Environmental Strategy and Green Management Style. *Discover Sustainability*. 2025;6(434):1–16. <https://doi.org/10.1007/s43621-025-01152-6>
3. Izmaylov M.K. Implementation of Sustainable Development and Social Responsibility Principles in the Management Strategy of Companies: Experience and Prospects. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2024;34(4):608–613. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3QAwon> (accessed 17.03.2025).

4. Utevskeya M.V., Shiyan A.A. Formation of Company Strategies Based on Goals of Sustainable Development. *Economics of the North-West: Problems and Prospects of Development*. 2022;(4):61–66. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2022-4-61-66>
5. Bzhasso A.A. Strategy of Sustainable Development of Business Structures in Modern Conditions: the Need for Development, Criteria and Stages of Formation of its Information Support. *Ekonomika i predprinimatelstvo*. 2023;10(159):733–737. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.159.10.148>
6. Malkov D.E., Komarova A.V. Corporate Social Responsibility as one of the Main Elements of the Oil and Gas Enterprises Development Strategy. *Moscow Economic Journal*. 2023;8(3):430–438. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://qje.su/ru/storage/view/142390> (accessed 17.03.2025).
7. Romokhov K.S. Elements of the Sustainable Development Concept in the Activities of Oil and Gas Companies. *Moscow Economic Journal*. 2020;5(1):505–510. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://qje.su/ru/storage/view/142352> (accessed 17.03.2025).
8. Mammadov A., Prigoda R. Evaluation of ESG-Strategies of Oil and Gas Companies. *European Journal of Energy Research*. 2025;5(3):15–18. <https://doi.org/10.24018/ejenergy.2025.5.3.165>
9. Mojarad A.S., Atashbar V., Tantau A. Challenges for Sustainable Development Strategies in Oil and Gas Industries. *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*. 2018;12(1):626–638. <https://doi.org/10.2478/picbe-2018-0056>
10. Adebayo Y.A., Ikevuje A.H., Kwakye J.M., Esiri A.E. Corporate Social Responsibility in Oil and Gas: Balancing Business Growth and Environmental Sustainability. *GSC Advanced Research and Reviews*. 2024;20(3):246–266. <https://doi.org/10.30574/gscarr.2024.20.3.0352>
11. Egbumokei P.I., Dienagha I.N., Digitemie W.N., Onukwulu E.C., Oladipo O.T. Sustainable Business Strategies for Decarbonizing the Oil and Gas Industry: A Roadmap to Net-Zero Emissions. *International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation*. 2025;5(5):1014–1028. <https://doi.org/10.54660/IJMRGE.2024.5.5.1014-1028>
12. Titova N. Models of Sustainable Development of Oil and Gas Companies in Conditions of Decarbonization: Comparison of Russian and Foreign Experience. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2023;(2):54–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2023-2-54-62>
13. Shilova N.N., Kiselitsa E.P., Lenkova O.V. Criterial Basis for Assessing the Compliance of the Strategy of an Oil and Gas Company with the Principles of Sustainable Development. *Moscow Economic Journal*. 2023;8(9):616–631. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://qje.su/ru/storage/view/142396> (accessed 17.03.2025).
14. Sheveleva A.V., Cherevik M.V. Integration of Climate Change Mitigation Agenda into Strategic Planning of Oil and Gas Majors: A Multiple-Case Review and Analysis. *Ekonomika i predprinimatelstvo*. 2018;4(93):164–168. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/YXKPSW>
15. Sheveleva A.V., Cherevik M.V. Integration of Climate Change Mitigation Agenda into Strategic Planning of Oil and Gas National Champions: A Multiple-Case Review and Analysis. *Ekonomika i predprinimatelstvo*. 2017;(12-4):579–582. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/OSYHCJ>
16. Kiselev V.I. Operation of Oil and Gas Companies in the Context of the Implementation of Global Sustainable Development Policies. *Risk Management*. 2023;(4):27–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/KPMSFK>
17. Izmaylov M.K. Integration of ESG Principles into the Corporate Strategy of Russian Oil and Gas Companies. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2024;34(1):22–27. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3QBLyJ> (accessed 17.03.2025).
18. Eshchenko A.V., Kosyakova D.A. Evaluation of ESG-Strategies of Russia and Foreign Oil and Gas Companies. *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. 2022;(1):48–54. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ZWWRLl>
19. Riabova M.I. Strategies of the Russian Oil and Gas Companies at the Era of Energy Transition. *MGIMO Review of International Relations*. 2023;16(1):219–243. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-219-243>
20. Kuzmina E.Yu. New Approaches to the Sustainable Development of Russian Companies in the Face of Sanctions. *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2025;(1):31–35. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-1-66-31-35>
21. Avilova V.V. On the Importance of the Strategy of Sustainable Development of the Industrial Complex of Russia in a Turbulent Economic Environment. *Economy. Information Technologies*. 2023;50(4):806–812. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-50-4-806-812>

22. Izmailova M.A. Implementation of ESG Strategies of Russian Companies under Sanctions Restrictions. *MIR (Modernization. Innovations. Development)*. 2022;13(2):185–201. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.185-201>
23. Shubin S.A., Kiseleva E.M. Sustainable Development of Russian Companies in Modern Geopolitical Realities. *Economic Sciences*. 2023;(5):319–326. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14451/1.222.319>
24. Makarenko E.N., Tyaglov S.G., Sheveleva A.V. Sustainable Financing of Russian and Foreign Oil and Gas Companies in a Fragmented Economy. *Financial Research*. 2024;25(2):10–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.54220/finis.1991-0525.2024.83.2.001>
25. Matkovskaya Ya.S. Climate Agenda and Western Supermajors: “Energy Transition” or “Green Camouflage”? *Drukerovskij vestnik*. 2023;(4):56–70. (In Russ., abstract in Eng.) <http://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2023-4-56-70>

Об авторах:

Макаренко Елена Николаевна, доктор экономических наук, профессор, ректор Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8621-0751>, Scopus ID: 57211799975, SPIN-код: 1700-8360, makarenko.rsue@yandex.ru

Тяглов Сергей Гаврилович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики региона, отраслей и предприятий Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8729-5117>, Researcher ID: AAA-9728-2021, Scopus ID: 57189035954, SPIN-код: 9777-9061, tyaglov-sg@rambler.ru

Шевелева Анастасия Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности им. И.Н. Герчиковой Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России) (119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-7033>, Researcher ID: AAC-7702-2019, Scopus ID: 57208226313, SPIN-код: 8392-3956, a_sheveleva@rambler.ru

Вклад авторов:

Е. Н. Макаренко – формулирование идеи исследования, целей и задач; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; внесение замечаний и исправлений.

С. Г. Тяглов – разработка методологии исследования; административное управление планированием и проведением исследования; внесение замечаний и исправлений.

А. В. Шевелева – осуществление научно-исследовательского процесса; создание и подготовка рукописи: визуализация результатов исследования и полученных данных; внесение замечаний и исправлений.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 28.03.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 25.06.2025.

About the authors:

Elena N. Makarenko, Dr.Sci. (Econ.), Rector of Rostov State Economic University (69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8621-0751>, Scopus ID: 57211799975, SPIN-code: 1700-8360, makarenko.rsue@yandex.ru

Sergey G. Tyaglov, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Chair of Regional Economy, Industries and Enterprises, Rostov State Economic University (69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8729-5117>, ResearcherID: AAA-9728-2021, ScopusID: 57189035954, SPIN-code: 9777-9061, tyaglov-sg@rambler.ru

Anastasia V. Sheveleva, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Chair of Management, Marketing and Foreign Economic Activities, Moscow State University of International Relations (MGIMO University) (76 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-7033>, Researcher ID: AAC-7702-2019, Scopus ID: 57208226313, SPIN-code: 8392-3956, a_sheveleva@rambler.ru

Contribution of the authors:

E. N. Makarenko – ideas; formulation of overarching research goals and aims; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team; commentary and revision.

S. G. Tyaglov – development or design of methodology; management and coordination responsibility for the research activity planning and execution; commentary and revision.

A. V. Sheveleva – conducting a research and investigation process; preparation and creation of the published work, specifically visualization/data presentation; commentary and revision.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 28.03.2025; revised 16.06.2025; accepted 25.06.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.659-677>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/laveys>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 338.48:33

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Оценка влияния туристической отрасли на региональный экономический рост в периоды системных ограничений и восстановления

С. Е. Демидова

Ю. Г. Тюрина ✉

О. Б. Буздалина

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)*

✉ u_turina@mail.ru

Аннотация

Введение. Туристическая отрасль, демонстрируя высокую адаптивность за счет увеличения доли внутреннего и самостоятельно организованного туризма, в условиях глобальных кризисов (пандемия COVID-19, геополитическая напряженность), становится потенциальным стабилизирующим фактором, а также источником регионального развития. Цель исследования – эмпирически оценить влияние сектора туризма на экономический рост регионов России в период действия значительных ограничений (2019–2022 гг.) для формирования обоснованных стратегических решений в области отраслевой политики.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования выступили ежегодные панельные данные Росстата по 84 субъектам Российской Федерации за период, охватывающий докризисный этап, фазы активного ограничения и восстановления (2019–2022 гг.). Проверка гипотез и количественная экспертиза взаимосвязей осуществлялись комплексом методов эконометрического анализа, включая оценку моделей объединенной регрессии с фиксированными и случайными эффектами. Для верификации результатов использовался тест Хаусмана. Устойчивые типологические паттерны выявлялись посредством кластеризации регионов методом *k*-средних по динамике основных показателей туристической активности и экономического развития.

Результаты исследования. Эконометрическое моделирование выявило статистически значимое положительное влияние туристической активности на валовой региональный продукт. Анализ показал, что вариация в развитии туризма объясняет примерно 34 % вариации экономического роста регионов. Наилучшая, согласно тестам, спецификация (модель со случайными эффектами) подтвердила важность не только обобщенного показателя туристической активности, но и масштаба туриндустрии, измеряемого как валовая добавленная стоимость. Выделены четыре кластера: Республика Алтай с экстремальными показателями; 12 «туристических доноров»; 27 территорий с «точками роста»; 33 «зоны внимания». Обоснована необходимость дифференцированной региональной

© Демидова С. Е., Тюрина Ю. Г., Буздалина О. Б., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

политики, смещающей акцент с налоговых льгот на инфраструктурное развитие с учетом специфики выделенных кластеров.

Обсуждение и заключение. Туризм демонстрирует устойчивость к кризисным шокам, однако его вклад в экономический рост неоднороден по регионам. Эффективность традиционных фискальных инструментов поддержки оказалась ограниченной. Перспективой дальнейших исследований является расширение временного ряда и включение в анализ дополнительных факторов, таких как специфика туристического потока, цифровизация туристических услуг и экологическая устойчивость дестинаций.

Ключевые слова: экономический рост, туризм, особые экономические зоны туристско-рекреационного типа, туристическая активность, туристический масштаб

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Демидова С.Е., Тюрина Ю.Г., Буздалина О.Б. Оценка влияния туристической отрасли на региональный экономический рост в периоды системных ограничений и восстановления. *Регионоведение*. 2025;33(4):659–677. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.659-677>

Assessing the Impact of the Tourism Industry on Regional Economic Growth During Periods of Systemic Restrictions and Recovery

S. E. Demidova, Yu. G. Tyurina ✉, O. B. Buzdalina

Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

✉ u_turina@mail.ru

Abstract

Introduction. In the context of global crises such as the COVID-19 pandemic and increased geopolitical tensions, traditional drivers of economic growth often lose their effectiveness. In this context, the tourism industry, demonstrating high adaptability due to the growth of domestic and independently organized tourism, is becoming a potential stabilizing factor and a source of regional development. The purpose of this study is to empirically assess the impact of tourism development on the economic growth of Russian regions during the period of significant restrictions (2019–2022) in order to form strategic decisions in the field of sectoral policy

Materials and Methods. The empirical basis of the study was Rosstat's annual panel data on 84 regions of the Russian Federation over a four-year period covering both the pre-crisis stage and the phases of active restriction and recovery. To test hypotheses and quantify relationships, a set of econometric analysis methods was applied, including the evaluation of pooled regression models with fixed and random effects. The Hausman test was used to verify the results. Additionally, in order to identify stable typological patterns, clusterization of regions was carried out using the *k*-means method for the dynamics of key indicators of tourist activity and economic development. 4 types of regions were identified: Republic of Altai with extreme indicators; 12 “tourist donors”; 27 regions with “growth points”; 33 “attention zones”.

Results. Econometric modeling revealed a statistically significant positive impact of tourist activity on the gross regional product. The analysis showed that the variation in tourism development explains about 34 % of the variation in regional economic growth. According to the tests, the best specification (a model with random effects) confirmed the importance of not only a generalized indicator of tourist activity, but also the scale of the tourism industry, measured as gross value added.

Discussion and Conclusion. Tourism demonstrates resilience to crisis shocks, but its contribution to economic growth is heterogeneous across regions. The effectiveness of traditional fiscal support tools has been limited. The results substantiate the need for a differentiated regional policy, shifting the focus from tax benefits to infrastructural development, taking into account the specifics of the selected clusters. The prospect of further research is to expand the time series and include additional factors in the analysis, such as the specifics of the tourist flow and digitalization of tourist services, and the environmental sustainability of destinations.

Keywords: economic growth, tourism, special economic zones of tourist-recreational type, tourist activity, tourism scale

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Demidova S.E., Tyurina Yu.G., Buzdalina O.B. Assessing the Impact of the Tourism Industry on Regional Economic Growth During Periods of Systemic Restrictions and Recovery. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(4):659–677. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.659-677>

ВВЕДЕНИЕ

Туризм – одна из отраслей мировой экономики, оказывающих значительное влияние на валовой внутренний продукт (ВВП), занятость и развитие инфраструктуры. По данным Всемирной туристской организации (*United Nations World Tourism Organization, UNWTO*), до пандемии COVID-19 туризм составлял около 10 % мирового ВВП и обеспечивал каждое десятое рабочее место¹. Данный сектор стимулирует экономический рост через мультипликативный эффект, затрагивая смежные отрасли, такие как транспорт, гостиничный бизнес, общественное питание и розничная торговля².

Согласно прогнозам Всемирного совета по туризму и путешествиям (*World Travel and Tourism Council, WTTC*), к 2032 г. туризм составит 11,5 % от мирового ВВП (по сравнению с 10,4 % в 2019 г., до пандемии) и обеспечит 430 млн рабочих мест по всему миру, или примерно 12 % от общей занятости. В некоторых странах (Испании, Греции и Таиланде) доля занятости в туризме уже увеличилась до 20–25 %³.

Количество международных туристических прибытий, по оценкам UNWTO, к 2030 г. достигнет 1,8 млрд чел., что на 50 % больше, чем в 2019 г. при средне-годовых темпах роста в 2023–2030 гг. 3–4 %. Наиболее быстрый рост ожидается в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно в Китае и Индии. Основные факторы: растущий средний класс и улучшение транспортной инфраструктуры⁴.

После пандемии COVID-19 наблюдается значительный рост внутреннего туризма, доля которого к 2030 г. в общем объеме туристических поездок может составить до 80 %⁵.

На фоне мировых показателей туристический сектор России сохраняет значительный потенциал для ускорения темпов роста и усиления роли в развитии экономики как страны в целом, так и ее отдельных территорий. К 2035 году прогнозируется увеличение объема туристической (и внутренней, и въездной) относительно 2017 г. больше, чем в 5 раз (с 3 158 до 16 306 млрд руб.)⁶. Повышенный интерес к локальным направлениям объясняется изменением потребительских предпочтений в сторону культурного, сельского и экотуризма, а также низкими затратами⁷.

При этом особую роль в экономической политике в 2020-е гг. играют санкции, которые используются все чаще и все шире (от преимущественно торговых огра-

¹ Tourism Data Dashboard 2023 [Электронный ресурс]. World Tourism Organization. UNWTO. Available at: <https://www.unwto.org/tourism-data/un-tourism-tourism-dashboard> (accessed 05.12.2024).

² Brida J.G., Cortes-Jimenez I., Pulina M. Has the Tourism-Led Growth Hypothesis been Validated? A Literature Review. *Current Issues in Tourism*. 2014;19(5):394–430. <https://doi.org/10.1080/13683500.2013.868414>

³ Travel and Tourism Economic Impact 2024: Global Trends [Электронный ресурс]. Available at: <https://researchhub.wttc.org/product/economic-impact-report-global-trends> (accessed 05.12.2024).

⁴ Tourism Towards 2030 [Электронный ресурс]. World Tourism Organization. UNWTO. Available at: <https://clck.ru/3PWH9U> (accessed 05.12.2024).

⁵ Future of Travel Report [Электронный ресурс]. Euromonitor International. Available at: <https://www.euromonitor.com/article/top-three-travel-trends-for-2023> (accessed 05.12.2024).

⁶ О Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/> (дата обращения: 01.09.2024).

⁷ Там же.

ничений до финансовых, туристических и прочих), как отмечают Г. Фелбермайр и соавторы [1]. Санкционные меры, введенные в 2014 г. (первая волна) и усиленные в 2022 г. (вторая волна), оказали прямое влияние на развитие изучаемой отрасли в России: первая волна привела к некоторому перераспределению туристических потоков в пользу внутреннего туризма, вторая – к глубокой структурной трансформации отрасли. Международный опыт (Ирана, Кубы, Турции) демонстрирует, что ограничения могут стимулировать развитие нишевых форм туризма и повышение качества услуг для внутренних потребителей⁸. Однако адаптационная стратегия должна учитывать геополитические вызовы и обеспечить вклад в инклюзивный экономический рост.

Цель настоящей работы – оценить влияние развития сектора туризма на экономический рост регионов в периоды ограничений, связанных с пандемией, а также началом второй волны санкций, и восстановления.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Согласно экономической гипотезе роста, опирающейся на особый вклад туристической отрасли (*Tourism-led growth economic hypothesis, TLGH*)⁹, последняя является ключевым драйвером экономического роста благодаря мультипликативному эффекту, созданию рабочих мест и притоку иностранной валюты. Универсальность и устойчивость такого роста были нарушены беспрецедентным вызовом, связанным с пандемией COVID-19. Исследования показывают, что ограничения на передвижение, закрытие границ и карантинные меры в 2020 г. привели к сокращению международных туристических потоков на 70–80 % [2]. Это вызвало значительное снижение доходов, что, в свою очередь, негативно сказалось на экономике ряда стран, особенно тех, где туризм – основной источник доходов (например, Испании, Греции, Таиланда).

Адаптация к постпандемическим условиям повлекла за собой восстановление туристических потоков [3] и рост популярности внутреннего туризма [4]. Многие компании внедрили онлайн-платформы для бронирования, виртуальные туры и усиленные меры безопасности, что позволило частично компенсировать потери.

Подобная динамика для сектора не уникальна. Х. Сонг, Л. Дуайер, Дж. Ли и З. Цао, исследовав периоды экономического восстановления после кризисов, показали положительное влияние туризма на диверсификацию экономики за счет снижения зависимости от традиционных отраслей¹⁰. По данным UNWTO, в 2022 году наблюдался значительный рост туристических потоков, что связано с ослаблением ограничений и восстановлением спроса¹¹. Однако темпы восстановления отличались неравномерностью: высокие в Европе и Северной Америке, низкие – в Азии и Африке [5; 6].

Для международного туризма, как и для внутреннего, решающее значение имеют политическая обстановка и геополитические флуктуации, к которым можно

⁸ Hall C., Seyfi S. Tourism and Sanctions. In: Handbook of Tourism and Development. R. Sharpley (ed.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2021. Pp. 345–360. <https://doi.org/10.4337/9781839102721.00028>

⁹ Balaguer J., Cantavella M. Tourism as a Long-Run Economic Growth Factor: the Spanish Case. *Applied Economics*. 2002;34(7):877–884.

¹⁰ Song H., Dwyer L., Li G., Cao Z. Tourism Economics Research: A Review and Assessment. *Annals of Tourism Research*. 2012;39(3):1653–1682. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2012.05.023>

¹¹ World Tourism Barometer [Электронный ресурс]. World Tourism Organization. UNWTO. 2023. Available at: <https://www.unwto.org/un-tourism-world-tourism-barometer-data> (accessed 01.09.2024).

отнести войну санкций и контрсанкций. Так, в ответ на меры 2014 года российский туристический сектор нарастил предложения для внутренних пользователей [7], что отмечается в работах [8; 9]. Это отчасти подготовило правительство и отрасль ко второй волне. По мнению отечественных ученых, роль внутреннего туризма в экономике в условиях санкций и последующий период будет только расти [10–13].

Факторами быстрого восстановления выступают государственная финансовая поддержка, включая субсидии, налоговые льготы и инвестиции в туристическую инфраструктуру, а также содействие рынку труда через создание новых рабочих мест в смежных областях, например в транспортной сфере, строительстве, общественном питании и др.¹² [14]. Так, после завершения активной фазы эпидемии количество рабочих мест в мире, созданных туризмом, постепенно вернулось на допандемийный уровень (около 300 млн)¹³. Генерация туризмом широкого денежного потока положительно влияет на дефицит платежного баланса и дает импульс для производственной сферы [15], а также для развития конкретных территорий; способствует привлечению инвестиций в местную инфраструктуру [16] и обеспечивает эффект масштаба¹⁴.

Анализ современных исследований позволяет выделить несколько преобладающих методологических подходов к оценке влияния туризма на экономику, каждый из которых имеет ограничения в контексте данного исследования. Прежде всего, это макроуровневый и страновой анализ, которому посвящена значительная часть работ, например [17]. Несмотря на ценность выводов, данный подход не учитывает существенную внутреннюю региональную дифференциацию, что критически важно для стран с большой территорией и разнородной экономикой, таких как Россия.

Публикации, фокусирующиеся на региональном разрезе, в частности [18; 19], демонстрируют неоднородность влияния туризма. В российской практике его роль как драйвера развития регионов также подтверждается [20–22]. Однако многие подобные исследования опираются на простые регрессионные модели или анализ кросс-секционных данных, что не позволяет учесть ненаблюдаемые специфические особенности территорий и проследить их динамику.

Анализ эффективности инструментов государственной политики в отношении развития туризма осуществляется в работах, посвященных занятости, инфраструктуре [23–25] и фискальным стимулам [26]. Тем не менее эмпирическая оценка эффективности конкретных инструментов (налоговых льгот, особых экономических зон (ОЭЗ)) в условиях одновременного действия нескольких кризисных шоков практически отсутствует. Имеющиеся исследования либо носят теоретический характер, либо анализируют стабильные периоды, что не позволяет экстраполировать их выводы на ситуацию «кризисного триптиха» [27–29], либо выявляют обратные взаимосвязи [30].

Проведенный обзор литературы выявил серьезные методологические пробелы: преобладание макроуровневого анализа и недостаток исследований, учитывающих

¹² Tugcu C.T. Tourism and Economic Growth Nexus Revisited: A Panel Causality Analysis for the Case of the Mediterranean Region. *Tourism Management*. 2014;(42):207–212.

¹³ Travel and Tourism Economic Impact: Global Trends 2022 [Электронный ресурс]. World Travel and Tourism Council: London. Available at: <https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2022/09/EIR2022-Global-Trends.pdf> (accessed 24.08.2024).

¹⁴ Ertugrul H.M., Mangir F. The Tourism-Led Growth Hypothesis: Empirical Evidence from Turkey. *Current Issues in Tourism*. 2013;18(7):633–646. <https://doi.org/10.1080/13683500.2013.868409>

региональную специфику России; отсутствие методик, адаптированных для оценки последствий комплексных кризисных шоков (пандемии, санкций, фискальных импульсов), когда отрасль подвергалась бы воздействию нескольких разнородных факторов одновременно; недостаточная эмпирическая проверка эффективности конкретных инструментов государственной поддержки (налогов, ОЭЗ) в таких условиях.

Настоящее исследование позволяет учесть региональную неоднородность, охватить период совместного воздействия нескольких кризисов и оценить устойчивость связи туризма и экономического роста в этих уникальных условиях, протестировать статистическую значимость факторов государственной политики (налоговых льгот, субсидий, ОЭЗ), включив их в регрессионные модели для оценки реального вклада в валовую добавленную стоимость туристической индустрии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирические данные. Материалом исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) о развитии отрасли туризма за период 2019–2022 гг., Министерства финансов Российской Федерации о межбюджетных трансфертах, предоставленных бюджетам субъектов РФ на цели, связанные с развитием туризма, об эффективности налоговых расходов¹⁵, размещенные на официальных сайтах органов власти.

Исходная рамка временного периода объясняется тем, что расчет показателей валовой добавленной стоимости туристической индустрии (GAVT) в субъектах РФ по действующей методологии стал проводиться с 2019 г. Мерой экономического роста был выбран темп увеличения валового регионального продукта (GDP).

Период исследования (2019–2022 гг.) помимо доступности официальной статистики в разрезе субъектов РФ представляет собой уникальное сочетание трех кризисных факторов (пандемия, вторая волна санкций, фискальные импульсы), требовавших особых адаптационных механизмов в отрасли. Фундаментальной основой комплексных мер государственной поддержки туризма в России, формирование которых началось с 2019 г., стали Стратегия развития туризма на период до 2035 года¹⁶ (2019 г.), национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» (2021–2024 гг.), Государственная программа Российской Федерации «Развитие туризма»¹⁷ (2021 г.), а также сопряженные с ними программы.

Форсированное развитие сектора туризма в условиях ковидных ограничений, санкций второй волны и фискальных импульсов рассматривалось на панельных данных 84 российских регионов. Мерой динамики отрасли служили показатели

¹⁵ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm/> (дата обращения: 01.09.2024) ; Предоставление межбюджетных трансфертов [Электронный ресурс]. Минфин России. URL: <https://clck.ru/3QVfZS> (дата обращения: 01.09.2024) ; Бюджет [Электронный ресурс]. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. URL: <https://budget.gov.ru/> (дата обращения: 01.09.2024) ; Налоговые расходы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/raskhod/rf/> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁶ Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года...

¹⁷ Паспорт национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3QeaRx> (дата обращения: 01.09.2024) ; Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма»: Постановление Правительства Российской Федерации от 24.12.2021 № 2439 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405703/ (дата обращения: 01.09.2024).

туристической активности (ТА) и туристического масштаба (ТС), который учитывался для повышения надежности анализа. В качестве переменной выступало количество размещенных лиц в коллективных средствах размещения, но в расчете на душу населения. Похожий подход использовался в работе А. Алкала-Ордонеса и соавторов [31].

Также учитывалось функционирование в ряде регионов особых экономических зон туристско-рекреационного типа (ОЭЗ ТРТ), поскольку их механизм предполагает наличие встроенных налоговых стимулов для организаций, зарегистрированных как резиденты соответствующей зоны. В число показателей бюджетного стимулирования вошли трансферты из федерального в региональные бюджеты на цели, связанные с поддержкой туристической отрасли.

Методология исследования. Теоретической основой исследования выступила гипотеза о ведущей роли туризма в экономическом росте, адаптированная к условиям системных ограничений. Эмпирическая проверка гипотезы заключалась в оценке влияния туристической активности на экономический рост с учетом кризисных факторов и региональной специфики.

Для проведения эконометрического анализа формировался комплекс переменных, включающий зависимые, независимые и контрольные показатели.

Зависимыми переменными, характеризующими результаты экономического развития и состояние туристической индустрии, служили темп роста валового регионального продукта, рассчитываемый как процентное изменение значения текущего года к предыдущему, и объем валовой добавленной стоимости туристической индустрии (млн руб. в постоянных ценах), полученные из данных Росстата.

Независимыми переменными, описывающими развитие отрасли, стали туристическая активность, измеряемая как количество размещенных лиц в коллективных средствах размещения (тыс. чел.), и туристический масштаб – расчетный показатель активности на душу населения, также полученные из данных Росстата.

Группу контрольных переменных (государственной политики) составили: фиктивный показатель налоговых льгот (ТЕ), принимающий значение 1 при наличии целевых льгот для туристической индустрии в регионе и году (данные Федеральной налоговой службы России¹⁸), объем бюджетных субсидий (SS), млн руб. (рассчитанный на основе информации о межбюджетных трансфертах от Минфина России), а также фиктивная переменная наличия особой экономической зоны туристско-рекреационного типа (SEZ), принимающая значение 1 при ее наличии, 0 – при отсутствии (по сведениям Минэкономразвития России).

Этапы исследования. На первом решалась задача оценки взаимоувязанности показателей экономического роста, выраженного в валовом региональном продукте, и развития отрасли туризма, выраженного как валовая добавленная стоимость туристической индустрии, в период 2019–2022 гг.

На втором этапе оценивалось влияние вариации туристической активности и туристического масштаба на экономический рост с учетом показателя налоговых льгот. Применение панельных данных позволило получить более гибкие результаты.

¹⁸ Федеральная налоговая служба России: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 01.09.2024).

При проведении эконометрического моделирования (регрессионного анализа панельных данных) оценивались три основных типа моделей для проверки устойчивости результатов: объединенных данных (*Pooled Model, PM*), где применялся метод наименьших квадратов без учета индивидуальных особенностей регионов; с фиксированными эффектами (*Fixed Effects Model, FEM*), позволяющая контролировать ненаблюдаемые, но постоянные во времени характеристики регионов (например, географическое положение, культурный потенциал), которые могут коррелировать с регрессорами; со случайными эффектами (*Random Effects Model, REM*), предполагающая, что индивидуальные особенности регионов случайны и некоррелированы с независимыми переменными.

На третьем этапе рассматривалось влияние политики налоговых льгот и бюджетного стимулирования на динамику валовой добавленной стоимости туристической индустрии. Методология регрессионного анализа включала оценку влияния на формирование добавленной стоимости отрасли (GAVT) показателей туристической активности (ТА), туристического масштаба (TS), налоговых расходов, направленных на поддержку организаций и индивидуальных предпринимателей, которые ведут деятельность в сфере туризма (ТЕ), межбюджетных трансфертов на поддержку развития туризма (SS), наличия в регионе ОЭЗ ТРТ (SEZ).

На четвертом этапе на основе данных об изменении показателей GAVT, ТА, TS в 2022 г. относительно 2019 г. проводилась типологизация регионов. В результате были получены показатели GAVT_t, ТА_t, TS_t в разрезе субъектов РФ. Методом *k*-средних (*k*-means), который позволяет разбить данные на *k* кластеров на основе сходства значений признаков, имеющиеся данные были разделены на четыре кластера.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Влияние туристической активности и туристического масштаба на региональный экономический рост. Результаты анализа влияния туризма на региональный экономический рост противоречивы. Модель объединенной регрессии предполагает, что анализируемые объекты лишены специфических различий (табл. 1).

Таблица 1. Моделирование влияния туристической активности и туристического масштаба на региональный экономический рост¹⁹

Table 1. Modeling the impact of tourism activity and tourism scale on regional economic growth

Модель / Model	Параметр / Parameter	Коэффициент / Coefficient	Стандартная ошибка / Standard error	<i>p</i> -значение / <i>p</i> -value	Показатели качества модели / Model quality indicators
1	2	3	4	5	6
PM	const	0,8623	0,0228	4,27e-54 ***	$R^2 = 0,3412$ $AIC = -599,1528$ $BIC = -587,7015$ $DW = 1,324$ $\rho = 0,104351$
	ТА	0,2264	0,0217	9,92e-17 ***	
	TS	0,0020	0,0007	0,009 **	

¹⁹ Таблицы 1, 2 составлены авторами на основе данных Росстата о развитии отрасли туризма за период 2019–2022 гг., Минфина России о межбюджетных трансфертах: Федеральная служба государственной статистики...; Предоставление межбюджетных трансфертов...

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6
FEM	const	0,0987	0,0015	4,17e-74***	$R^2 = 0,6169$
	l_TA	0,0427	0,0337	0,209	AIC = - 721,4128
	l_TS	0,0008	0,0060	0,892	BIC = - 393,1413
REM	const	0,0926	0,0054	3,31e-66 ***	AIC = - 709,8194
	l_TA	0,1933	0,0192	7,01e-24 ***	BIC = - 698,3681
	l_TS	0,0103	0,0052	0,048 **	$\chi^2 = 43,7021$ $p = 3,23753e-10$

Примечания / Notes. 1) В табл. 1, 2 зависимая переменная: GAVT / In tables 1, 2 dependent variable: GAVT; 2) *, **, *** – указывает значимость на уровне 10, 5 и 1 % соответственно / *, **, and *** indicate significance at the 10, 5, and 1 % level, respectively; 3) const – константа, l_TA – логарифм TA, l_TS – логарифм TS / const – constant, l_TA – logarithm of TA, l_TS – logarithm of TS; 4) R^2 – коэффициент детерминации, DW – критерий Дарбина–Уотсона, AIC – информационный критерий Акаике, BIC – Байесовский информационный критерий, ρ – коэффициент автокорреляции остатков / R^2 – coefficient of determination, DW – Durbin–Watson criterion, AIC – Akaike information criterion, BIC – Bayesian information criterion, ρ – autocorrelation coefficient of the residuals.

Анализ регрессионной статистики показал, что туристическая активность (ТА) и туристический масштаб (TS) оказывают статистически значимое положительное влияние на валовой региональный продукт. Однако модель объясняет лишь 34 % вариации зависимой переменной, что свидетельствует о существенной роли неучтенных факторов в формировании экономического роста.

Высокая статистическая значимость коэффициентов указывает на то, что РМ-модель может быть полезной для прогнозирования величины зависимой переменной. Однако диагностическая проверка выявила признаки автокорреляции остатков, что обосновало необходимость применения альтернативных модельных спецификаций.

Для решения проблемы автокорреляции была оценена модель фиксированных эффектов с логарифмическим преобразованием (FEM), которая демонстрирует более высокую объяснительную способность, однако выявляет признаки отрицательной автокорреляции. В этой спецификации коэффициенты при регрессорах ТА и TS оказываются статистически незначимыми. Такой результат можно интерпретировать как отсутствие влияния показателей динамики туризма на экономический рост, что, вероятно, связано с действием ненаблюдаемых индивидуальных эффектов регионов.

Модель случайных эффектов (REM) показывает, что переменные l_TA и l_TS статистически значимо влияют на результат, и в целом хорошо описывает данные. При этом тест Хаусмана указывает на потенциальную несостоятельность оценок, что требует дополнительного анализа.

Таким образом, в рассмотренной временной ретроспективе однозначного подтверждения влияния туризма на экономический рост не было получено.

Дополнительно проводился анализ взаимосвязи экономического роста и сферы туризма с учетом показателя целевых налоговых льгот (налоговых расходов, TE). Во всех трех спецификациях (PM, FEM и REM) коэффициенты при регрессоре TE оказались статистически незначимыми, что позволяет сделать вывод об отсутствии влияния налоговых льгот на исследуемую зависимость в заданных условиях.

Влияние налоговых льгот на валовую добавленную стоимость туристической индустрии проанализировано в таблице 2.

Таблица 2. Моделирование влияния налоговых льгот на валовую добавленную стоимость туристической индустрии

Table 2. Modeling of the impact of tax incentives on the gross added value of the tourism industry

Модель / Model	Параметр / Parameter	Коэффициент / Coefficient	Стандартная ошибка / Standart error	p-значение / p-value	Показатели качества модели / Model quality indicators
PM	const	0,6680	0,0294	4,05e-38 ***	$R^2 = 0,5683$ AIC = - 323,3723 BIC = - 587,7015
	TA	0,4090	0,0249	2,98e-28 ***	
	TS	- 0,0028	0,0011	0,014 **	
	TE	- 0,0159	0,0267	0,552	
	SEZ	- 0,0724	0,0269	0,008 ***	
	SS	0,1000	0,1017	0,328	
FEM	const	0,8505	0,0864	9,48e-16 ***	$R^2 = 0,7391$ AIC = - 281,7833 BIC = 45,4449
	TA	0,2278	0,0786	0,005 ***	
	TS	0,0014	0,0018	0,457	
	TE	0,0048	0,0301	0,875	
	SEZ	0,0102	0,0297	0,731	
	SS	0,0975	0,0921	0,293	
REM	const	0,6698	0,0297	7,10e-113 ***	$R^2 = 0,5683$ AIC = - 323,3430 BIC = - 302,0021
	TA	0,4067	0,0251	8,46e-59 ***	
	TS	- 0,0026	0,0011	0,019 **	
	TE	- 0,0146	0,0267	0,585	
	SEZ	- 0,0695	0,0268	0,009 ***	
	SS	0,0992	0,1012	0,327	

Формирование добавленной стоимости туристической индустрии может быть объяснено на 57 % вариацией факторов TA, TS, SS, SEZ, так как коэффициент детерминации в модели объединенной регрессии (R -квадрат) равен 0,5683. Коэффициент при TA значим и имеет положительный знак, т. е. туристическая активность равнонаправленно влияет на валовую добавленную стоимость отрасли. Коэффициент при TS значим, но имеет отрицательный знак, т. е. туристический масштаб обратнаправленно влияет на валовую добавленную стоимость отрасли. Коэффициент при TE не оказывает значимого влияния на GAVT. Влияние фактора SEZ значимо и также обратнаправленно, т. е. характер влияния ОЭЗ не очевиден.

Другими словами, в модели объединенной регрессии лишь туристическая активность оказывает значимое положительное влияние на отрасль, тогда как эффект туристического масштаба и наличия особых экономических зон отрицательный, налоговых льгот и субсидий – незначим.

В FEM-модели значимым оказался только показатель туристической активности (TA); остальные факторы (TS, TE, SEZ, SS) статистически незначимы. При этом значение скорректированного R -квадрата (0,085) указывает на то, что модель с фиксированными эффектами плохо подходит для прогнозирования.

В модели со случайными эффектами значимы параметры TA, TS и SEZ; незначимы – TE и SS. Автокорреляция остатков отсутствует, модель в целом адекватно объясняет вариацию зависимой переменной.

Результаты моделей объединенной регрессии и случайных эффектов в целом согласуются, но модель случайных эффектов менее надежна.

Корреляционный анализ показателей валового регионального продукта и валовой добавленной стоимости туристической индустрии, проведенный по данным Росстата за период 2019–2022 гг., отразил умеренную положительную связь, коэффициент корреляции – 0,5371. Однако период наблюдения для анализа влияния предикторов на искомый показатель слишком короткий для того, чтобы делать уверенные выводы о причинно-следственных связях.

Типологизация субъектов Российской Федерации. Для выявления региональных особенностей развития туризма был проведен кластерный анализ методом *k*-средних на основе динамики показателей GAVT, TA и TS за 2022 г. относительно 2019 г. Выделены четыре кластера (табл. 3), характеризующиеся специфической траекторией развития туристической индустрии в период кризисных вызовов.

Таблица 3. Результаты типологизации субъектов Российской Федерации²⁰

Table 3. Results of the typology of the constituent entities of the Russian Federation

Характеристика кластера / Cluster Characteristics	Особенности развития туризма в кластере / Features of Tourism Development in the Cluster	Рекомендации по развитию туризма в кластере / Recommendations for Tourism Development in the Cluster
1	2	3
<i>0 – Кластер Республики Алтай (1 регион) / 0 – Republic of Altai Cluster (1 region)</i>		
GAVTt: 1,23; TAt: 0,52; TSt: 0,56	Экстремальные значения показателя туристической активности / Extreme values of the tourism activity indicator	Ключевая роль туризма в экономике региона предполагает сохранение и развитие потенциала отрасли / The key role of tourism in the region's economy suggests the need to preserve and develop the industry's potential
<i>1 – Кластер регионов – «туристических доноров» (12 регионов) / 1 – Cluster of “Tourism Donor” Regions (12 regions)</i>		
GAVTt: 0,19 – 0,60; TAt: 0,12 – 2,20; TSt: 0,01–0,56	Туризм играет значительную роль в экономике, но туристическая активность и туристический масштаб не всегда высоки / Tourism plays a significant role in the economy, but tourism activity and tourism scale are not always high	Важно поддерживать и наращивать туристическую активность, а также развивать инфраструктуру и повышать качество туристических услуг / It is important to maintain and increase tourism activity, as well as to develop infrastructure and improve the quality of tourist services
<i>2 – Кластер регионов с «потенциальными точками роста» (27 регионов) / 2 – Cluster of Regions with “Potential Growth Points” (27 regions)</i>		
GAVTt: 0,37 – 0,45; TAt: – 0,12 – 0,29; TSt: – 0,07 – 0,11	Значительное падение валовой добавленной стоимости туристической индустрии. Отрицательные туристическая активность и туристический масштаб / A significant decline in the gross value added of the tourism industry. Negative tourism activity and tourism scale	Необходимы меры по стимулированию внутреннего туризма, развитию инфраструктуры и повышению конкурентоспособности туристических продуктов / These regions require measures to stimulate domestic tourism, develop infrastructure, and enhance the competitiveness of tourist products

²⁰ Составлена на основе расчетов авторов, представленных в таблицах 1, 2.

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3
3 – Кластер регионов «зоны внимания» (33 региона) / 3 – Cluster of “Attention Zone” Regions (33 regions)		
GAVTt: – 1,97 – (– 0,03); TAt: – 0,39 – 0,17; TSr: – 0,46 – 0,08	Близкие к нулю показатели; характерен «столичный» эффект, когда туризм не является ключевым драйвером экономического развития / Indicators close to zero. The “capital” effect is typical, where tourism is not a key driver of economic development	Требуется разработка специальных программ по развитию туристического потенциала / Special programs for developing tourism potential need to be designed

Кластерный анализ выявил существенную региональную дифференциацию в адаптации туристического сектора к кризисным условиям. Наибольший научный интерес представляет противоположная динамика в кластерах 1 и 2: регионы с сопоставимыми показателями туристической активности продемонстрировали принципиально разные траектории изменения добавленной стоимости. Это свидетельствует о наличии ненаблюдаемых факторов эффективности, таких как качество туристической инфраструктуры, уровень диверсификации туристического продукта и эффективность управления отраслью на региональном уровне.

Обособление Республики Алтай в качестве отдельного кластера подтверждает гипотезу о существовании территорий с уникальными адаптационными механизмами. Характерными примерами выступают в кластере 1 – Республика Дагестан, Калининградская область, Республика Карелия как регионы с устойчивым развитием туристической индустрии; в кластере 2 – Белгородская, Воронежская и Липецкая области как регионы с нереализованным туристическим потенциалом; в кластере 3 – Краснодарский край как регион, где туризм не является драйвером роста, несмотря на объективные предпосылки.

Полученная типология имеет важное практическое значение для разработки актуальной региональной политики. Так, для кластера 0 целесообразна стратегия поддержки лидера с акцентом на экспорт туристических услуг и развитие смежных отраслей. Регионы кластера 1 требуют трансформации туристической активности в устойчивый экономический эффект через повышение качества услуг и глубины переработки. Кластеру 2 необходимы программы структурной перестройки туристической индустрии. Наконец, кластер 3 нуждается в фундаментальном пересмотре роли туризма в региональной экономической стратегии с учетом конкурентных преимуществ территорий.

Результаты кластеризации дополняют и конкретизируют выводы регрессионного анализа. Выявленная неоднозначность влияния туристического масштаба на экономический рост обуславливается территориальной спецификой: в кластерах 0 и 1 рост масштаба сопровождается увеличением добавленной стоимости, тогда как в кластерах 2 и 3 наблюдается обратная зависимость. Это подтверждает необходимость учитывать региональный контекст при разработке мер поддержки туристической индустрии и объясняет ограниченную эффективность унифицированных подходов в условиях разнородности российских регионов.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило комплексно оценить влияние туристической деятельности на экономический рост российских регионов в уникальных условиях «кризисного триптиха» – одновременного воздействия пандемии, санкционных ограничений и фискальных импульсов.

Выделены четыре кластера с уникальными траекториями развития: экстремальный кластер (Республика Алтай) с аномально высокой зависимостью от туризма; «туристические доноры», обладающие высокой устойчивостью к кризисам; «точки роста», характеризующиеся потенциалом для ускоренного развития; «зоны внимания», требующие адресной господдержки. Причисление городов Москвы и Санкт-Петербурга к кластеру «зоны внимания» не следует соотносить с низкой значимостью туристической отрасли для местной экономики. Напротив, в абсолютном выражении их вклад в валовую добавленную стоимость туриндустрии страны является одним из наиболее существенных. Небольшие относительные показатели динамики в данном случае объясняются, прежде всего, серьезным объемом валового регионального продукта этих субъектов, на фоне которого даже крупная туристическая отрасль имеет меньший удельный вес. Кроме того, метод расчета изменений в сравнении с 2019 г. мог не в полной мере уловить структурные сдвиги в туристических потоках мегаполисов.

Полученные результаты свидетельствуют о сложном и неоднозначном характере влияния туризма на экономический рост регионов, что требует дифференцированного подхода к его интерпретации. Эконометрический анализ подтвердил значимость туристической активности как фактора экономического роста, однако выявил существенные ограничения применимости моделей. Модель объединенной регрессии показала статистически значимое положительное влияние туристической активности на валовой региональный продукт, объясняя 34 % его вариации. В то же время модели с фиксированными и случайными эффектами продемонстрировали противоречивые результаты. При этом несостоятельность последней ограничивает возможности ее использования для прогнозирования.

Особого внимания заслуживает неоднозначная роль туристического масштаба, в отдельных спецификациях оказывавшего отрицательное влияние на добавленную стоимость туриндустрии. Парадокс находит объяснение в результатах кластерного анализа, выявившего существенную региональную дифференциацию. Так, в кластерах 0 и 1 рост туристического масштаба сопровождается увеличением добавленной стоимости, однако в кластерах 2 и 3 наблюдается обратная зависимость, что свидетельствует о наличии ненаблюдаемых факторов эффективности, таких как качество инфраструктуры и уровень диверсификации туристического продукта. Это позволяет в рамках дальнейших исследований выдвинуть гипотезу о том, что в условиях кризиса ключевыми факторами эффективности становятся качественная структура туристического потока и способность местной экономики его монетизировать.

Критическому пересмотру подверглась эффективность мер государственной поддержки. Налоговые льготы не продемонстрировали статистически значимого влияния на развитие отрасли, особые экономические зоны туристско-рекреационного типа показали негативный эффект – традиционные фискальные инструменты

могут не достичь заявленных целей. Вероятно, полученные результаты обусловлены периодом пандемии, который привнес в отраслевую динамику критический спад.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие теоретической базы в изучении влияния туризма на экономический рост в условиях системных ограничений (пандемия, санкции, фискальные импульсы).

(1) Эмпирическая проверка гипотезы TLGH в условиях кризисных шоков выявила, что туристическая активность сохраняет положительную связь с экономическим ростом, однако ее влияние неоднозначно и зависит от региональных особенностей и выбора спецификации модели.

(2) Разработана методология оценки вклада туризма с использованием панельных данных, а также кластерного анализа, что позволяет учитывать региональную дифференциацию и адаптационные механизмы отрасли.

(3) Определена неоднозначная роль налоговых стимулов, в том числе предоставляемых через механизм особых экономических зон: вопреки ожиданиям, их влияние оказалось статистически незначимым, что требует пересмотра моделей стимулирования туризма через фискальные инструменты.

(4) Доказана устойчивость внутреннего туризма как драйвера экономического роста в условиях внешних шоков, что согласуется с концепцией туристической резильентности (*resilience tourism*).

(5) Показано, что кризисы не нивелируют, а трансформируют вклад туризма в экономику, смещая фокус с международных потоков на внутренние.

Практические результаты заключаются в следующем:

1) предложены дифференцированные меры поддержки регионов в соответствии с типами кластеров: для «туристических доноров» – инфраструктурные инвестиции и продвижение на международных рынках; для регионов с «точками роста» – стимулирование внутреннего туризма через субсидии и развитие цифровых платформ; для «зон внимания» – формирование специализированных программ развития туристического потенциала, включая налоговые льготы для малого бизнеса. Кластерный анализ выявил территории, где туризм может стать драйвером роста (например, Республика Дагестан, Калининградская область), и требующие корректировки стратегии (г. Москва, Санкт-Петербург);

2) определена необходимость корректировки фискальной политики путем пересмотра эффективности налоговых льгот в ОЭЗ ТРТ с учетом их ограниченного влияния на добавленную стоимость и смещения акцента с прямых субсидий на инфраструктурные проекты и цифровизацию отрасли. Эффект сверхдоходности в ОЭЗ ТРТ предупреждает о рисках перекоса в сторону отдельных сегментов (в частности, ресторанного бизнеса);

3) обоснована важность учета кризисных факторов при разработке антикризисных программ поддержки туристической индустрии с опорой на опыт пандемии и санкций, а также в рамках развития механизмов страхования рисков для туристического бизнеса.

Ограничения исследования определяются рядом положений. Интерпретация результатов ограничена сравнительно небольшим временным горизонтом, охватывающим период кризисных шоков, что не позволяет экстраполировать выводы на стабильные экономические условия. Разные спецификации модели показали невозможность в рамках данного подхода учесть все ненаблюдаемые региональные

особенности, влияющие на эффективность туристической индустрии, что свидетельствует о необходимости применения более сложных методов с учетом качественных изменений в структуре спроса, например факторов цифровизации услуг, экологической устойчивости дестинаций и др.

Таким образом, перспективы дальнейших исследований связаны с расширением временного горизонта анализа; углубленным изучением влияния инфраструктурных факторов, а также экологической устойчивости туристических кластеров; применением более сложных эконометрических методов, учитывающих эндогенность (в частности, модели инструментальных переменных) и нелинейность взаимосвязей; дополнением количественного анализа качественными кейс-стади по регионам из разных кластеров для выявления конкретных механизмов адаптации и успешных практик.

Несмотря на неоднозначность эконометрических результатов, настоящее исследование существенно дополняет понимание роли туризма в экономике России в условиях беспрецедентных вызовов. Ценностными исследовательскими результатами выступают пилотное выявление сложных взаимосвязей, практико-ориентированная типологизация регионов и определение вектора для будущих детализированных исследований в этой критически важной для достижения национальных целей развития страны области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Felbermayr G., Kirilakha A., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y.V. The Global Sanctions Data Base. *European Economic Review*. 2020;(129):103561. <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2020.103561>
2. Gössling S., Scott D., Hall C.M. Pandemics, Tourism and Global Change: a Rapid Assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*. 2020;29(1):1–20. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708>
3. Khan R.E.A., Ahmad T.I., Haleem J. The Governance and Tourism: The Governance and Tourism: A Case of Developing Countries. *Asian Journal of Economic Modelling*. 2021;9(3):199–213. <https://doi.org/10.18488/journal.8.2021.93.199.213>
4. Hall C.M., Scott D., Gössling S. Pandemics, Transformations and Tourism: Be Careful What You Wish for. *Tourism Geographies*. 2020;22(3):577–598. <https://doi.org/10.1080/14616688.2020.1759131>
5. Sigala M. Tourism and COVID-19: Impacts and Implications for Advancing and Resetting Industry and Research. *Journal of Business Research*. 2020;(117):312–321. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.06.015>
6. Brouder P. Reset Redux: Possible Evolutionary Pathways Towards the Transformation of Tourism in a COVID-19 World. *Tourism Geographies*. 2020;22(3):484–490. <https://doi.org/10.1080/14616688.2020.1760928>
7. Кабанова Е.Е. Влияние экономических санкций на развитие российского туризма. *Экономическое развитие России*. 2023;30(2):51–59. URL: <https://ssrn.com/abstract=4380577> (дата обращения: 20.05.2024).
8. Абдель В.Э.А.М. Развитие туризма в России в условиях международных санкций и их отображение в СМИ. *Сервис в России и за рубежом*. 2021;15(2):57–65. <https://elibrary.ru/IQPMRI>
9. Ханина А.В. Пандемия COVID-19 и санкции: особенности влияния на туристическую отрасль России. *Сервис в России и за рубежом*. 2021;15(3):199–208. <https://elibrary.ru/LABDWA>
10. Зимовец А.В., Сорокина Ю.В., Ханина А.В. Комплекс предложений по защите экономики России от санкций стран Запада на макро-, мезо- и микроуровне. *Экономические отношения*. 2022;12(2):195–214. <https://doi.org/10.18334/eo.12.2.114792>
11. Лукашенко Т.Р., Охрименко Е.И. Туризм в регионе: определяющие факторы и направления развития на современном этапе. *Экономика, предпринимательство и право*. 2022;12(11):3023–3036. <https://doi.org/10.18334/epp.12.11.116647>

12. Симонян Г.А., Сарян А.А. Стратегические цели и задачи развития внутреннего туризма в новых условиях. *Современная научная мысль*. 2022;(6):266–273. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-6-266-273>
13. Батурина Н.А., Пашкевич Л.А., Власова М.В. Современные аспекты внутреннего туризма. *Экономическая среда*. 2023;(4):92–100. <https://doi.org/10.36683/2306-1758/2023-4-46/92-100>
14. Ohlan R. The Relationship between Tourism, Financial Development and Economic Growth in India. *Future Business Journal*. 2017;3(1):9–22. <https://doi.org/10.1016/j.fbj.2017.01.003>
15. Bassil C., Hamadeh M., Samara N. The Tourism Led Growth Hypothesis: the Lebanese Case. *Tourism Review*. 2015;70(1):43–55. <https://doi.org/10.1108/TR-05-2014-0022>
16. Habibi F., Rahmati M., Karimi A. Contribution of Tourism to Economic Growth in Iran's Provinces: GDM Approach. *Future Business Journal*. 2018;4(2):261–271. <https://doi.org/10.1016/j.fbj.2018.09.001>
17. Tang C.-F., Cheah Y.-K., Chua S.Y. Does Educational Tourism Significantly Influence Economic Growth? Evidence from a Macro-econometric Modelling. *International Journal of Business and Society*. 2019;20(3):924–935. Available at: <https://www.ijbs.unimas.my/images/repository/pdf/Vol20-no3-paper4.pdf> (accessed 20.05.2024).
18. Corbet S., O'Connell J., Efthymiou M., Guimard C., Lucey B. The Impact of Terrorism on European Tourism. *Annals of Tourism Research*. 2019;(75):1–17. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2018.12.012>
19. Liu N., Xu Q., Gao M. Digital Transformation and Tourism Listed Firm Performance in COVID-19 Shock. *Finance Research Letters*. 2024;(63):105398. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.105398>
20. Bronzini R., Ciani E., Montaruli F. Tourism and Local Growth in Italy. *Regional Studies*. 2021;56(1):140–154. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1910649>
21. Морозов М.А., Морозова Н.С. Региональные особенности развития туристской инфраструктуры и их влияние на туризм. *Регионология*. 2021;29(3):588–610. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610>
22. Бурнашева Л.А., Романов Е.Н. Влияние индустрии туризма на социально-экономическое развитие российских регионов. *Социально-гуманитарные знания*. 2023;(3):43–45. <https://www.elibrary.ru/APMEMT>
23. Гурьева Е.В. Региональный туризм в Российской Федерации: влияние институциональных факторов на его развитие (на примере Волгоградской области). *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. 2023;11(2):75–85. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-2-8>
24. Ермоловская О.Ю., Егорова Е.Н., Черникова Л.И. Инвестиционный потенциал развития туризма в регионах России. *Вопросы региональной экономики*. 2020;(1):45–52. <https://www.elibrary.ru/OZLLSV>
25. Овчинникова Н.В., Овчинников С.А., Лебедева О.Е., Масленникова Е.Г., Истомина М.М. Совершенствование системы управления туристским предприятием в условиях кризиса. *Экономика и предпринимательство*. 2021;(1):754–757. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.126.01.146>
26. Trstenjak A., Žiković T.I., Žiković S. Making Tourism More Sustainable: Empirical Evidence from EU Member Countries. *Environment, Development and Sustainability*. 2023;(27):9325–9355. <https://doi.org/10.1007/s10668-023-04284-9>
27. Colacchio G., Vergori A.S. GDP Growth Rate, Tourism Expansion and Labor Market Dynamics: Applied Research Focused on the Italian Economy. *National Accounting Review*. 2022;(4):310–328. Available at: <https://iris.unisalento.it/handle/11587/477168> (accessed 20.05.2024).
28. Tecel A., Katircioğlu S., Taheri E., Bekun F.V. Causal Interactions Among Tourism, Foreign Direct Investment, Domestic Credits, and Economic Growth: Evidence from Selected Mediterranean Countries. *Portuguese Economic Journal*. 2020;(19):195–212. <https://doi.org/10.1007/s10258-020-00181-5>
29. Colacchio G., Vergori A.S. Tourism Development and Italian Economic Growth: The Weight of the Regional Economies. *Journal of Risk and Financial Management*. 2023;16(4):16040245. <https://doi.org/10.3390/jrfm16040245>
30. Khan A., Bibi S., Ardito L., Lyu J., Hayat H., Arif A.M. Revisiting the Dynamics of Tourism, Economic Growth, and Environmental Pollutants in the Emerging Economies – Sustainable Tourism Policy Implications. *Sustainability*. 2020;(12):2533. <https://doi.org/10.3390/su12062533>

31. Alcalá-Ordóñez A., Brida J.G., Cárdenas-García P.J., Segarra V. Tourism and Economic Development: a Panel Data Analysis for Island Countries. *European Journal of Tourism Research*. 2024;(36):3615. <https://doi.org/10.54055/ejtr.v36i.3308>

REFERENCES

1. Felbermayr G., Kirilakha A., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y.V. The Global Sanctions Data Base. *European Economic Review*. 2020;(129):103561. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2020.103561>
2. Gössling S., Scott D., Hall C.M. Pandemics, Tourism and Global Change: A Rapid Assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*. 2020;29(1):1–20. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708>
3. Khan R.E.A., Ahmad T.I., Haleem J. The Governance and Tourism: The Governance and Tourism: A Case of Developing Countries. *Asian Journal of Economic Modelling*. 2021;9(3):199–213. <https://doi.org/10.18488/journal.8.2021.93.199.213>
4. Hall C.M., Scott D., Gössling S. Pandemics, Transformations and Tourism: Be Careful What You Wish for. *Tourism Geographies*. 2020;22(3):577–598. <https://doi.org/10.1080/14616688.2020.1759131>
5. Sigala M. Tourism and COVID-19: Impacts and Implications for Advancing and Resetting Industry and Research. *Journal of Business Research*. 2020;(117):312–321. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.06.015>
6. Brouder P. Reset Redux: Possible Evolutionary Pathways Towards the Transformation of Tourism in a COVID-19 World. *Tourism Geographies*. 2020;22(3):484–490. <https://doi.org/10.1080/14616688.2020.1760928>
7. Kabanova E.E. Impact of Economic Sanctions on the Development of Russian Tourism. *Russian Economic Developments*. 2023;30(2):51–59. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://ssrn.com/abstract=4380577> (accessed 20.05.2024).
8. Abdel V.E.A.M. Tourism Development in Russia in the International Sanctions and their Representation in the Media. *Services in Russia and Abroad*. 2021;15(2):57–65. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/IQPMRI>
9. Khanina A.V. The COVID-19 Pandemic and Sanctions: Features of the Impact on the Tourism Industry. *Service in Russia and Abroad*. 2021;15(3):199–208. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/LABDWA>
10. Zimovets A.V., Sorokina Y.V., Khanina A.V. A Set of Proposals To Protect the Russian Economy From Western Sanctions at the Macro-, Meso- and Micro-Levels. *Journal of International Economic Affairs*. 2022;12(2):195–214. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/eo.12.2.114792>
11. Lukashenok T.R., Okhrimenko E.I. Tourism in the Region: Determinants and Development Trends at the Present Stage. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(11):3023–3036 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/epp.12.11.116647>
12. Simonyan G.A., Saryan A.A. Strategic Goals and Objectives of the Development of Domestic Tourism in New Conditions. *Modern Scientific Thought*. 2022;(6):266–273. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-6-266-273>
13. Baturina N.A., Pashkevich L.A., Vlasova M.V. Modern Aspects of Domestic Tourism. *Economic Environment*. 2023;(4):92–100. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36683/2306-1758/2023-4-46/92-100>
14. Ohlan R. The Relationship between Tourism, Financial Development and Economic Growth in India. *Future Business Journal*. 2017;3(1):9–22. <https://doi.org/10.1016/j.fbj.2017.01.003>
15. Bassil C., Hamadeh M., Samara N. The Tourism Led Growth Hypothesis: The Lebanese Case. *Tourism Review*. 2015;70(1):43–55. <https://doi.org/10.1108/TR-05-2014-0022>
16. Habibi F., Rahmati M., Karimi A. Contribution of Tourism to Economic Growth in Iran's Provinces: GDM Approach. *Future Business Journal*. 2018;4(2):261–271. <https://doi.org/10.1016/j.fbj.2018.09.001>
17. Tang C.-F., Cheah Y.-K., Chua S.Y. Does Educational Tourism Significantly Influence Economic Growth? Evidence from a Macro-Econometric Modelling. *International Journal of Business and Society*. 2019;20(3):924–935. Available at: <https://www.ijbs.unimas.my/images/repository/pdf/Vol20-no3-paper4.pdf> (accessed 20.05.2024).
18. Corbet S., O'Connell J., Efthymiou M., Guimard C., Lucey B. The Impact of Terrorism on European Tourism. *Annals of Tourism Research*. 2019;(75):1–17. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2018.12.012>

19. Liu N., Xu Q., Gao M. Digital Transformation and Tourism Listed Firm Performance in COVID-19 Shock. *Finance Research Letters*. 2024;(63):105398. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.105398>
20. Bronzini R., Ciani E., Montaruli F. Tourism and Local Growth in Italy. *Regional Studies*. 2021;56(1):140–154. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1910649>
21. Morozov M.A., Morozova N.S. Regional Features of Development of Tourism Infrastructure and Their Impact on Tourism. *Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(3):588–610. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610>
22. Burnyasheva L.A., Romanov E.N. The Impact of the Tourism Industry on the Socioeconomic Development of Russian Regions. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2023;(3):43–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/APMENT>
23. Gureva E.V. Regional Tourism in the Russian Federation: Influence of Institutional Factors on the Development (Case Study of the Volgograd Region). *Science. Society. State*. 2023;11(2):75–85. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-2-8>
24. Yermolovskaya O.Y., Egorova E.N., Chernikova L.I. Investment Potential of Tourism Development in Russian Regions. *Voprosy regionalnoi ekonomiki*. 2020;(1):45–52. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/OZLLSV>
25. Ovchinnikova N.V., Ovchinnikov S.A., Lebedeva O.E., Maslennikova E.G., Istomina M.M. Improving the Management System of a Tourism Enterprise in a Crisis. *Ekonomika i predprinimatelstvo*. 2021;(1):754–757. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.126.01.146>
26. Trstenjak A., Žiković T.I., Žiković S. Making Tourism More Sustainable: Empirical Evidence from EU Member Countries. *Environment, Development and Sustainability*. 2025;(27):9325–9355. <https://doi.org/10.1007/s10668-023-04284-9>
27. Colacchio G., Vergori A.S. GDP Growth Rate, Tourism Expansion and Labor Market Dynamics: Applied Research Focused on the Italian Economy. *National Accounting Review*. 2022;(4):310–328. Available at: <https://iris.unisalento.it/handle/11587/477168> (accessed 20.05.2024).
28. Tecel A., Katircioğlu S., Taheri E., Bekun F.V. Causal Interactions Among Tourism, Foreign Direct Investment, Domestic Credits, and Economic Growth: Evidence from Selected Mediterranean Countries. *Portuguese Economic Journal*. 2020;(19):195–212. <https://doi.org/10.1007/s10258-020-00181-5>
29. Colacchio G., Vergori A.S. Tourism Development and Italian Economic Growth: The Weight of the Regional Economies. *Journal of Risk and Financial Management*. 2023;16(4):16040245. <https://doi.org/10.3390/jrfm16040245>
30. Khan A., Bibi S., Ardito L., Lyu J., Hayat H., Arif A.M. Revisiting the Dynamics of Tourism, Economic Growth, and Environmental Pollutants in the Emerging Economies-Sustainable Tourism Policy Implications. *Sustainability*. 2020;(12):2533. <https://doi.org/10.3390/su12062533>
31. Alcalá-Ordóñez A., Brida J.G., Cárdenas-García P.J., Segarra V. Tourism and Economic Development: A Panel Data Analysis for Island Countries. *European Journal of Tourism Research*. 2024;(36):3615. <https://doi.org/10.54055/ejtr.v36i.3308>

Об авторах:

Светлана Евгеньевна Демидова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2169-4190>, Researcher ID: AAU-4802-2020, SPIN-код: 4793-3688, demidovapsk@gmail.com

Юлия Габдрашитовна Тюрина, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5279-4901>, Researcher ID: Q-9676-2018, SPIN-код: 1310-6067, u_turina@mail.ru

Ольга Борисовна Буздалина, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве

Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3129-9426>, SPIN-код: 3228-9568, obbuzdalina@fa.ru

Вклад авторов:

С. Е. Демидова – разработка концепции; формальный анализ; валидация результатов; написание черновика рукописи; визуализация.

Ю. Г. Тюрина – разработка методологии; формальный анализ; научное руководство; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

О. Б. Буздalina – проведение исследования; административное руководство проектом; валидация результатов; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 27.01.2025; одобрена после рецензирования 11.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

About the authors:

Svetlana E. Demidova, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Public Finance of the Faculty of Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradskii Prospekt, Moscow 125167, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2169-4190>, Researcher ID: AAU-4802-2020, SPIN-code: 4793-3688, demidovapsk@gmail.com

Yuliya G. Tyurina, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Chair of Public Finance of the Faculty of Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradskii Prospekt, Moscow 125167, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5279-4901>, Researcher ID: Q-9676-2018, SPIN-code: 1310-6067, u_turina@mail.ru

Olga B. Buzdalina, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Chair of Public Finance of the Faculty of Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradskii Prospekt, Moscow 125167, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3129-9426>, SPIN-code: 3228-9568, obbuzdalina@fa.ru

Contribution of the authors:

S. E. Demidova – conceptualization; formal analysis; validation; writing – original draft preparation; visualization.

Yu. G. Tyurina – methodology; formal analysis; supervision; writing – review and editing.

O. B. Buzdalina – investigation; project administration; validation; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 27.01.2025; revised 11.06.2025; accepted 20.06.2025.

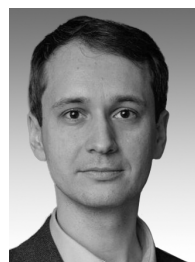
РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.678-696><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/ixslne>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 001.895:338.24

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Инновационный рейтинг регионов
в радиоэлектронной промышленности: построение
и верификация с использованием машинного обучения**С. Н. Яшин^{1, 2}Л. П. Зенькова³Е. В. Кошелев^{1, 2} ✉А. А. Иванов^{1, 2}¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского² Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева
(г. Нижний Новгород, Российская Федерация)³ Белорусский государственный экономический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)✉ ekoshelev@yandex.ru*Аннотация*

Введение. Развитие радиоэлектронной промышленности является приоритетом технологического лидерства России, что требует современных инструментов для оценки инновационного потенциала регионов. Цель исследования – построение и верификация инновационного рейтинга регионов для радиоэлектронной промышленности, преодолевающего ограничения традиционных рейтингов за счет применения к большим данным (Big Data) методов машинного обучения.

Материалы и методы. На основе данных Росстата за 2010–2022 гг. по 83 регионам была сформирована обучающая выборка. Классификационная модель, присваивающая регионам значение инновационного рейтинга ('А' – лидер, 'В' – средний уровень, 'С' – депрессивный) по трем целевым функциям с последующей агрегацией в интегральный показатель I-score, строилась с использованием ансамблевых методов машинного обучения (Fine Gaussian SVM, Bagged Trees, Random Forest). Главным этапом исследования стала апробация модели: ее верификация проводилась на независимых данных за 2023 год, не входивших в обучающую выборку.

Результаты исследования. Верификация подтвердила практическую применимость модели: точность прогноза интегрального показателя I-score на новых данных составила 81,93 %. По результатам апробации построена актуальная карта инновационного рейтинга: регионами-лидерами ('А') в 2023 г. стали Московская область, города Москва и Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Нижегородская и Свердловская области. Анализ расхождений между прогнозом и фактом выявил

© Яшин С. Н., Зенькова Л. П., Кошелев Е. В., Иванов А. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

потенциал роста Новосибирской области и возможные риски для лидерских позиций Республики Башкортостан, Пермского края и Челябинской области.

Обсуждение и заключение. Апробированная методика позволяет строить точные и устойчивые оценки инновационного развития регионов в отрасли радиоэлектронной промышленности. Результаты верификации демонстрируют не только прогнозную силу модели, но и ее ценность для выявления латентных тенденций. Полученные выводы имеют практическую значимость для органов государственной власти и крупных компаний при планировании региональной и отраслевой политики.

Ключевые слова: радиоэлектронная промышленность, инновационный рейтинг регионов, машинное обучение, классификация, ансамблевые методы, верификация модели, Big Data, региональная экономика, электронная промышленность России

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00464).

Для цитирования: Яшин С.Н., Зенькова Л.П., Кошелев Е.В., Иванов А.А. Инновационный рейтинг регионов в радиоэлектронной промышленности: построение и верификация с использованием машинного обучения. *Регионоведение*. 2025;33(4):678–696. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.678-696>

Innovative Rating of Regions in the Electronic Industry: Construction and Verification Using Machine Learning

S. N. Yashin^{a, b}, L. P. Ziankova^c, E. V. Koshelev^{a, b} ✉, A. A. Ivanov^{a, b}

^a Lobachesky University

^b Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)

^c Belarusian State Economic University
(Minsk, Republic of Belarus)

✉ ekoshelev@yandex.ru

Abstract

Introduction. The development of the radio-electronic industry is a priority for Russia's technological leadership, necessitating modern tools for assessing the innovative potential of its regions. This study aims to construct and verify an innovative rating of regions for the radio-electronic industry that overcomes the limitations of traditional ratings by applying machine learning to Big Data.

Materials and Methods. A training dataset was formed based on Rosstat data from 2010–2022 for 83 regions. Using ensemble machine learning methods (Fine Gaussian SVM, Bagged Trees, Random Forest), a classification model was constructed that assigns innovative ratings (A – leaders, B – average level, C – depressed) to regions based on three target functions, with subsequent aggregation into an integral I-score. A key stage of the research was the model approbation: its verification was carried out on independent data for 2023 that was not part of the training set.

Results. The verification confirmed the model's practical applicability: the accuracy of the integral I-score rating prediction on new data was 81.93 %. Based on the approbation results, a current map of innovative ratings was constructed. The leading regions (A) in 2023 were the Moscow Region, Moscow, St. Petersburg, Republic of Tatarstan, Nizhny Novgorod Region, and Sverdlovsk Region. Analysis of discrepancies between prediction and fact revealed growth potential for Novosibirsk Region and potential risks to the leading positions of Republic of Bashkortostan, Perm Territory, and Chelyabinsk Region.

Discussion and Conclusion. The approbated methodology enables the construction of accurate and robust assessments of the innovative development of regions in the radio-electronic industry. The verification results demonstrate not only the model's predictive power but also its value for identifying latent trends. The findings are of practical importance for public authorities and large companies in planning regional and sectoral policies.

Keywords: radio-electronic industry, innovative regional rating, machine learning, classification, ensemble methods, model verification, Big Data, regional economy, Russian electronics industry

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The article was supported by the Russian Science Foundation, grant 24-28-00464.

For citation: Yashin S.N., Ziankova L.P., Koshelev E.V., Ivanov A.A. Innovative Rating of Regions in the Electronic Industry: Construction and Verification Using Machine Learning. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(4):678–696. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.678-696>

ВВЕДЕНИЕ

Ориентированность отечественной экономики на технологическое лидерство требует применения новых, современных, подходов к анализу деятельности приоритетных отраслей, к числу которых относится радиоэлектронная промышленность (РЭП). Чтобы разработать актуальные методы управления ее развитием в регионах страны, необходимо исследовать большой объем данных (*Big Data*). Применение методов машинного обучения позволит построить инновационный рейтинг регионов, что будет способствовать принятию оптимальных управленческих решений государством и крупными частными компаниями в отношении планирования инновационного развития отрасли.

Необходимость сочетания государственных и цифровых инструментов и методов регулирования социально-экономических отношений в условиях трансформации экономической системы обоснована Л. П. Зеньковой и О. В. Машевской¹. Однако применение инновационных рейтингов регионов сопряжено с определенными трудностями [1–4]. Предпринят ряд попыток учесть при построении таких рейтингов особенности выбранных территорий² [5–8].

При построении и применении рейтингов для отрасли РЭП важно учитывать ее особенности. Результаты исследований, например³ [9], показывают, что размер рынка, развитие науки, техники и организации, качество человеческих ресурсов, а также факторы политики и информационной среды влияют на развитие отечественной электронной промышленности.

Построение инновационного рейтинга регионов в отрасли РЭП является типичной задачей многоуровневой классификации в машинном обучении. В этой области создано достаточно много эффективных методов.

Машинное обучение выступает ключевым компонентом в более широкой области искусственного интеллекта, которая использует статистические методы для наделяния компьютеров способностью учиться и принимать решения автономно, без необходимости явного программирования. Оно основано на концепции, что компьютеры могут получать знания из данных, выявлять закономерности и делать выводы с минимальным вмешательством человека [10]. В этой области существуют различные типы алгоритмов машинного обучения: контролируемое, неконтролируемое, полуконтролируемое и обучение с подкреплением [11].

¹ Зенькова Л.П., Машевская О.В. Трансформация экономической системы в условиях становления цифровой экономики. Минск: ИВЦ Минфина; 2024. 239 с.

² Kogler D.F., Brenner T., Celebioglu F., Shin H. The Science-Innovation Nexus in a Regional Context – Introduction to the Special Issue, Policy and Future Research Directions. *Review of Regional Research*. 2024;(44):141–149. <https://doi.org/10.1007/s10037-024-00212-0>

³ Kecun B., Yaqi C., Xieguo X., Yongzhi W. Research on the General Architecture of Intelligent Manufacturing in the Military Electronic Industry. In: 2020 International Conference on Artificial Intelligence and Electromechanical Automation (AIEA). Tianjin, China; 2020. Pp. 206–210. <https://doi.org/10.1109/AIEA51086.2020.00051>; Ranjan M., Singh S.K. What is Future Scope of PCB Fabrication and Manufacturing in Industries. *International Journal of Engineering Development and Research*. 2020;8(2):499–505. Available at: <https://elck.ru/3QfoJd> (accessed 17.03.2025).

Метод классификации применяется для классификации истинного либо ложного результата или нескольких классов любого прогноза. Логистическая регрессия, наивный байесовский алгоритм (*Naive Bayes*), k ближайших соседей (*k-Nearest Neighbors, KNN*), деревья решений (*Bagged Trees*), машины опорных векторов (*Support Vector Machine, SVM*) и искусственная нейронная сеть (*Artificial Neural Network, ANN*) – вот некоторые из популярных алгоритмов классификации в различных областях⁴.

Цель исследования состоит в построении и верификации инновационного рейтинга регионов страны в отрасли РЭП с использованием машинного обучения. Преимущество авторского подхода заключается, во-первых, в построении рейтинга регионов конкретно для отрасли радиоэлектронной промышленности, а, во-вторых, в применении для этого более точного подхода, использующего последние достижения в области машинного обучения. В исследовании хорошо показали себя такие методы классификации в машинном обучении, как точный гауссовский SVM (*Fine Gaussian SVM*), подпространство KNN (*Subspace KNN*) и решающие деревья.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В области машинного обучения в последнее время появилось много эффективных решений, в частности новый метод классификации для многоуровневых многометковых наборов данных, основная цель которого – повысить точность задач классификации, включающих несколько классов и меток [12]. Эксперименты продемонстрировали его эффективность в ряде известных наборов данных со средней точностью 85,9 %.

Х. Таном [13] сравниваются пять традиционных классификаторов машинного обучения (Gaussian Mixture Models, Random Forest, SVM, XGBoost и Naive Bayes) и показано, что классификатор на основе SVM имеет самую низкую точность при обработке текстовых данных для применения задачи классификации текста.

Результаты работы Дж. Г. Переза и М. Баллеры⁵ свидетельствуют о том, что алгоритм Gradient Boosted Trees как один из методов машинного обучения превзошел другие алгоритмы, достигнув высокой точности классификации, а именно 91,58 %; на 2-м месте – подход Deep Learning (глубокое обучение), продемонстрировавший точность 90,48 %.

Сравнительное исследование, построенное с учетом четырех различных показателей производительности, показывает, что, за исключением алгоритма дерева решений, предлагаемые методы машинного обучения с подробными алгоритмами предварительной обработки хорошо работают для классификации публикаций по категориям на базе заданного текста⁶.

⁴ Goswami T. Machine Learning Behind Classification Tasks in Various Engineering and Science Domains. In: G.R. Sinha, J.S. Suri (eds). Cognitive Informatics, Computer Modelling, and Cognitive Science, Academic Press; 2020. Pp. 339–356. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-819443-0.00016-7>

⁵ Perez J.G., Ballera M. A Comparative Study of NLP Transformer-Based and CNN-GloVe Models with Flask Application for Research Article Classification. In: Seventh International Symposium on Computer, Consumer and Control (IS3C). New York, USA; 2024. Pp. 352–358. <https://doi.org/10.1145/3654522.3654557>

⁶ Chowdhury S., Schoen M.P. Research Paper Classification Using Supervised Machine Learning Techniques. 2020 Intermountain Engineering, Technology and Computing (IETC). Orem, UT, USA; 2020. Pp. 1–6. <https://doi.org/10.1109/IETC47856.2020.9249211>

В публикации С.-Л. Лина для применения машинного обучения предлагается метод средней гауссовой машины опорных векторов (SVM), который создает пространство признаков путем извлечения характеристик сигнала вибрации, собранного на месте с опорой на опыт [14].

В статье К. Ма и др.⁷ рассматривается алгоритм KNN на основе подпространства признаков (Feature Subspace KNN). Во-первых, названный алгоритм решает все подпространства признаков согласно распределению обучающих выборок в пространстве признаков, чтобы гарантировать более высокое сходство выборок в одном подпространстве. Во-вторых, соответствующее подпространство признаков сопоставляется с выборками тестового набора. Таким образом, сначала выполняется поиск k ближайших соседей в заданном подпространстве, что повышает точность и эффективность алгоритма.

Случайные леса, основанные на деревьях решений, в сочетании с идеями агрегации и бутстрепа представляют собой мощный непараметрический статистический метод, позволяющий рассматривать в единой и универсальной структуре проблемы регрессии, а также двух- и многоуровневой классификации [15].

Построение эффективных деревьев обычно является сложным и трудоемким процессом, особенно для наборов данных с высокой дисперсией. Ряд авторов сосредоточили внимание на вопросах улучшения их производительности, надежности и стабильности⁸ [16].

В работе И. Ибаргурена и др. [17] метод RCTBagging представлен как гибридный между бэггингом и консолидированным деревом, так что в нем частично сохраняется свойство понятности последнего, а также улучшается дискриминационная способность. Консолидированное дерево сначала разрабатывается до определенной точки, а затем для каждого образца выполняется типичный бэггинг.

Отличие от других, для методов дерева решений эффективность прогнозирования ансамблевых методов выше, чем неансамблевых. Иначе говоря, деревья решений, использующие ансамблевые методы, обеспечивают лучшую эффективность их применения, в сравнении с KNN и линейным регрессионным анализом [18].

Х. Джафарзаде и соавторы изучают возможности различных алгоритмов ансамблевого обучения, известных как алгоритмы бэггинга и бустинга (включая Adaptive Boosting (AdaBoost), Gradient Boosting Machine, XGBoost, LightGBM и Random Forest), для классификации данных дистанционного зондирования [19].

По результатам исследований С. Гавриленко, В. Челак и О. Хорносталь⁹ предложили два метода определения состояния вычислительной системы

⁷ Ma X., Yang T., Chen J., Liu Z. k-Nearest Neighbor Algorithm Based on Feature Subspace. 2021 International Conference on Big Data Analysis and Computer Science (BDACS). Kunming, China; 2021. Pp. 225–228. <https://doi.org/10.1109/BDACS53596.2021.00056>

⁸ Sarang P. Ensemble: Bagging and Boosting: Improving Decision Tree Performance by Ensemble Methods. In: Thinking Data Science. The Springer Series in Applied Machine Learning. Springer, Cham; 2023. Pp. 97–129. https://doi.org/10.1007/978-3-031-02363-7_5; Carreira-Perpiñán M.A., Zharmagambetov A. Ensembles of Bagged TAO Trees Consistently Improve over Random Forests, AdaBoost and Gradient Boosting. In: Proceedings of the 2020 ACM-IMS on Foundations of Data Science Conference (FODS '20). Association for Computing Machinery, New York, USA; 2020. Pp. 35–46. <https://doi.org/10.1145/3412815.3416882>

⁹ Gavrylenko S., Chelak V., Hornostal O. Ensemble Approach Based on Bagging and Boosting for Identification the Computer System State. In: 2021 XXXI International Scientific Symposium Metrology and Metrology Assurance (MMA). Sozopol, Bulgaria; 2021. Pp. 1–7. <https://doi.org/10.1109/MMA52675.2021.9610949>

с использованием в качестве классификатора ансамбля деревьев решений на основе бустинга и бэггинга. Модификация применяемых классификаторов осуществлялась за счет задействования специальной процедуры выбора оптимальных параметров функционирования классификаторов, а также процедуры предобработки исходных данных.

В статье Г. Нго, Р. Бирда и Р. Чандры [20] представлено эволюционное обучение ансамблем с мешками деревьев, в котором эволюционные алгоритмы применяются для совершенствования содержимого мешков с целью итеративного улучшения ансамбля путем обеспечения разнообразия. Результаты показывают, что метод эволюционного ансамблевого бэггинга превосходит традиционные ансамблевые методы (бэггинг и случайные леса) для нескольких контрольных наборов данных при определенных ограничениях.

Тем не менее описанные методы и подходы пока не были реализованы для решения практической задачи, а именно для построения рейтинга регионов конкретно в разрезе отрасли радиоэлектронной промышленности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Опишем этапы построения инновационного рейтинга регионов в РЭП с применением алгоритмов машинного обучения.

Этап 1 – предварительная разведка данных. Предполагает сбор необходимых данных по 83 регионам России за период 2010–2023 гг. на сайте Федеральной службы государственной статистики¹⁰. Выбор периода 2010–2023 гг. обусловлен отсутствием необходимых сведений за предыдущие годы.

Для моделирования использовались целевые функции (1: Объем инновационных товаров (всего); 2: Разработанные передовые производственные технологии (всего), ед.; 3: Сальдированный финансовый результат (информатизация и связь)), а также следующие входные переменные:

- 1 – Стоимость основных фондов (ОФ) (информатизация и связь);
- 2 – Ввод в действие ОФ (информатизация и связь);
- 3 – Оборот организаций (информатизация и связь);
- 4 – Затраты на внедрение и использование цифровых технологий (всего);
- 5 – Внутренние текущие затраты на научно-исследовательские работы (НИР) (фундаментальные исследования);
- 6 – Внутренние текущие затраты на НИР (прикладные исследования);
- 7 – Внутренние текущие затраты на НИР (разработки);
- 8 – Затраты на инновационную деятельность (всего);
- 9 – Используемые передовые производственные технологии (всего).

Таким образом собирались прямые и косвенные переменные, влияющие на инновационное развитие отрасли. К прямым переменным относились входы 1–3 и цель 3, к косвенным – все остальные. В итоге получилась матрица данных размерности 1162×13 .

Данные в рублях корректировались на инфляцию, т. е. вычислялись в ценах последнего в выбранном периоде, 2023, года. Для этого данные 2022 года умножались

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 14.01.2025).

на сумму: 1 плюс ставка инфляции за 2023 год; данные 2021 года – сначала на сумму: 1 плюс ставка инфляции за 2022 год, затем – на 1 плюс ставка инфляции за 2023 год и т. д. Вся имеющаяся выборка разбивалась на выборку для обучения (2010–2022 гг., матрица данных размерности 1079×13) и выборку для верификации модели (2023 г., матрица данных размерности 83×13).

Поскольку распределения значений входных переменных в 2010–2022 гг. не подчиняются нормальному закону, их необходимо линеаризовать, т. е. вычислить натуральный логарифм. Однако, чтобы веса одних входных переменных в обучающейся модели не превалировали над другими, прежде следовало эти данные нормализовать по формуле:

$$\tilde{x} = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}},$$

где \tilde{x} – новое значение входной переменной; x – старое значение входной переменной.

Это было необходимо сделать, чтобы избавиться от отрицательных значений для последующей линеаризации данных.

Аналогично поступили с целевыми переменными. При этом нормализованные данные в виде нулей заменялись на 0,000001, чтобы провести их линеаризацию. Пропуски в данных отсутствовали.

Линеаризация используемых целевых функций необходима еще и для того, чтобы стало возможным присвоить регионам рейтинг, так как в случае линеаризации данные более растянуты вдоль горизонтальной оси и почти подчиняются нормальному закону распределения.

Для того чтобы параметры нормализации обучающей выборки не повлияли на результаты верификации обученной модели, следовало выборку для верификации (2023 г.) отдельно скорректировать согласно параметрам нормализации обучающей выборки.

Инновационный рейтинг в отрасли РЭП предполагает присвоение регионам страны следующих значений: 'А' – лидер; 'В' – со средним уровнем инновационного развития; 'С' – депрессивный.

При этом сегменты линеаризованных значений целевых функций выглядели так:

- 1) цель 1 – 'А' $\subset (-2; +\infty)$, 'В' $\subset (-5; -2]$, 'С' $\subset (-\infty; -5]$;
- 2) цель 2 – 'А' $\subset (-2, 5; +\infty)$, 'В' $\subset (-8; -2, 5]$, 'С' $\subset (-\infty; -8]$;
- 3) цель 3 – 'А' $\subset (-2; +\infty)$, 'В' $\subset (-2, 0845; -2]$, 'С' $\subset (-\infty; -2, 0845]$.

Затем из значений для трех целевых функций формировался интегральный показатель "I-score".

Этап 2 – машинное обучение модели различными методами на языке Python. Сначала из выборки для обучения случайным образом отбирались 20 % данных для тестирования модели, 15 % – для ее валидации. Кросс-валидация (перекрестная проверка) применялась для исключения эффекта переобучения. Параметр проверки по умолчанию – 5-кратная перекрестная проверка для защиты от переобучения.

С целью оценки качества обучения модели определялась ее точность (*accuracy*), а также использовались графики площади под кривой ошибок (ROC/AUC) и матрица ошибок (*confusion matrix*).

Предпочтительная точность модели приближена к 100 %. Соотношение между долей истинно положительных (*true positive rate, TPR*) и долей ложноположительных результатов (*false positive rate, FPR*) показывает ROC-кривая. Для оценки производительности классификационных моделей часто задействуется такой показатель, как площадь под кривой (*area under the curve, AUC*). Чем он выше, тем ближе классификатор к идеальной модели. У модели, производящей случайный отбор, показатель AUC будет равен 0,5, у идеальной – 1.

Таким образом, в идеальном случае график ROC/AUC должен заполнять левый верхний угол; правильно классифицированные значения на матрице ошибок (*confusion matrix*) – должны находиться на главной диагонали, отклонения от нее показывают ошибки классификации.

Среди набора обучающих методов использовался и «случайный лес». Методология заключалась в создании ряда подвыборок или реплик бутстрапа из набора данных. Эти подвыборки генерировались случайным образом с заменой из списка значений в наборе данных. Для каждой реплики выращивалось дерево решений. Каждое дерево решений – само по себе обученный классификатор и для упорядочивания новых значений может привлекаться изолированно. Однако прогнозы двух деревьев, выращенных из двух разных реплик бутстрапа, могут быть различными.

Ансамбль объединяет прогнозы всех деревьев решений, выращенных для всех реплик бутстрапа. Если большинство деревьев предсказывают один конкретный класс для нового значения, разумно считать, что этот прогноз более надежный, чем прогноз любого отдельного дерева. Если другой класс предсказывается меньшим набором деревьев, эта информация также полезна. Фактически доля деревьев, прогнозирующих различные классы, является основой для оценок классификации, которые сообщает ансамбль при классификации новых данных.

Этап 3 – тестирование обученной модели. Описанный подход позволил оптимально настроить гиперпараметры обучаемой модели, в числе которых варьируется набор предикторов (входных переменных). Это дало возможность сравнить результаты моделей, обученных на предыдущем этапе. Нередко оптимизированные ансамбли по точности на тестовых данных превосходят как обычный «случайный лес», так и другие модели машинного обучения.

Этап 4 – верификация обученной модели. Проводился на новых, совершенно не знакомых обученной модели данных 2023 года. Для этого прогнозируемые на ее основе инновационные рейтинги (I-score) сравнивались с фактическими (2023 г.). Точность верификации оценивалась для 83 исследуемых регионов России; желательной считалась близкая к 100 %.

Этап 5 – построение карты инновационного рейтинга регионов. Подобная географической карта позволяет наглядно позиционировать регионы как лидеров (рейтинг 'А'), со средним уровнем инновационного развития ('В') и депрессивные (рейтинг 'С'), а также сравнить прогнозируемые и фактические значения инновационного рейтинга регионов в отрасли РЭП в 2023 г.

Полезна информация и о несоответствии предсказанных по модели рейтингов фактическим. Это может свидетельствовать о возможности будущего изменения рейтингов регионов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Апробация разработанной модели на данных за 2010–2022 гг. позволила построить инновационный рейтинг регионов России в отрасли РЭП с применением метода решающих деревьев согласно описанному алгоритму, а также оценить точность прогноза.

Этап 1. По итогам предварительной разведки данных за 2010–2022 гг. была получена матрица (табл. 1), где первые значения – сырые данные, вторые – обработанные, т. е. нормализованные и линеаризованные.

Таблица 1. Матрица подготовленных для анализа сырых и обработанных данных¹¹

Table 1. Matrix of raw and processed data prepared for analysis

Параметр, млн руб. / Parameter, million rubles	Регионы / Regions			
	1. Белгородская область / 1. Belgorod Region	2. Брянская об- ласть / 2. Bryansk Region	...	83. Чукотский ав- тономный округ / 83. Chukotka Au- tonomous Area
1	2	3	4	5
2010 год / 2010 year				
Вход 1 – Стоимость ОФ (информатизация и связь) / Input 1 – Cost of the fixed assets (informatization and communi- cation)	6697,58673 – 0,297227	13440,3146 – 0,237707	...	664,188752 – 0,350486
Вход 2 – Ввод в действие ОФ (информатизация и связь) / Input 2 – Commissioning of the fixed assets (informatiza- tion and communicaion)	415,728263 – 0,249949	1031,9365 – 0,20453	...	776,075318 – 0,223389
Вход 3 – Оборот органи- заций (информатизация и связь), млрд руб. / Input 3 – Turnover of organizations (informatization and commu- nication), billion rubles	2,18790219 – 0,149277	9,36936937 – 0,101282	...	0,566280566 – 0,160114
Вход 4 – Затраты на внедре- ние и использование циф- ровых технологий (всего) / Input 4 – Costs of implementa- tion and use of digital techno- logies (total)	3276,2 – 0,132452	1856,4 – 0,153537	...	970 – 0,166701
Вход 5 – Внутренние теку- щие затраты на НИР (фунда- ментальные исследования) / Input 5 – Internal current costs of research and development (fundamental research)	185,8 – 0,217468	48,1 – 0,247854	...	0 – 0,258469
Вход 6 – Внутренние теку- щие затраты на НИР (при- кладные исследования) / In- put 6 – Internal current costs of research and development (applied research)	301,5 – 0,184358	38,6 – 0,230581	...	0 – 0,237367

¹¹ Материал таблиц и рисунков подготовлен авторами по результатам исследования.

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5
Вход 7 – Внутренние текущие затраты на НИР (разработки) / Input 7 – Internal current R and D costs (development)	388,9 – 0,268912	115,4 – 0,287534	...	32,1 – 0,293206
Вход 8 – Затраты на инновационную деятельность (всего) / Input 8 – Costs of innovation activities (total)	3072,3 – 0,291664	929,7 – 0,372249		14,2 – 0,406681
Вход 9 – Используемые передовые производственные технологии (всего), ед. / Input 9 – Used advanced production technologies (total), units	1215 – 0,457077	1021 – 0,515244	...	0 – 0,821368
Цель 1: Объем инновационных товаров (всего) / Target 1: Volume of innovative goods (total)	9391,6 – 4,107719	4434,4 – 4,858143	...	186,9 – 8,024716
Рейтинги: / Ratings:				
'A' $\subset (-2; +\infty)$,				
'B' $\subset (-5; -2]$,	'B'	'B'	...	'C'
'C' $\subset (-\infty; -5]$.				
Цель 2: Разработанные передовые производственные технологии (всего), ед. / Target 2: Developed advanced manufacturing technologies (total), units	10 – 4,039536	5 – 4,732684	...	0 – 13,815511
Рейтинги: / Ratings:				
'A' $\subset (-2, 5; +\infty)$,				
'B' $\subset (-8; -2, 5]$,	'B'	'B'	...	'C'
'C' $\subset (-\infty; -8]$.				
Цель 3: Сальдированный финансовый результат (информатизация и связь) / Target 3: Balanced financial result (information and communication)	1043 – 2,056571	0 – 2,084786	...	68 – 2,082922
Рейтинги: / Ratings:				
'A' $\subset (-2; +\infty)$,				
'B' $\subset (-2, 0845; -2]$,	'B'	'C'	...	'B'
'C' $\subset (-\infty; -2, 0845]$.				
Рейтинг I-score / Rating I-score	'B'	'B'	...	'C'

Предварительный анализ данных показал наличие тесной положительной корреляции между выбранными входными переменными 1–9 и целевыми функциями 1–3. Это подтвердило обоснованность выбора именно таких входных переменных и целевых функций.

Этап 2. В актуальной задаче классификации для трех целевых функций получились разные наилучшие модели машинного обучения на тесте (табл. 2).

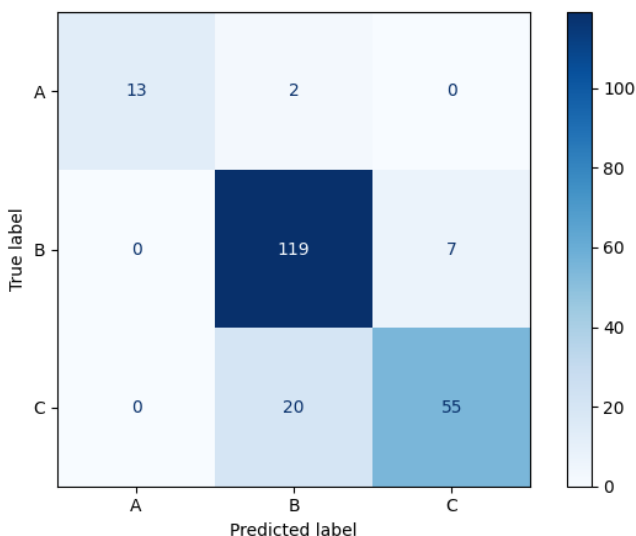
Таблица 2. Наиболее качественные обученные модели

Table 2. Best trained models

Характеристика модели / Model Characteristics	Цель 1 / Target 1	Цель 2 / Target 2	Цель 3 / Target 3	I-score (интегральный показатель на основе трех целевых функций / integral indicator based on three objective functions)
Лучшая модель / Best Model	Random Forrest	Bagged Trees	Random Forrest	Fine Gaussian SVM
Точность на тесте / Test Accuracy	0,8100	0,8148	0,6000	0,8660
Точность на верификации / Verification Accuracy	0,8795	0,6867	0,7953	0,8193

При обучении сразу I-score на выборке 2010–2022 гг. была получена наилучшая модель «точный гауссовский SVM».

Этап 3. Матрица ошибок, представленная на рисунке 1, показывает, что модель, обученная для интегрального показателя I-score, на тесте неправильно определила лишь 13,3 % регионов класса ‘A’ ($2 : (13 + 2) 100 \%$), 5,6 % – класса ‘B’ ($7 : (119 + 7) 100 \%$) и 26,7 % регионов класса ‘C’ ($20 : (55 + 20) 100 \%$). При этом F1-score (мера производительности модели, которая объединяет точность и полноту в единую метрику в диапазоне от 0 до 1, т. е. служит гармоническим средним точности и полноты) равен 0,83. Это достаточно качественный результат.

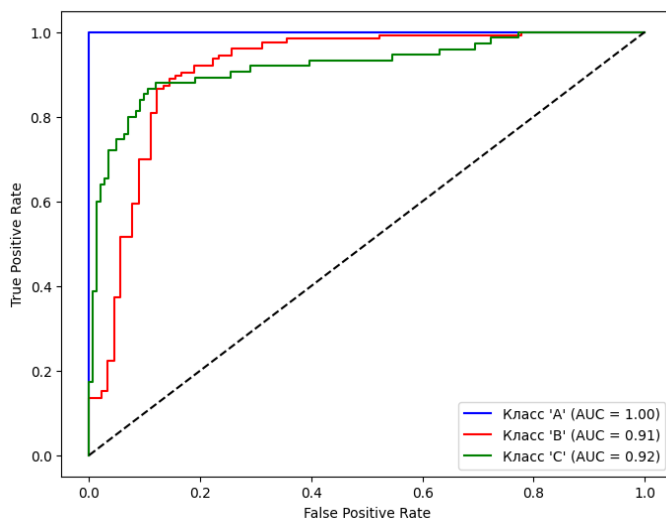

Р и с. 1. Матрица ошибок на тесте для модели Fine Gaussian SVM, обученной для интегрального показателя I-score

F i g. 1. Test confusion matrix for a model Fine Gaussian SVM trained for the integral I-score metric

Графики ROC/AUC продемонстрировали достаточно качественные результаты на тесте для всех трех рейтингов (рис. 2). Средний ROC/AUC составил 0,94.

Р и с. 2. Графики ROC/AUC на тесте для модели, обученной для интегрального показателя I-score

Fig. 2. ROC/AUC schedules for a model trained for the integral I-score metric

Этап 4. В ходе верификации обученные модели также обнаружили высокую точность (см. табл. 2). При этом на новых, не знакомых модели, данных (2023 г.) точность верификации для I-score достигла 81,93 %.

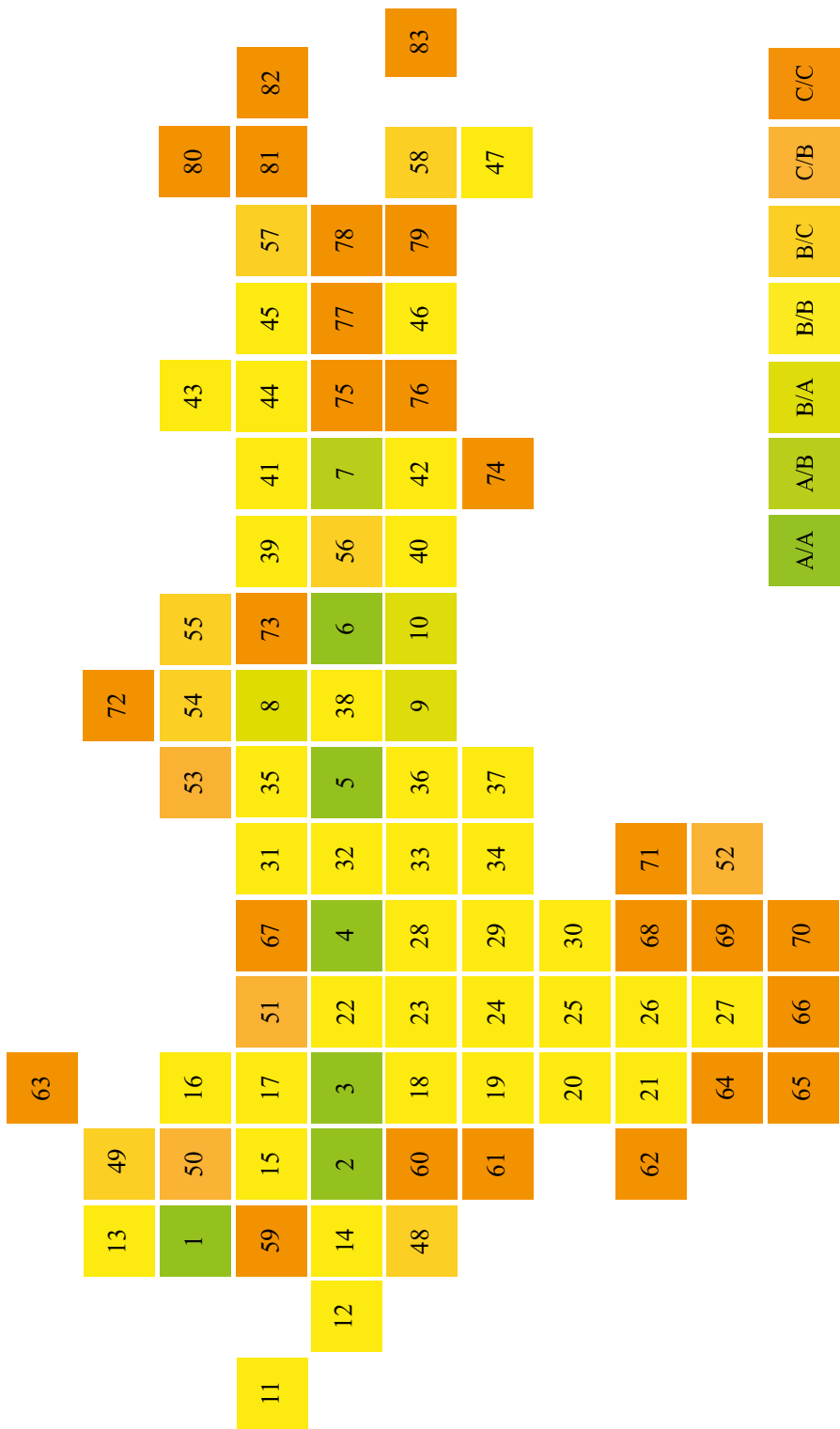
Матрица ошибок показала, что модель, обученная для I-score, на верификации неправильно определяет 50 % регионов класса 'А', 11,9 – класса 'В' и 21,9 % регионов класса 'С'. Это достаточно качественный результат.

Этап 5. Согласно географической карте инновационного рейтинга регионов России (I-score) (рис. 3) в отрасли РЭП в 2023 г. регионами – лидерами (рейтинг 'А') стали Московская область, города Москва и Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Нижегородская и Свердловская области.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На языке Python написана программа, позволяющая построить карту инновационного рейтинга регионов в отрасли РЭП и для этого использующая различные алгоритмы машинного обучения: «случайный лес» (*Random Forrest*), подпространство k ближайших соседей (*Subspace KNN*), мешок деревьев (*Bagged Trees*), точную гауссову машину опорных векторов (*Fine Gaussian SVM*).

Обучающая выборка формировалась по данным Росстата за 2010–2022 гг., а именно по 83 регионам России. Апробация разработанной модели осуществлялась на базе независимых данных (за 2023 г.), которые не входили в обучающую выборку. Верификация подтвердила практическую применимость модели: точность прогноза интегрального показателя I-score на новых данных составила 81,93 %.

Р и с. 3. Инновационный рейтинг регионов России в отрасли РЭП в 2023 г. (прогноз/фактически в 2023 г.):

A/A: 1 – г. Санкт-Петербург; 2 – г. Москва; 3 – Московская область; 4 – Нижегородская область; 5 – Республика Татарстан; 6 – Свердловская область;

A/B: 7 – Новосибирская область;

B/A: 8 – Пермский край; 9 – Республика Башкортостан; 10 – Челябинская область;

B/B: 11 – Калининградская область; 12 – Смоленская область; 13 – Ленинградская область; 14 – Калужская область; 15 – Тверская область; 16 – Вологодская область; 17 – Ярославская область; 18 – Тульская область; 19 – Липецкая область; 20 – Белгородская область; 21 – Краснодарский край; 22 – Владимирская область; 23 – Рязанская область; 24 – Тамбовская область; 25 – Воронежская область; 26 – Ростовская область; 27 – Ставропольский край; 28 – Республика Мордовия; 29 – Пензенская область; 30 – Волгоградская область; 31 – Республика Марий Эл; 32 – Чувашская Республика; 33 – Ульяновская область; 34 – Саратовская область; 35 – Кировская область; 36 – Самарская область; 37 – Оренбургская область; 38 – Удмуртская Республика; 39 – Тюменская область без округов; 40 – Омская область; 41 – Томская область; 42 – Алтайский край; 43 – Красноярский край; 44 – Кемеровская область; 45 – Иркутская область; 46 – Забайкальский край; 47 – Приморский край;

B/C: 48 – Брянская область; 49 – Республика Карелия; 54 – Республика Коми; 55 – Ямало-Ненецкий автономный округ; 56 – Курганская область; 57 – Республика Саха (Якутия); 58 – Хабаровский край;

C/B: 50 – Новгородская область; 51 – Ивановская область; 52 – Республика Дагестан; 53 – Архангельская область без Ненецкого автономного округа; C/C: 59 – Псковская область; 60 – Орловская область; 61 – Курская область; 62 – Республика Адыгея; 63 – Мурманская область; 64 – Карачаево-Черкесская Республика; 65 – Кабардино-Балкарская Республика; 66 – Республика Северная Осетия – Алания; 67 – Костромская область; 68 – Республика Калмыкия; 69 – Чеченская Республика; 70 – Республика Ингушетия; 71 – Астраханская область; 72 – Ненецкий автономный округ; 73 – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра; 74 – Республика Алтай; 75 – Республика Хакасия; 76 – Республика Тыва; 77 – Республика Бурятия; 78 – Амурская область; 79 – Еврейская автономная область; 80 – Чукотский автономный округ; 81 – Магаданская область; 82 – Камчатский край; 83 – Сахалинская область.

Fig. 3. Innovative rating of Russian regions in the REI in 2023 (forecast/actual in 2023):

A/A: 1 – St. Petersburg; 2 – Moscow; 3 – Moscow Region; 4 – Nizhny Novgorod Region; 5 – Republic of Tatarstan; 6 – Sverdlovsk Region;

A/B: 7 – Novosibirsk Region;

B/A: 8 – Perm Territory; 9 – Republic of Bashkortostan; 10 – Chelyabinsk Region;

B/B: 11 – Kaliningrad Region; 12 – Smolensk Region; 13 – Leningrad Region; 14 – Kaluga Region; 15 – Tver Region; 16 – Vologda Region; 17 – Yaroslavl Region; 18 – Tula Region; 19 – Lipetsk Region; 20 – Belgorod Region; 21 – Krasnodar Territory; 22 – Vladimir Territory; 23 – Kyzan Region; 24 – Tambov Region; 25 – Voronezh Region; 26 – Rostov Region; 27 – Stavropol Territory; 28 – Republic of Mordovia; 29 – Penza Region; 30 – Volgograd Region; 31 – Republic of Mari El; 32 – Chuvash Republic; 33 – Ulyanovsk Region; 34 – Saratov Region; 35 – Kirov Region; 36 – Samara Region; 37 – Orenburg Region; 38 – Udmurtian Republic; 39 – Tyumen Region without Areas; 40 – Omsk Region; 41 – Tomsk Region; 42 – Altai Territory; 43 – Krasnoyarsk Territory; 44 – Kemerovo Region; 45 – Irkutsk Region; 46 – Trans-Baikal Territory; 47 – Primorye Territory;

B/C: 48 – Bryansk Region; 49 – Republic of Karelia; 54 – Komi Republic; 55 – Yamal-Nenets Autonomous Area; 56 – Kurgan Region; 57 – Republic of Sakha (Yakutia); 58 – Khabarovsk Territory;

C/B: 50 – Novgorod Region; 51 – Ivanovo Region; 52 – Republic of Daghestan; 53 – Arkhangelsk Region without Nenets Autonomous Area;

C/C: 59 – Pskov Region; 60 – Orel Region; 61 – Kursk Region; 62 – Republic of Adygeya; 63 – Murmansk Region; 64 – Karachayev-Republic; 65 – Kabardino-Balkarian Republic; 66 – Republic of North Ossetia – Alania; 67 – Kostroma Region; 68 – Republic of Kalmykia; 69 – Chechen Republic; 70 – Republic of Ingushetia; 71 – Astrakhan Region; 72 – Nenets Autonomous Area; 73 – Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra; 74 – Republic of Altai; 75 – Republic of Khakassia; 76 – Republic of Tuva; 77 – Republic of Buryatia; 78 – Amur Region; 79 – Jewish Autonomous Region; 80 – Chukotka Autonomous Area; 81 – Magadan Region; 82 – Kamchatka Territory; 83 – Sakhalin Region.

Регионам страны присваивались следующие значения инновационного рейтинга в отрасли РЭП: 1) 'А' – лидер; 2) 'В' – со средним уровнем инновационного развития; 3) 'С' – депрессивный. Затем из значений для трех целевых функций формировался итоговый интегральный показатель "I-score".

Согласно карте инновационного рейтинга регионов России (см. табл. 3), в радиоэлектронной промышленности в 2023 г. регионами-лидерами (рейтинг 'А') стали Московская область, города Москва и Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Нижегородская и Свердловская области.

Обученная модель спрогнозировала, что Новосибирская область также в 2023 г. попадает в число регионов-лидеров (рейтинг 'А'). Хотя на практике этого не произошло, тем не менее подобный прогноз свидетельствует о том, что у Новосибирской области есть реальные перспективы в ближайшем будущем попасть в число регионов – лидеров в отрасли развития радиоэлектронной промышленности.

Республика Башкортостан, Пермский край и Челябинская область, напротив, по факту в 2023 г. попали в число лидеров (рейтинг 'А'), однако обученная модель спрогнозировала для них рейтинг 'В' (регионы со средним уровнем инновационного развития). Это можно расценивать как погрешность модели либо как вероятность потери лидирующих позиций в отрасли РЭП для этих территорий в будущем.

Полученные результаты будут полезны государственным структурам и производственным компаниям для планирования инновационного развития отрасли радиоэлектронной промышленности.

Перспективы исследования связаны с применением карт Кохонена для определения статистических групп рейтингов с последующим машинным обучением для задачи классификации; глубокого обучения для задачи классификации с использованием сети долговременной краткосрочной памяти (Long Short-Term Memory). Ограничением исследования может быть недостаточная прямая корреляция входных переменных модели с целевыми функциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жихарева А.К. Инновационные рейтинги российских регионов: методологические особенности их формирования и практика применения. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2020;(2):121–136. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10020>
2. Щепина И.Н., Маслова М.И. Оценка уровня инновационного развития регионов с учетом потенциала цифровизации. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2022;(12):8–23. <https://doi.org/10.17308/meps.2021.12/2727>
3. Долгих Е.А., Паршинцева Л.С. Оценка инновационного развития регионов России. *Финансы и управление*. 2024;(3):37–56. <https://doi.org/10.25136/2409-7802.2024.3.71213>
4. Глезман Л.В., Исаев С.Ю., Федосеева С.С. Рейтингование как метод оценки инновационного и научно-технологического развития регионов России. *Вопросы инновационной экономики*. 2023;13(2):927–940. <https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117950>
5. Нетребин Ю.Ю., Улякина Н.А., Вершинин И.В., Бурдакова А.Е. Научно-технический и инновационный потенциал региона: сравнение современных подходов к оценке. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020;1(10):107–116. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2020.10.01.013>
6. Yakovenko N.V., Semenova L.V., Nikolskaya E.Y. et al. Innovative Development of Russian Regions: Assessment and Dynamics in the Context of Sustainable Development. *Sustainability*. 2024;16(3):1271. <https://doi.org/10.3390/su16031271>

7. Szopik-Depczyńska K., Cheba K., Bąk I., Kędzierska-Szczepaniak A., Szczepaniak K., Ioppolo G. Innovation Level and Local Development of EU Regions. A New Assessment Approach. *Land Use Policy*. 2020;(99):104837. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.104837>
8. Hertrich T.J., Brenner T. Classification of Regions According to the Dominant Innovation Barriers: The Characteristics and Stability of Region Types in Germany. *Regional Science Policy and Practice*. 2023;15(9):2182–2224. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12711>
9. Tran V.T., Vu T.T.H., Nguyen P.L. Factors Affecting the Development of the Supporting Industry for the Electronics Industry in Vietnam. *Journal of Positive School Psychology*. 2022;6(11):2394–2408. <https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/view/14449>
10. Alnuaimi A., Albaldawi T. An Overview of Machine Learning Classification Techniques. *BIO Web of Conferences*. 2024;(97):00133. <https://doi.org/10.1051/bioconf/20249700133>
11. Sarker I.H. Machine Learning: Algorithms, Real-World Applications and Research Directions. *SN Computer Science*. 2021;(2):160. <https://doi.org/10.1007/s42979-021-00592-x>
12. Ghasemkhani B., Balbal K.F., Birant D. A New Predictive Method for Classification Tasks in Machine Learning: Multi-Class Multi-Label Logistic Model Tree (MMLMT). *Mathematics*. 2024;12(18):2825–2851. <https://doi.org/10.3390/math12182825>
13. Tan H. Machine Learning Algorithm for Classification. *Journal of Physics: Conference Series*. 2021;1994(1):12–16. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1994/1/012016>
14. Lin S.-L. Application of Machine Learning to a Medium Gaussian Support Vector Machine in the Diagnosis of Motor Bearing Faults. *Electronics*. 2021;10(18):2266. <https://doi.org/10.3390/electronics10182266>
15. Genuer R., Poggi J.-M., Tuleau-Malot Ch., Villa-Vialane N. Random Forests for Big Data. *Big Data Research*. 2017;(9):28–46. <https://doi.org/10.1016/j.bdr.2017.07.003>
16. Plaia A., Buscemi S., Fürnkranz J., Mencía E.L. Comparing Boosting and Bagging for Decision Trees of Rankings. *Journal of Classification*. 2022;(39):78–99. <https://doi.org/10.1007/s00357-021-09397-2>
17. Ibarguren I., Pérez J.M., Muguerza J., Arbelaitz O., Yera A. PCTBagging: From Inner Ensembles to Ensembles. A Trade-Off between Discriminating Capacity and Interpretability. *Information Sciences*. 2022;(583):219–238. <https://doi.org/10.1016/j.ins.2021.11.010>
18. Lee S., Bikash KC, Choeh J.Y. Comparing Performance of Ensemble Methods in Predicting Movie Box Office Revenue. *Heliyon*. 2020;6(6):e04260. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04260>
19. Jafarzadeh H., Mahdianpari M., Gill E., Mohammadimanesh F., Homayouni S. Bagging and Boosting Ensemble Classifiers for Classification of Multispectral, Hyperspectral and PolSAR Data: A Comparative Evaluation. *Remote Sensing*. 2021;13(21):4405. <https://doi.org/10.3390/rs13214405>
20. Ngo G., Beard R., Chandra R. Evolutionary Bagging for Ensemble Learning. *Neurocomputing*. 2022;(510):1–14. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2022.08.055>

REFERENCES

1. Zhikhareva A.K. Innovative Ratings of Russian Regions: Methodological Features of Their Formation and Practice of Application. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2020;(2):121–136. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10020>
2. Shchepina I.N., Maslova M.I. Assessment of the Level of Innovative Development of Regions Taking into Account the Potential of Digitalization. *Modern Economics: Problems and Solutions*. 2022;(12):8–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17308/meps.2021.12/2727>
3. Dolgih E.A., Parshintseva L.S. Assessment of the Innovative Development of Russian Federation Regions. *Finance and Management*. 2024;(3):37–56. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25136/2409-7802.2024.3.71213>
4. Glezman L.V., Isaev S.Y., Fedoseeva S.S. Rating as a Method of Assessing Innovative and Scientific and Technological Development of Russian Regions. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2023;13(2):927–940. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117950>
5. Netrebina Yu.Yu., Ulyakina N.A., Vershinin I.V., Burdakova A.E. Scientific, Technological and Innovative Capacity of the Region: Comparison of Current Approaches to Evaluation. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2020;1(10):107–116. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2020.10.01.013>

6. Yakovenko N.V., Semenova L.V., Nikolskaya E.Y. at al. Innovative Development of Russian Regions: Assessment and Dynamics in the Context of Sustainable Development. *Sustainability*. 2024;16(3):1271. <https://doi.org/10.3390/su16031271>
7. Szopik-Depczyńska K., Cheba K., Bąk I., Kędzierska-Szczepaniak A., Szczepaniak K., Ioppolo G. Innovation Level and Local Development of EU regions. A New Assessment Approach. *Land Use Policy*. 2020;(99):104837. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.104837>
8. Hertrich T.J., Brenner T. Classification of Regions According to the Dominant Innovation Barriers: The Characteristics and Stability of Region Types in Germany. *Regional Science Policy and Practice*. 2023;15(9):2182–2224. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12711>
9. Tran V.T., Vu T.T.H., Nguyen P.L. Factors Affecting the Development of the Supporting Industry for the Electronics Industry in Vietnam. *Journal of Positive School Psychology*. 2022;6(11):2394–2408. <https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/view/14449>
10. Alnuaimi A., Albaldawi T. An Overview of Machine Learning Classification Techniques. *BIO Web of Conferences*. 2024;(97):00133. <https://doi.org/10.1051/bioconf/20249700133>
11. Sarker I.H. Machine Learning: Algorithms, Real-World Applications and Research Directions. *SN Computer Science*. 2021;(2):160. <https://doi.org/10.1007/s42979-021-00592-x>
12. Ghasemkhani B., Balbal K.F., Birant D. A New Predictive Method for Classification Tasks in Machine Learning: Multi-Class Multi-Label Logistic Model Tree (MMLMT). *Mathematics*. 2024;12(18):2825. <https://doi.org/10.3390/math12182825>
13. Tan H. Machine Learning Algorithm for Classification. *Journal of Physics: Conference Series*. 2021;1994(1):12–16. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1994/1/012016>
14. Lin S.-L. Application of Machine Learning to a Medium Gaussian Support Vector Machine in the Diagnosis of Motor Bearing Faults. *Electronics*. 2021;10(18):2266. <https://doi.org/10.3390/electronics10182266>
15. Genuer R., Poggi J.-M., Tuleau-Malot Ch., Villa-Vialane N. Random Forests for Big Data. *Big Data Research*. 2017;(9):28–46. <https://doi.org/10.1016/j.bdr.2017.07.003>
16. Plaia A., Buscemi S., Fürnkranz J., Mencia E.L. Comparing Boosting and Bagging for Decision Trees of Rankings. *Journal of Classification*. 2022;(39):78–99. <https://doi.org/10.1007/s00357-021-09397-2>
17. Ibaguren I., Pérez J.M., Muguerza J., Arbelaitz O., Yera A. PCTBagging: From Inner Ensembles to Ensembles. A Trade-Off between Discriminating Capacity and Interpretability. *Information Sciences*. 2022;(583):219–238. <https://doi.org/10.1016/j.ins.2021.11.010>
18. Lee S., Bikash KC, Choeh J.Y. Comparing Performance of Ensemble Methods in Predicting Movie Box Office Revenue. *Heliyon*. 2020;6(6):e04260. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04260>
19. Jafarzadeh H., Mahdianpari M., Gill E., Mohammadimanesh F., Homayouni S. Bagging and Boosting Ensemble Classifiers for Classification of Multispectral, Hyperspectral and PolSAR Data: A Comparative Evaluation. *Remote Sensing*. 2021;13(21):4405. <https://doi.org/10.3390/rs13214405>
20. Ngo G., Beard R., Chandra R. Evolutionary Bagging for Ensemble Learning. *Neurocomputing*. 2022;(510):1–14. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2022.08.055>

Об авторах:

Яшин Сергей Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, д. 23), Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (603155, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7182-2808>, Researcher ID: O-1752-2014, Scopus ID: 57191255169, SPIN-код: 4191-7293, jashinsn@yandex.ru

Зенькова Лариса Петровна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Белорусского государственного экономического университета (220070, Республика Беларусь, г. Минск, Партизанский пр-кт, д. 26), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1959-430X>, Scopus ID: 57804766500, keu@bseu.by

Кошелев Егор Викторович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, д. 23), Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (603155, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5290-7913>, Researcher ID: N-8586-2014, Scopus ID: 57192163661, SPIN-код: 8429-5702, ekoshelev@yandex.ru

Иванов Алексей Андреевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, д. 23), Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (603155, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4299-4042>, Researcher ID: F-1106-2014, Scopus ID: 57207917762, SPIN-код: 1055-4483, alexey.iff@yandex.ru

Вклад авторов:

С. Н. Яшин – формулирование замысла/идеи исследования, целей и задач; получение финансирования; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования.

Л. П. Зенькова – формулирование замысла/идеи исследования, целей и задач; получение финансирования; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования.

Е. В. Кошелев – создание и подготовка рукописи: визуализация результатов исследования и полученных данных.

А. А. Иванов – создание и подготовка рукописи: визуализация результатов исследования и полученных данных.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 07.04.2025; одобрена после рецензирования 08.10.2025; принята к публикации 15.10.2025.

About the authors:

Sergei N. Yashin, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Head of the Chair of Management and Public Administration, Lobachevsky University (23 Prospekt Gagarina, 603022 Nizhny Novgorod, Russian Federation), Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev (24 Minin St., 603155 Nizhny Novgorod, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7182-2808>, Researcher ID: O-1752-2014, Scopus ID: 57191255169, SPIN-code: 4191-7293, jashinsn@yandex.ru

Larysa P. Ziankova, Dr.Sci. (Econ.), Professor of the Chair of Economics and Management, Belarusian State Economic University (26 Partizanskii Prospekt, 220070 Minsk, Republic of Belarus), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1959-430X>, Scopus ID: 57804766500, keu@bseu.by

Egor V. Koshelev, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Management and Public Administration, Lobachevsky University (23 Prospekt Gagarina, 603022 Nizhny Novgorod, Russian Federation), Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev (24 Minin St., 603155 Nizhny Novgorod, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5290-7913>, Researcher ID: N-8586-2014, Scopus ID: 57192163661 SPIN-code: 8429-5702, ekoshelev@yandex.ru

Alexey A. Ivanov, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Management and Public Administration, Lobachevsky University (23 Prospekt Gagarina, 603022 Nizhny Novgorod, Russian Federation), Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev (24 Minin St., 603155 Nizhny Novgorod, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4299-4042>, Researcher ID: F-1106-2014, Scopus ID: 57207917762, SPIN-code: 1055-4483, alexey.iff@yandex.ru

Contribution of the authors:

S. N. Yashin – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; funding acquisition; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team.

L. P. Ziankova – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; funding acquisition; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team.

E. V. Koshelev – preparation, creation of the published work, specifically visualization / data presentation.

A. A. Ivanov – preparation, creation of the published work, specifically visualization / data presentation.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 07.04.2025 revised 08.10.2025; accepted 15.10.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.697-714><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/itlmur>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 656-047.43(470+571)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Оценка эффективности транспортной системы РФ:
анализ динамики и перспективы развития

Е. С. Соколова

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)
sokolovaes65@mail.ru*

Аннотация

Введение. Эффективность сектора транспортных услуг России, характеризующейся масштабной территорией и выгодным географическим положением между Азией и Европой, определяется состоянием инфраструктуры. Цель исследования – оценить эффективность российского транспортного сектора и сформулировать меры по улучшению состояния транспортной инфраструктуры РФ. **Материалы и методы.** Объектом исследования выступила транспортная система России в разрезе видов транспорта (автомобильного, железнодорожного и авиационного). Информационную базу составили данные Росстата за 2000–2023 гг. Анализ динамики развития транспортной системы России проводился с использованием индексного метода с нормированием по индексу Маццотты–Парето. Применен индекс эффективности транспортной системы, разработанный на основе нормированных показателей.

Результаты исследования. В целом транспортная система РФ удовлетворяет внутреннему спросу на транспортные услуги. Экспорт подобных услуг ограничен не столько протяженностью путей и соответственно дороговизной перевозок, сколько недостаточной эффективностью самой системы. Железные дороги остаются наиболее эффективными, тогда как автомобильный и авиационный транспорт подвержены санкциям и рискам. Обоснована необходимость формирования новой системы финансирования развития транспортной системы России на основе резервирования избыточных доходов и их инвестирования в развитие транспорта. Доказано, что потенциал российской транспортной системы не востребован в полной мере.

Обсуждение и заключение. Новизна полученных результатов определяется предложенными подходом к оценке эффективности существующей инфраструктуры и мерами ее развития, реализация которых может привести к повышению конкурентоспособности транспортных услуг РФ на мировом рынке. Для органов государственной власти интерес представляет предложение стимулировать инвестиции в транспортную инфраструктуру через резервирование нефтегазовых доходов.

© Соколова Е. С., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: транспортные услуги, инфраструктура, Россия, проблемы, мировой рынок

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Соколова Е.С. Оценка эффективности транспортной системы РФ: анализ динамики и перспективы развития. *Регионология.* 2025;33(4):697–714 <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.697-714>

Assessing the Effectiveness of the Russian Transport System: Analysis of Dynamics and Development Prospects

E. S. Sokolova

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)
sokolovaes65@mail.ru*

Abstract

Introduction. The efficiency of the Russian transport sector, characterized by its vast territory and advantageous geographic location between Asia and Europe, is determined by the state of its infrastructure. The purpose of this study is to assess the efficiency of the Russian transport sector and formulate measures to improve the state of its transport infrastructure.

Materials and Methods. The study focused on Russia's transportation system, broken down by mode (road, rail, and air). The database consisted of Rosstat data for 2000–2023. The analysis of Russia's transportation system development dynamics was conducted using the index method with standardization based on the Mazziotta–Pareto index. A transport system efficiency index, developed based on standardized indicators, was applied.

Results. Overall, the Russian transport system meets domestic demand for transportation services. Exports of such services are limited not so much by the length of routes and the resulting high cost of transportation, but by the inefficiency of the system itself. Railroads remain the most efficient, while road and air transport are subject to sanctions and risks. The need for a new financing system for the development of Russia's transport system, based on the allocation of surplus revenues and their investment in transport development, is justified. It is proven that the potential efficiency of the Russian transport system is not being fully utilized.

Discussion and Conclusion. The novelty of the obtained results lies in the author's proposed approach to assessing the effectiveness of existing infrastructure and measures for its development, the implementation of which could lead to increased competitiveness of Russian transport services in the global market. Of interest to government agencies is the proposal to stimulate investment in transport infrastructure through the allocation of oil and gas revenues.

Keywords: transport services, infrastructure, Russia, problems, global market

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Sokolova E.S. Assessing the Effectiveness of the Russian Transport System: Analysis of Dynamics and Development Prospects. *Russian Journal of Regional Studies.* 2025;33(4):697–714 <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.697-714>

ВВЕДЕНИЕ

Транспортная система территории – основной драйвер ее экономики. Чем больше транспортных возможностей у экономического агента, тем быстрее и эффективнее работает система распределения в экономике государства в целом, а следовательно, повышается эффективность экономической деятельности, снижаются транспортные и транзакционные издержки, вызванные поиском способа доставки груза или пассажира в пункт назначения. Таким образом, транспортная система страны представляется одним из основных элементов развития экономики.

С другой стороны, транспорт как услуга – дополнительная возможность для региона с выгодным географическим положением выйти на мировой рынок услуг. Поставка транспортных услуг для многих развивающихся стран может не только повлиять на валовой внутренний продукт и экспорт в целом, но и стать одним из инструментов внешнеэкономической политики. Развитие транспортной инфраструктуры нередко влечет за собой совершенствование финансовой и социальной базы, инициировав синергетический эффект [1].

Россия обладает высоким потенциалом и выгодным географическим положением, соединяя Европу и Азию, и по сути предоставляет короткий путь для азиатских товаров в Европу. Сухопутные коридоры через Иран и Центральную Азию несколько длиннее и отличаются высокими рисками реализации долгосрочных проектов. Северный морской маршрут является кратчайшим по факту, но осложнен климатическими условиями.

При этом транспортная система РФ требует совершенствования, поскольку ее величина и качество до сих пор не соответствуют задачам в контексте формирования транспортных хабов мирового уровня. Здесь важно упомянуть о полемике по вопросу протяженности и плотности инфраструктуры в стране [2]: по ряду показателей можно предположить, что для сохранения ее эффективности в условиях большой территории не требуется высокая плотность коммуникаций. Тем не менее для эффективного развития экспорта транспортных услуг, особенно в условиях санкций и повысившихся рисков, РФ необходимо сформировать такую транспортную систему, затраты на использование которой были бы значительно ниже, чем в случае большей плотности.

В конечном счете задача сводится к развитию альтернативных транспортно-коммуникационных коридоров и устранению существующих проблем посредством повышения инфраструктурной плотности. Модернизация транспортной системы должна быть направлена на увеличение скорости грузопотоков и качества инфраструктурного обеспечения.

Текущие задачи развития российской экономики требуют реализации нескольких амбициозных стратегических проектов:

- 1) Арктического морского пути, открытого для китайских и азиатских товаров и продукции из дружественных стран;
- 2) модернизации Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей и существенного изменения их пропускной способности;
- 3) продвижения российского коридора в рамках инициативы «Один пояс – один путь»;
- 4) значительного изменения качества предоставляемых транспортных услуг, в том числе в части развития высокоскоростных магистралей;
- 5) реализации международного транспортного коридора «Север–Юг»¹.

Все названные проекты стратегически значимы для РФ, их реализация значительно нарастит пропускную способность отечественной транспортной системы, в частности для товаров из дружественных стран. Именно такая задача ставится

¹ Хегай Ю.А. Проблемы и перспективы развития транспортной системы в России. *Теория и практика общественного развития*. 2014;(4):205–208.

в Транспортной стратегии РФ до 2035 г.², и ее выполнение действительно позволит улучшить ситуацию вне зависимости от внешней конъюнктуры [3].

Названный документ предполагает широкое привлечение финансовых ресурсов корпоративного сектора, расширение государственно-частного партнерства, что в условиях высокой ключевой ставки, значительной неопределенности дальнейшего развития российской экономики, а также сложностей с пониманием рентабельности проектов в транспортной инфраструктуре видится маловероятным. В связи с этим нужно разработать финансовый механизм получения средств для реализации масштабных проектов с учетом высокой монополизации рынка государственными компаниями и необходимости изыскать государственные источники финансирования.

Цель исследования – оценить эффективность российского транспортного сектора и с учетом выявленных проблем (в первую очередь связанных с источниками финансирования развития инфраструктуры) разработать рекомендации по улучшению состояния транспортной системы РФ.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Развитие транспортной системы России – непростая задача для российских компаний и государства в целом. Исторически страна уже сталкивалась со сложностями формирования единой транспортной структуры и увязки ее отдельных частей [4]. После распада СССР перед РФ встал ряд вопросов: источники финансирования развития коммуникаций, выделение трудностей, требующих приоритетного внимания, ускорение прохождения грузов, выбор модели финансирования и т. д. Ключевые проблемы, связанные с этим, освещены в работах³ [5], что создает основу для систематизации проблем российского транспортного рынка.

Характеризуя современную ситуацию, авторы указывают на высокие барьеры санкций и негативное влияние пандемии на развитие логистики в России, а также акцентируют взаимозависимость развития российской и мировой транспортной системы [6]. Последнее в условиях санкций в аспекте инфраструктуры автомобильного транспорта имеет спорный характер; тем не менее другие выводы, в частности о ситуативном характере ограничений для транспортной системы РФ в целом, за исключением системных на маршрутах Север–Юг и Восток–Запад, представляются важными в контексте дальнейшего анализа.

Общая устойчивость транспортной системы РФ к санкциям [7] предполагает возможность оценить ее эффективность в динамике и получить сравнимые показатели. Подробный анализ проблематики и возможностей совершенствования регулирования отечественной транспортной инфраструктуры дан Т. Н. Букреевой и А. В. Поповой [8]. Они учли влияние санкций, охарактеризовали потенциал развития в значительной мере эмпирически.

Инновационные технологии цифрового мира могут предложить новые пути ускорения развития транспортной инфраструктуры России. Так, в [9] рассматривается решение на основе государственно-частного партнерства, однако, на наш взгляд, в краткосрочной перспективе это не даст существенного эффекта. Напротив,

² Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.11.2021 № 3363-р [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3QNggo> (дата обращения: 02.03.2025).

³ Fisenko A.I. Status, Problems and Challenges of Russian Transport and Logistics Complex Development. *Asia-Pacific Journal of Marine and Education*. 2011;1(1):31–42.

из-за нехватки финансовых ресурсов в стране, особенно в период санкционного давления, идеи, высказанные в [10], в первую очередь использование высокого потенциала малого и среднего предпринимательства в регионах, а также развитие инфраструктуры, например в Сибири [11], представляются перспективными.

Существует много подходов к оценке эффективности транспортной системы отдельной территории (города или региона). Так, критерии оценки эффективности обобщаются Д. М. Мартыновой⁴, конкретные методики – в [12]. Публикации сходны предметом анализа – эффективность транспортной системы города и предложение ее нескольких параметров. Индексы эффективности транспортной системы больше применимы к странам [13] и состоят из нескольких групп показателей.

Поскольку для РФ развитие транспортной системы обусловлено не столько экономически, сколько политически, выступает элементом обеспечения национальной безопасности, оценивать его эффективность, опираясь на экономические данные, представляется корректным только отчасти. Более релевантные подходы даны в работе [14], где проводится сравнение эффективности аналогичных систем в нескольких странах. При этом внимание сфокусировано на показателях пассажирооборота, хотя используются и другие параметры. Однако предлагаемые индикаторы адекватно отражают лишь статичную ситуацию, безотносительно динамики.

После 2022 года проблематика экспорта транспортных услуг РФ освещалась менее активно. Если до специальной военной операции (СВО) отмечалась необходимость господдержки, формирования логистических хабов для стимулирования экспорта транспортных услуг [15], а также роль России на мировом рынке [16], то с началом СВО акцентируется скорее развитие транспортной инфраструктуры отдельных регионов, стратегически значимых с точки зрения российского экспорта и импорта (например, Дальнего Востока) [17].

Таким образом, изучение научной литературы выявило ограниченность существующих подходов к конъюнктурному анализу российской транспортной отрасли в условиях санкционных ограничений и геополитической напряженности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Виды транспорта, включенные в анализ. Исследование базируется на комплексном анализе статистических данных и показателей работы транспортной системы Российской Федерации, а именно автомобильного, железнодорожного и авиатранспорта.

Основными видами транспорта в РФ являются железнодорожный, воздушный (авиационный) и трубопроводный (по грузообороту), также значительную роль в мультимодальных перевозках играют автомобильный и водный⁵. При этом трубопроводный исключен из рассмотрения ввиду его специфики и высокой степени государственного регулирования. Анализ водного транспорта затруднен в связи с тем, что в условиях санкций статистика по нему остается ненадежной и разрозненной.

⁴ Мартынова Д.М. Оценка эффективности функционирования транспортной системы города. *NovaInfo.RU*. 2017;1(66):128–132. <https://www.elibrary.ru/YPOWQX>

⁵ Морской и речной транспорт требуют дифференцированного подхода в анализе: их существенное различие в развитии на территории РФ обуславливает необходимость раздельного рассмотрения барьеров функционирования. При этом в контексте мультимодальных перевозок данные виды транспорта анализируются комплексно.

Речной же транспорт сегодня обеспечивает менее 1 % всех грузоперевозок по стране, что не позволяет считать его значимым элементом инфраструктурной сети [18].

Методика оценки эффективности транспортной системы РФ. Для России в новых условиях необходимо сформировать систему показателей эффективности, которая одновременно охватывала бы и транспортную систему, и модель финансирования ее развития. Например, расширение имеющейся инфраструктуры в части пропускных мощностей позволяет увеличить грузопоток, но не диверсифицировать страновую структуру экспорта. Это справедливо и в разрезе внутреннего транспорта: расширение уже имеющихся коммуникаций между крупными транспортными узлами не формирует новые возможности для удаленных регионов.

На базе статистического материала был разработан коэффициент эффективности транспортной системы страны TSEI (1):

$$TSEI = \frac{\Delta LR}{LR_0} : \frac{\Delta PI}{PI_0} + \frac{\Delta LR}{LR_0} : \frac{\Delta FI}{FI_0}, \quad (1)$$

где TSEI – цепной индекс, его значения математически должны стремиться к минимуму, но не могут быть равны нулю, поэтому в ситуации, когда длина путей не меняется, на их место подставляется значение 1; ΔLR – изменение длины путей; LR_0 – длина путей; ΔPI – изменение пассажиропотока; PI_0 – пассажиропоток; ΔFI – изменение грузопотока; FI_0 – грузопоток.

Очевидно, что колебания значений индекса могут быть значительны, если использовать ненормированные данные. Нормирование исходных данных предлагается осуществлять по формуле (2):

$$n = 100 \pm \left[\frac{y_i - E_y}{S_y} \right] \times 10, \quad (2)$$

где n – нормированное значение показателя; y_i – исходное значение, E_y – математическое ожидание показателя y (среднее значение), S_y – среднеквадратическое отклонение показателя y . В такой форме нормированные значения показателей варьируются от 70 до 130, что обусловлено свойствами нормального распределения (предположение о нормальности распределения исходных данных – одна из предпосылок исследования). Нормируются все данные, используемые в индексе, в связи с чем его значения колеблются от 1 (точнее, от 1,07) до 4.

В качестве исходных данных для расчета использовались открытые статистические материалы Росстата за 2000–2023 гг.⁶ по транспортной инфраструктуре, грузо- и пассажирообороту. Обработка данных заключалась в выделении необходимых рядов из представленных массивов без дополнительных преобразований.

Эффективность транспортной системы наибольшая при величине индекса около 2,5, поскольку при меньшем значении она функционирует под наивысшей нагрузкой, а при большем – с низким экономическим эффектом.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка текущей ситуации и эффективности российской транспортной системы. До начала СВО Россия предоставляла наилучшие возможности

⁶ Росстат: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport> (дата обращения: 02.03.2025).

транспортной доступности стран Европы для азиатских товаров и наоборот. В частности, это обеспечивалось низкими рисками (в сравнении с альтернативными маршрутами). Более того, как страна с высоким уровнем образования и серьезным природным потенциалом она могла выступать мостом между Азией и Европой⁷.

Одним из существенных проблемных моментов является низкое качество транспортной инфраструктуры РФ⁸. По данным Всемирного экономического форума, Россия занимает 134-е место из 165 по индексу качества дорог, а их плотность уступает показателям США, Канады и Австралии⁹.

Можно выделить следующие характеристики российской инфраструктуры, создающие проблемы для транспортного сектора:

1) небольшая протяженность дорог с высококачественным покрытием и низкая средняя скорость движения грузов как причина больших расходов на километр пути при перемещении товаров и пассажиров, особенно в случае маршрутов, не связывающих региональные центры;

2) сложные природные условия эксплуатации, определяющие увеличение ее износа, и частое отсутствие альтернативных маршрутов, ведущее к необходимости использовать несколько видов транспорта, что неизбежно приводит к удорожанию перевозки как услуги¹⁰;

3) концентрация грузо- и пассажиропотока в европейской части России, что влечет за собой значительный рост расходов на поставку дополнительных объемов грузов/пассажиров в периоды наибольшей загрузки коммуникаций¹¹;

4) недостаточное (несмотря на положительную динамику) качество – способствует увеличению длительности грузо-/пассажироперевозок и в итоге – снижению конкурентоспособности страны в части экспорта транспортных услуг и их стоимости;

5) с одной стороны, практически полное отсутствие вертикальной (меридиональной) инфраструктуры при ее необходимости, а с другой – слабая пропускная способность основных магистралей Запад–Восток, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, оборачиваются невозможностью освоить потенциальный грузопоток и вместе с тем – создать источник дополнительного дохода в государственный и региональный бюджеты, который можно было бы использовать в том числе для совершенствования инфраструктуры;

6) низкая эффективность инвестиций и высокая зависимость строительства новых объектов от политики в сфере нефтяных доходов¹².

⁷ Nosov M. Russia between Europe and Asia. *Rivista di Studi Politici Internazionali*. 2014;1(321):15–34.

⁸ Road Quality by Country 2024 [Электронный ресурс]. World Population Review. Available at: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/road-quality-by-country> (accessed 10.02.2025).

⁹ The World Fact Book [Электронный ресурс]. Central Intelligence Agency. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2085rank.html> (accessed 10.02.2025).

¹⁰ Тарасова О.В. Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН; 2020. 456 с.

¹¹ Там же.

¹² Зайцев А.Ю. Динамика и объем инвестиций в транспортную инфраструктуру России. В кн.: Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы IX Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 17–18 апреля 2023 г.: в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2023. Т. 1. С. 26–31.

В контексте выявленных проблем необходимо рассмотреть показатели инфраструктурной сети, а также перевозок. Общая динамика перевозок автомобильным и железнодорожным транспортом взаимокompенсирется начиная с 2020 г. (табл. 1).

Таблица 1. Динамика развития грузоперевозок железнодорожным и автомобильным транспортом в 2000–2023 гг., млн т¹³

Table 1. Dynamics of development of freight transportation by rail and road transport in 2000–2023, million tons

Год / Year	Вид транспорта / Mode of transport	
	железнодорожный / railway	автомобильный / road
2000	1 373,2	152,7
2001	1 433,6	159,9
2002	1 510,2	167,2
2003	1 668,9	173,1
2004	1 801,6	182,1
2005	1 858,1	193,6
2006	1 950,8	198,8
2007	2 090,3	205,8
2008	2 116,2	216,3
2009	1 865,3	180,1
2010	2 011,3	199,3
2011	2 127,8	222,8
2012	2 222,4	248,9
2013	2 196,2	250,1
2014	2 300,5	246,8
2015	2 305,9	247,1
2016	2 344,1	248,3
2017	2 493,4	254,5
2018	2 597,8	259,1
2019	2 602,5	275,4
2020	2 545,3	271,8
2021	2 639,4	296,7
2022	2 637,8	313,9
2023	2 638,3	362,2

Примечание / Note. Здесь и далее цветовая шкала указывает на интенсивность значений: более теплые оттенки соответствуют высоким значениям, холодные – низким / Here and further the color scale indicates the intensity of the values: warmer shades correspond to high values, cooler shades to low values.

Как видно из таблицы 1, волатильность автоперевозок объясняется зависимостью от экономического состояния страны, а именно спадом перевозок в 2008 г. (в результате мирового финансового кризиса), 2012 (вследствие связей

¹³ Таблицы 1, 2 и рисунок подготовлены автором по данным: Федеральная служба государственной статистики. Транспорт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/23455?print=1> (дата обращения: 10.02.2025).

с Европейским союзом, который в этом году вступил в долговой кризис) и 2020 г. (когда проявились основные последствия пандемии). Отметим отсутствие эффектов от начала СВО, что указывает на изменение направлений грузоперевозок и рост гибкости российской транспортной системы в целом, подкрепленный развитием инфраструктуры Восточного полигона и повышением пропускной способности транспортных путей в сибирской и дальневосточной части страны.

По предложенной методологии рассчитаем коэффициент эффективности транспортной системы РФ (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Коэффициенты эффективности железнодорожного, автомобильного и воздушного транспорта РФ

Table 2. Efficiency coefficients of the transport system and air transport of the Russian Federation

Год / Year	Коэффициент эффективности / Efficiency ratios		
	железных дорог / railways	автомагистралей / highways	воздушного транспорта / air transport
2000	2,98	2,60	1,83
2001	2,77	2,60	2,10
2002	2,42	2,55	2,10
2003	2,69	2,58	1,83
2004	2,71	2,53	2,10
2005	2,74	2,95	1,83
2006	2,77	2,70	1,83
2007	2,84	2,26	2,10
2008	2,59	2,56	2,38
2009	2,63	1,32	2,10
2010	2,69	2,24	2,65
2011	2,75	2,76	2,93
2012	2,48	2,41	2,93
2013	1,74	1,37	2,93
2014	2,50	2,37	3,20
2015	1,36	2,67	2,38
2016	2,75	3,12	2,65
2017	2,81	2,61	3,20
2018	1,11	3,55	3,20
2019	2,69	2,24	3,20
2020	2,09	2,55	3,20
2021	2,31	2,56	3,48
2022	2,03	2,88	1,55
2023	2,48	2,45	1,28

Как видно из таблицы 2, сравнительная эффективность автомобильных перевозок в России была в среднем ниже до 2019 г.¹⁴, позже ситуация изменилась на

¹⁴ Ryzkov A. Y., Zyuzin P. V. Urban Public Transport Development in Russia: Trends and Reforms: Basic Research Program. Working Papers. National Research University Higher School of Economics; 2016. 37 p. Available at: <https://wp.hse.ru/data/2016/12/06/1113069366/05URB2016.pdf> (accessed 10.02.2025).

противоположную. Отметим наличие феномена замещения: когда резко проседает эффективность железнодорожного транспорта, растет эффективность автомобильного, обратное, однако, не верно, из чего следует, что железнодорожный транспорт остается наиболее востребованным и значимым в РФ.

В целом российская транспортная система справляется с базовыми задачами, но при необходимости расширения грузопотока и/или его переориентации (как это происходит с 2022 г.) быстро адаптироваться неспособна.

Эмпирические данные свидетельствуют о том же. Так, Восточный полигон на текущем этапе справляется с функциями транспортировки, но при увеличении объема грузов значительная их часть задерживается¹⁵. В европейской части России, например в направлении от и к границе с Азербайджаном и Грузией, возникают значительные задержки из-за недостаточной пропускной способности автодорог, в частности трассы «Каспий»¹⁶.

Таким образом, при текущей загрузке железнодорожная и автомобильная инфраструктура России достаточна для перевозки определенного объема грузов, но требует решения имеющихся проблем, что предполагает либо увеличение ее протяженности за счет обходных путей или новых маршрутов [19], либо улучшение качества транспортных услуг.

Динамика грузоперевозок воздушным транспортом отражена на рисунке. С началом СВО объем грузоперевозок этим видом транспорта снизился сильнее, чем в связи с пандемией. Это доказывает, что ограничения в сфере обеспечения инфраструктуры влияют на транспортную систему значительнее, чем логистические.

Обратная ситуация наблюдается в авиаперевозках, где слабо применим разработанный индекс, в отличие от автомобильного и железнодорожного транспорта, для которых тоннокилометраж может быть четко рассчитан. Тем не менее в таблице 2 предложены его значения, которые для большинства периодов коррелируют с данными грузо- и пассажиропотока, так как открытие новых маршрутов происходит достаточно редко, особенно в условиях санкций, когда авиатранспорт переживает упадок из-за отсутствия международного страхования, нехватки деталей и новых судов¹⁷.

Воздушный транспорт, несмотря на небольшую долю в грузоперевозках (менее 5 %), играет важную роль в транспортной системе страны. Это связано с выполнением задач в области пассажирских перевозок, реализацией как экономических функций (туризма, бизнеса), так и социальных задач (обеспечения медицинских потребностей, связи удаленных территорий, образовательных поездок). Развитие сектора (производство новых самолетов, строительство и реконструкция аэропортов) способно повысить эффективность всей транспортной системы России, в том числе за счет расширения возможностей для срочных грузовых перевозок.

С точки зрения Евразийского экономического союза (ЕЭС) и в целом международных перевозок транспортная система РФ представляется важным узлом торговли как между странами ЕЭС, так и в евразийском регионе. Транснациональная

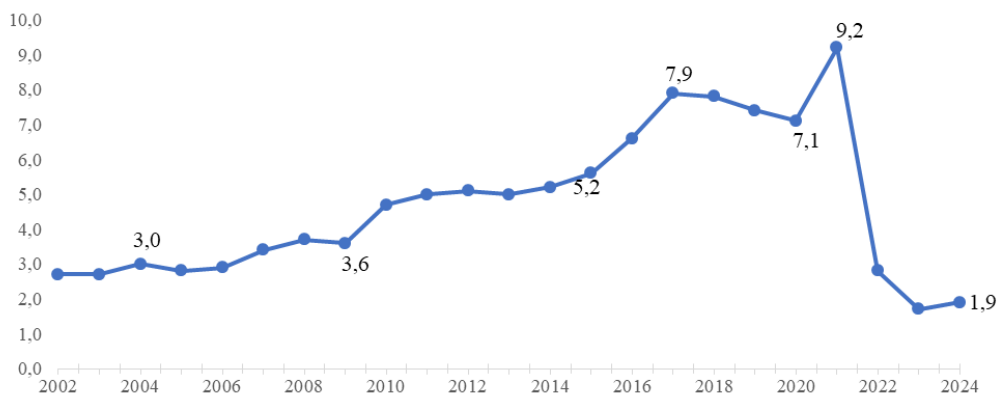
¹⁵ Восточный полигон РЖД: анализ проблем развития железнодорожной инфраструктуры 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3QQhnE> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁶ Проблемы автодорожной сети в России: низкое качество дорог, слабая межрегиональная связность, ограниченная грузоперевозка и другие вызовы [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/problemny-avtodorozhnoy-seti-v-rossii/> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁷ Политика санкций западных стран против России и ее влияние на гражданскую авиацию [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3PVEFM> (дата обращения: 10.02.2025).

торговля определяет тесноту интеграции стран ЕЭС [20], и ее развитие выгодно всем участникам. При этом КНР, Индия, государства Юго-Восточной Азии также заинтересованы в российской инфраструктуре: один из коридоров инициативы «Один пояс – один путь» проходит по территории России и является кратчайшим и самым безопасным из существующих маршрутом. Однако вследствие малой пропускной способности отечественной транспортной системы его реализация затруднена.

Р и с у н о к. Динамика грузоперевозок авиатранспортом в России, млн т

F i g u r e. Dynamics of air cargo transportation in Russia, million tons

Как было показано выше, транспортная система РФ может удовлетворить текущие потребности (по крайней мере, предоставить возможности для их удовлетворения), но не способна стимулировать развитие международной торговли в условиях санкций и продвижение российских транспортных услуг в качестве основной части евразийской инфраструктуры [21]. Наличие множества проблем железнодорожных коммуникаций, недостаток морских судов и трудности модернизации портовых комплексов, сложности с воздушными судами (МС-21, SJ-100) из-за отсутствия своевременных отечественных разработок и их каннибализация не позволяют говорить об устойчивом развитии транспортной системы РФ, тем более об экспорте транспортных услуг.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках исследования разработан подход к оценке эффективности инфраструктуры РФ, применимый к основным видам транспорта (железнодорожному, автомобильному, воздушному). Проведена оценка их эффективности, которая доказывает положение о достаточности транспортной системы РФ для удовлетворения текущих потребностей страны. Однако практически полное отсутствие меридиональных инфраструктурных связей приводит к тому, что перевозки по РФ имеют слабый экономический эффект, ситуация усугубляется наличием множества узких мест, что снижает эффективность российской транспортной системы в целом.

Несмотря на достаточное количество локальных проблем, удерживающих российский транспортный рынок от расширения, существует ряд задач, решить

которые необходимо в ближайшее время для обеспечения бесперебойного развития транспортной системы РФ. Систематизируем их:

1) развитие меридиональной инфраструктуры, что позволит сделать российскую экономику более взаимосвязанной, добиться улучшения показателей и увеличить объем национального рынка [22];

2) качественные автомобильные и высокоскоростные железные дороги, соединяющие европейскую и азиатскую части страны [23], что будет способствовать повышению мобильности товаров и людей, усилению экономической безопасности на Дальнем Востоке и Камчатке;

3) дешевые перелеты по территории страны. Средняя стоимость внутреннего рейса в России выше, чем в Европе (12,4 против 5,8 тыс. руб. с учетом резкого увеличения цен¹⁸). Учитывая факторы ценообразования и среднего дохода, заключаем, что такая ситуация – результат деятельности по монополизации рынка национальным перевозчиком и неоправданных затрат на эксплуатацию судов [24];

4) разработка технологий и экономической модели, позволяющих создать более долговечную инфраструктуру. Современная экономическая модель дорожного строительства в России не эффективна. У госкомпаний «Российские автомобильные дороги»¹⁹ есть все необходимые инструменты, но работа над бесплатной инфраструктурой ведется по остаточному принципу, тогда как резкий рост длины и высокое качество платных дорог не актуальны для национальной транспортной системы из-за их цены [25]. Наличие региональных компаний соответствующего профиля ситуацию практически не меняет. Тем не менее нельзя не отметить подвижки в последние годы, особенно вызванные расширением транспортных коридоров на восток и в направлении границы с Казахстаном;

5) способность ОАО «Российские железные дороги», естественной монополии, которой досталось наследие СССР, справиться в пиковые моменты с объемом пассажиро- и грузопотока. Экономическая модель работы компаний-монополистов сомнительна, хотя неизбежность их наличия в данном секторе транспорта обоснована. Отметим, что в РФ ситуация осложнена низкой эффективностью как самой железнодорожной инфраструктуры, так и слабым контролем над тарифами в периоды пиковой нагрузки. Кроме того, с учетом высоких тарифов распределение налоговых поступлений видится либо недостаточно результативным, либо нецелевым²⁰ [26];

6) привлечение иностранных инвестиций в инфраструктуру без передачи контроля (даже частичного) над ней иностранным акторам. Отказ от общей с КНР скоростной железной дороги Казань – Москва²¹, низкая активность в международных институтах, предоставляющих финансирование (в Новом банке развития и т. д.), ограничивают возможности российской экономики в совершенствовании

¹⁸ Средняя цена на внутрироссийские рейсы в 2022 году выросла на 8 % [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16557829> (дата обращения: 22.02.2025) ; Эпоха бюджетных авиаперелетов в Европе подходит к концу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atorus.ru/node/48717> (дата обращения: 22.02.2025).

¹⁹ Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года...

²⁰ Razumovskaya E.M., Lapidus L.V., Mishakin T. Features and Peculiarities of the Russian Passenger Rail Market Development. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014;5(18):165–170. <https://doi.org/10.5901/mjss.2014.v5n18p165>

²¹ Ibid.

транспортной системы. Санкции слабо повлияли на восприятие проблемы, хотя значительно ограничили возможности вовлечения иностранных компаний.

Эффективность инфраструктуры РФ во многом зависит от ситуации на мировом рынке, в частности рынке нефти и газа, санкционного давления, в связи с чем необходимо изменить инвестиционную модель развития инфраструктуры в РФ.

В значительной мере разработка финансового механизма получения средств с учетом высокой монополизации рынка государственными компаниями и необходимости изыскать государственные источники финансирования видится частью, во-первых, политики резервирования и использования нефтегазовых доходов Фонда национального благосостояния, а во-вторых, – крупных государственных компаний в части софинансирования проектов. Тем не менее представляется важным решить задачи добровольного привлечения средств физических лиц и контроля над использованием средств бюджета на развитие инфраструктуры в долгосрочном периоде в увязке с качеством последней.

Сказанное позволяет в полной мере оценить дуальность ситуации в сфере транспортной инфраструктуры РФ. Очевидно, что ее строительство является капиталоемким: необходимость в дополнительных финансовых ресурсах высока. Для решения проблемы, связанной, в частности, с недостаточной плотностью и низким качеством инфраструктуры, на основе математического и эмпирического анализа для улучшения состояния транспортной системы РФ и увеличения доходов от экспорта транспортных услуг предлагается привлекать:

а) частные инвестиции, для чего создать соответствующий национальный фонд развития, гарантии возвратности инвестиций в который будут обеспечивать несколько крупнейших банков России совместно с государством. Эти средства можно направить на развитие коммуникаций Сибири и Дальнего Востока, например Транссибирской магистрали. Сам фонд будет формироваться на основе либо избыточных нефтегазовых доходов, либо дополнительных доходов от налоговой трансформации в РФ;

б) частные иностранные инвестиции в отдельные элементы инфраструктуры, но в условиях санкционного давления не приходится рассчитывать на большой их объем [27]. Однако реализация государственно-частного партнерства может стать вариантом содействия в развитии транспортной инфраструктуры посредством выпуска гособлигаций транспортного займа, вовлечения частных инвесторов в крупные проекты (например, международный транспортный коридор (МТК) «Север–Юг») через открытый сбор заявок на интересующие их работы и т. п.;

с) инвестиции из стран Евразийского экономического союза, в частности с применением механизмов Евразийского банка развития, что тоже вряд ли принесет большое количество ресурсов, поскольку страны-участницы сталкиваются с теми же проблемами на национальном уровне [28], однако достаточно перспективно в вопросе построения вертикальной международной инфраструктуры на пространстве Содружества Независимых Государств;

д) к сотрудничеству в сфере получения капитала международные институты, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Азиатский банк развития после снятия части санкций. Рационально использовать китайский капитал в рамках проекта «Один пояс – один путь», например для развития инфраструктуры между Казахстаном и РФ, а также на Европейской территории России.

Качество и региональное распределение также являются важными аспектами функционирования инфраструктуры. Известно, что суровые климатические условия диктуют необходимость более совершенных технологий строительства. Россия обладает мощным технологическим наследием СССР, но требуется ужесточить выполнение стандартов и контроль в сфере строительства. При реализации международных инфраструктурных проектов можно воспользоваться иностранными технологиями и инвестициями на отдельных участках, чтобы после модернизации задействовать их в сходных условиях на территории РФ. Сегодня такой крупный проект один – МТК «Север–Юг».

Развитие транспортной инфраструктуры РФ, которое, как ожидается, приведет к ее более равномерному распределению на территории страны, возможно исключительно с использованием государственно-частного партнерства либо государственных бюджетных средств. В связи с этим предлагается модернизировать механизмы оценки эффективности вложений в инфраструктуру в долгосрочном периоде, а именно включить оценку скорости ее износа как один из показателей эффективности использования бюджетных средств. Чем он фактически меньше (требует контроля на местах, а не нормативного), тем результативнее используются средства на строительство инфраструктуры.

Таким образом, процесс совершенствования транспортной системы РФ, с тем чтобы она соответствовала международным стандартам и требованиям изменения внешнеторгового потока, могла обеспечить выход российских транспортных услуг на международный уровень, – комплексный и требует значительных временного промежутка и финансовых ресурсов.

Эмпирическое исследование, а также изучение литературы по рассматриваемой теме показало, что инфраструктура России способна обеспечивать базовые потребности страны в транспорте, но расширение присутствия РФ на международном рынке, особенно в ситуации санкций, когда требования к соотношению стоимости и рисков транспортировки завышены, с таким состоянием коммуникаций затруднено. Увеличение экспорта транспортных услуг РФ возможно только в комплексе с развитием инфраструктуры, что предполагает формирование механизма трансфера прибылей между секторами национальной экономики. Предложенные меры позволяют в общих чертах оценить новую модель содействия развитию российской транспортной системы в действующих условиях (давление санкций и переориентация торговых потоков на восток).

Практическая значимость исследования определяется предложенной методикой оценки эффективности транспортной системы, которая может быть применена как государственными органами (Федеральное дорожное агентство), так и ведущими акторами коммерческого сектора (ОАО «Российские железные дороги»).

В части перспективных направлений исследований отметим разработку отраслевых показателей для отдельных видов транспорта с учетом уже разработанного индекса.

Объективные ограничения работы связаны, в частности, со сложностями в оценке спроса на российские транспортные услуги внутри страны как на воздушном, так и на автомобильном транспорте из-за присутствия иностранных перевозчиков. Кроме того, изменения грузо- и пассажиропотока, вызванные геополитическими событиями, способны повлиять на значения индекса, в результате чего реальная

эффективность работы транспортной системы Российской Федерации может отличаться от расчетных показателей. Также существенным ограничением является неучет роли таких видов транспорта, как трубопроводный, речной и морской, что затрудняет объективную оценку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Petrov A., Geraskina I. Synergistic Approach to the Management of Transport Infrastructure Projects. *Transportation Research Procedia*. 2017;(20):499–504. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2017.01.081>
2. Лавриненко П.А., Ромашина А.А., Степанов П.С., Чистяков П.А. Транспортная доступность как индикатор развития региона. *Проблемы прогнозирования*. 2019;(6):133–146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transportnaya-dostupnost-kak-indikator-razvitiya-regiona> (дата обращения: 02.03.2025).
3. Терешкина Н.Е., Халтурина О.А. Проблемы механизмов реализации Транспортной стратегии РФ. *Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике*. 2024;(4):18–20. URL: <https://rostransport.elpub.ru/jour/article/view/213> (дата обращения: 10.10.2025).
4. Переселенков Г.С. Транспортное строительство в развитии Единой транспортной системы России. *Транспортные сооружения*. 2018;5(1):1–36. <https://doi.org/10.15862/11SATS118>
5. Миркина О. Состояние транспортной отрасли России и основные тенденции ее развития. *Транспорт и информационные технологии*. 2022;(12):104–122. <https://doi.org/10.12731/2227-930X-2022-12-1-104-122>
6. Арский А.А., Жильцова О.Н., Жильцов Д.А. Тенденции трансформации транспортной отрасли России. *Вестник евразийской науки*. 2023;15(5):82ECVN523. URL: <https://esj.today/PDF/82ECVN523.pdf> (дата обращения: 02.03.2025).
7. Бушуев Н.С., Мухина К.П. Развитие транспортного комплекса Российской Федерации под давлением санкций 2022 года. *Известия Петербургского университета путей сообщения*. 2023;20(2):267–272. <https://www.elibrary.ru/OZQDVM>
8. Букреева Т.Н., Попова А.В. Перспективы развития транспортного потенциала Российской Федерации в трансформирующемся мире. *Вестник евразийской науки*. 2024;16(5):12ECVN524. URL: <https://esj.today/PDF/12ECVN524.pdf> (дата обращения: 02.03.2025).
9. Morozyuk Y.V., Krasnyuk I.N., Komarov V.M., Rebrikova N.V., Dubrova M.V. The Prospects of Modernization in the Transport and Logistics Services in Russia Using Innovative Mechanism. *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2019;10(2):1762–1768. <https://www.elibrary.ru/SEFCNX>
10. Dybskaya V.V., Vinogradov A.B. Promising Directions for the Logistics Service Providers Development on the Russian Market in Times of Recession. *Transport and Telecommunication*. 2018;19(2):151–163. <https://www.elibrary.ru/UYFRRJ>
11. Lukinykh V.F., Pyzhikova N.I., Shvalov P.G. Development of Logistics Infrastructure in Yenisey Siberia. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2019;(315):022058. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/315/2/022058>
12. Dingil A.E., Schweizer J., Rupl F., Stasiskiene Z. Transport Indicator Analysis and Comparison of 151 Urban Areas, Based on Open Source Data. *European Transport Research Review*. 2018;10(58):1–9. <https://doi.org/10.1186/s12544-018-0334-4>
13. Карпенко Е.М., Карпенко В.М. Критерии оценки эффективности функционирования региональной транспортно-логистической системы. *Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление*. 2020;(2):84–90. URL: <https://clck.ru/3QMkpK> (дата обращения: 02.03.2025).
14. Rygzynov T.Sh., Batomunkuev V.S., Gomboev B.O. et al. Efficiency of Transport Infrastructure in Asian Russia, China, Mongolia, and Kazakhstan in the Context of Creating New Trans-Eurasian Transport Corridors. *Sustainability*. 2023;15(12):9714. <https://doi.org/10.3390/su15129714>
15. Ткаченко Д.И. Перспективы развития экспорта транспортно-логистических услуг России. *Вестник университета*. 2020;(7):83–87. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-7-83-88>
16. Воронцова С.Д., Гордеев Н.М. Основные направления развития экспорта транспортных услуг и повышения конкурентоспособности российского транспортного комплекса (ч. I). *Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике*. 2020;(5):3–8. <https://elibrary.ru/KCCNMA>
17. Бардаль А.Б. Предложение транспортных услуг на Дальнем Востоке: пространственные характеристики и ключевые показатели. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 2023;(3):5–21. URL: <https://clck.ru/3QMofZ> (дата обращения: 02.03.2025).

18. Gnezdova Y.V., Glekova V.V., Adamov N.A., Bryntsev A.N., Kozenkova T.A. Development Prospects of the Transport Infrastructure of Russia in the Conditions of Development of the Market of Transport and Logistic Services. *European Research Studies Journal*. 2017;20(4A):619–631. <https://elibrary.ru/UYGFYC>
19. Голубчик А.М., Пак Е.В. Экономические санкции в отношении России: транспортный аспект. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022;(3):50–58. <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/171> (дата обращения: 10.10.2025).
20. Mekhdiiev E., Pashkovskaya I., Takmakova E., Smirnova O., Sadykova K., Poltorykhina S. Conjugation of the Belt and Road Initiative and Eurasian Economic Union: Problems and Development Prospects. *Economies*. 2019;7(4):118. <https://doi.org/10.3390/economies7040118>
21. Czerewacz-Filipowicz K. The Eurasian Economic Union as an Element of the Belt and Road Initiative. *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe*. 2019;22(2):23–37. <https://doi.org/10.2478/cer-2019-0010>
22. Федоренко Р.В. Проблемы развития таможенно-логистической инфраструктуры международного транспортного коридора «Восток – Запад». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2020;28(3):491–504. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-491-504>
23. Пономарев Ю.Ю., Радченко Д.М. Оценка эффектов развития высокоскоростного железнодорожного сообщения: мировой опыт и перспективы России. *Проблемы прогнозирования*. 2023;34(1):182–192. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-182-192>
24. Chsherbakov V.S., Gerasimov O.A. Air Transport in Russia and its Impact on the Economy. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2019;(48):283–304. <https://doi.org/10.17223/19988648/48/20>
25. Pugachev I.N., Kulikov Yu.I., Telnova S.V. Innovative Development of the Automobile and Road Complex. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2020;(832):012066. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/832/1/012066>
26. Лапидус Б.М., Мишарин А.С. Грузопассажирская высокоскоростная железнодорожная магистраль «ТрансЕвразия»: уникальный мегапроект. *Экономика региона*. 2018;14(2):339–352. URL: <https://clck.ru/3QMzjF> (дата обращения: 17.11.2025).
27. Tyll L., Pernica K., Arltová M. The Impact of Economic Sanctions on Russian Economy and the RUB/USD Exchange Rate. *Journal of International Studies*. 2018;11(1):21–33. URL: https://www.jois.eu/files/2_481_Tyll%20et%20al.pdf (дата обращения: 02.03.2025).
28. Лихачева А.Б., Макаров И.А., Пестич А.С. Создание общей инфраструктуры Евразии: повестка для Евразийского экономического союза. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2017;13(3):97–112. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-03-06>

REFERENCES

1. Petrov A., Geraskina I. Synergistic Approach to the Management of Transport Infrastructure Projects. *Transportation Research Procedia*. 2017;(20):499–504. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2017.01.081>
2. Lavrinenko P.A., Romashina A.A., Stepanov P.S., Chistyakov P.A. [Transport Accessibility as an Indicator of Regional Development.] *Studies on Russian Economic Development*. 2019;(6):133–146. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transportnaya-dostupnost-kak-indikator-razvitiya-regiona> (accessed 02.03.2025).
3. Tereshkina N.E., Khalturina O.A. Problems of Implementation Mechanisms of the Transport Strategy of the Russian Federation. *Transport of the Russian Federation*. 2024;(4):18–20. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://rostransport.elpub.ru/jour/article/view/213> (accessed 02.03.2025).
4. Pereselenkov G.S. Transportation Construction in the Development of an Integrated Transport System of Russia. *Russian Journal of Transport Engineering*. 2018;5(1):1–36. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15862/11SATS118>
5. Mirkina O. State of Transport Industry of Russia and Main Trends of its Development. *Transportation and Information Technologies in Russia*. 2022;(12):104–122. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.12731/2227-930X-2022-12-1-104-122>
6. Arsky A.A., Zhiltsova O.N., Zhiltsov D.A. Trends in Transformation of the Russian Transport Industry. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023;15(5):82ECVN52. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://esj.today/PDF/82ECVN523.pdf> (accessed 02.03.2025).
7. Bushuev N.S., Muhina K.P. Development of the Transport Complex of the Russian Federation under the Pressure of Sanctions in 2022. *Proceedings of Petersburg Transport University*. 2023;20(2):267–272. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/OZQDVM>

8. Bukreeva T.N., Popova A.V. Prospects for the Development of Transport Potential of the Russian Federation in a Transforming World. *The Eurasian Scientific Journal*. 2024;16(5):12ECVN524. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://esj.today/PDF/12ECVN524.pdf> (accessed 02.03.2025).
9. Morozyuk Y.V., Krasnyuk I.N., Komarov V.M., Rebrikova N.V., Dubrova M.V. The Prospects of Modernization in the Transport and Logistics Services in Russia Using Innovative Mechanism. *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2019;10(2):1762–1768. <https://www.elibrary.ru/SEFCNX>
10. Dybskaya V.V., Vinogradov A.B. Promising Directions for the Logistics Service Providers Development on the Russian Market in Times of Recession. *Transport and Telecommunication*. 2018;19(2):151–163. <https://www.elibrary.ru/UYFRRJ>
11. Lukinykh V.F., Pyzhikova N.I., Shvalov P.G. Development of Logistics Infrastructure in Yenisey Siberia. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2019;(315):022058. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/315/2/022058>
12. Dingil A.E., Schweizer J., Rupi F., Stasiskiene Z. Transport Indicator Analysis and Comparison of 151 Urban Areas, Based on Open Source Data. *European Transport Research Review*. 2018;10(58):1–9. <https://doi.org/10.1186/s12544-018-0334-4>
13. Karpenko Ye.M., Karpenko V.M. Criteria for Assessing the Efficiency of Functioning Regional Transport and Logistics System. *Proceedings of BSTU. Series 5: Economics and Management*. 2020;(2):84–90. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3QMkpK> (accessed 02.03.2025).
14. Rygzynov T.Sh., Batomunkuev V.S., Gomboev B.O. et al. Efficiency of Transport Infrastructure in Asian Russia, China, Mongolia, and Kazakhstan in the Context of Creating New Trans-Eurasian Transport Corridors. *Sustainability*. 2023;15(12):9714. <https://doi.org/10.3390/su15129714>
15. Tkachenko D.I. Prospects for the Development of Transport and Logistics Services of Russia. *Vestnik universiteta*. 2020;(7):83–87. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-7-83-88>
16. Vorontsova S.D., Gordeenko N.M. Principal Directions in Development of Transport Services Export and Increasing Competitiveness of the Russian Transport System (P. 1). *Transport of the Russian Federation*. 2020;(5):3–8. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/KCCHMA>
17. Bardal A.B. Provision of Transportation Services in the Russian Far East: Spatial Characteristics and Key Indicators. *The Bulletin of the Far Eastern Federal University*. 2023;(3):5–21. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3QMofZ> (accessed 02.03.2025).
18. Gnezdova Y.V., Glekova V.V., Adamov N.A., Bryntsev A.N., Kozenkova T.A. Development Prospects of the Transport Infrastructure of Russia in the Conditions of Development of the Market of Transport and Logistic Services. *European Research Studies Journal*. 2017;20(4A):619–631. <https://elibrary.ru/UYGFYC>
19. Golubchik A.M., Pak E.V. Economic Sanctions Against Russia: A Transport Perspective. *Russian Foreign Economic Journal*. 2022;(3):50–58. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/171> (accessed 02.03.2025).
20. Mekhdiiev E., Pashkovskaya I., Takmakova E., Smirnova O., Sadykova K., Poltorykhina S. Conjugation of the Belt and Road Initiative and Eurasian Economic Union: Problems and Development Prospects. *Economies*. 2019;7(4):118. <https://doi.org/10.3390/economies7040118>
21. Czerewacz-Filipowicz K. The Eurasian Economic Union as an Element of the Belt and Road Initiative. *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe*. 2019;22(2):23–37. <https://doi.org/10.2478/cer-2019-0010>
22. Fedorenko R.V. Problems of Developing the Customs and Logistics Infrastructure of the East-West International Transport Corridor. *RUDN Journal of Economics*. 2020;28(3):491–504. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-491-504>
23. Ponomarev Yu.Yu., Radchenko D.M. Assessing of the Effects of High-Speed Rail Development: Global Experience and Russia's Outlook. *Studies on Russian Economic Development*. 2023;34(1):124–131. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-182-192>
24. Chsherbakov V.S., Gerasimov O.A. Air Transport in Russia and its Impact on the Economy. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2019;(48):283–304. <https://doi.org/10.17223/19988648/48/20>
25. Pugachev I.N., Kulikov Y.I., Telnova S.V. Innovative Development of the Automobile and Road Complex. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2020;(832). 012066. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/832/1/012066>

26. Lapidus B.M., Misharin A.S. Cargo-and-Passenger High-Speed Railway “TransEurasia”: A Unique Megaproject. *Economy of Region*. 2018;14(2):339–352. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3QMzjF> (accessed 02.03.2025).
27. Tyll L., Pernica K., Arltová M. The Impact of Economic Sanctions on Russian Economy and the RUB/USD Exchange Rate. *Journal of International Studies*. 2018;11(1):21–33. Available at: https://www.jois.eu/files/2_481_Tyll%20et%20al.pdf (accessed 02.03.2025).
28. Likhacheva A., Makarov I., Pestich A. Building a Common Eurasian Infrastructure: Agenda for the Eurasian Economic Union. *International Organizations Research Journal*. 2017;13(3):97–112. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-03-06>

Об авторе:

Елизавета Сергеевна Соколова, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4237-548X>, Scopus ID: 57207988644, SPIN-код: 6985-7310, sokolovaes65@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 17.10.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 19.05.2025.

About the author:

Elizaveta S. Sokolova, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Head of the Chair of World Economy and World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradskii Prospekt, Moscow 125167, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4237-548X>, Scopus ID: 57207988644, SPIN-code: 6985-7310, sokolovaes65@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 17.10.2024; revised 12.05.2025; accepted 19.05.2025.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.715-734>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/cprtva>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 37.025:332.025.28–057.875

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Рамки памяти провинциальной студенческой молодежи о массовых политических репрессиях: между семейными нарративами и цифровыми экосистемами

О. А. Богатова

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)
bogatovaao@gmail.com*

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена политическим использованием трудной памяти в современном российском дискурсе и дефицитом исследований памяти поколения центениалов о массовых политических репрессиях советского периода. Цель работы – охарактеризовать рамки памяти центениалов о репрессиях в истории семьи с учетом доступных им источников, технологий доступа к информации и взаимодействия семейных воспоминаний с официальным режимом памяти.

Материалы и методы. Эмпирическую основу статьи составили данные количественного (анкетный онлайн-опрос учащихся вузов и ссузов Республики Мордовия, $n = 700$, многоступенчатая комбинированная выборка) и качественного (30 глубинных интервью со студентами Национального исследовательского Мордовского государственного университета различных направлений подготовки) социологических исследований, предпринятых в 2023 г.

Результаты исследования. Выявлены основные источники (включая устные воспоминания членов семьи, учебники, художественные и научно-популярные фильмы и литературу, традиционные и цифровые архивы, тематические интернет-сайты) и технологии доступа к информации о массовых политических репрессиях. Показано, что при наличии мотивации студенты используют нейропоиск, цифровые архивы и генеалогические сайты (MyHeritage, Geni.com) для восполнения знаний о семейном прошлом. Названы формы включения семейных воспоминаний в публичный нарратив (красоведческие олимпиады, публикации, музеи). Определены типологические характеристики мнемонического поведения центениалов: плюралистический агонизм либо уклонение от мнемонических конфликтов. Режим коммуникации о советском прошлом охарактеризован как плюралистический и пилларизованный, в целом соответствующий доминирующему историческому нарративу, который осуждает политические репрессии, но уклоняется от оценок советского периода в целом.

© Богатова О. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Раскрыты преобладающие способы управления содержанием и структурой семейной памяти о репрессиях: индивидуализация семейной истории, историзация в форме деактуализации либо метаисторической рефлексии, конструирование собственного нарратива отечественной истории (у студентов-историков).

Обсуждение и заключение. Исследование ставит под сомнение универсальную ценность концепта трансгенерационной травмы, показывая, что обсуждение семейных воспоминаний у центениалов строится на выборе между агонистической и уклонистской установками. Это позволяет охарактеризовать режим коммуникации о репрессиях как разделенный, но не расколотый. Результаты подтверждают валидность процессно-реляционного подхода и указывают на необходимость его применения в дальнейших поколенческих исследованиях, а также на важность изучения социальных факторов фреймирования семейных воспоминаний в процессе их трансформации в «постпамять».

Ключевые слова: цифровая память, экология памяти, социальная память, рамки памяти, советское прошлое, массовые репрессии, мнемонический режим, мнемонические акторы, студенческая молодежь, поколение Z

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» (проект №1/2023 «Репрезентации исторической памяти в социальных медиа как фактор конструирования российской идентичности молодежи: цифровые вызовы и пути решения»).

Для цитирования: Богатова О.А. Рамки памяти провинциальной студенческой молодежи о массовых политических репрессиях: между семейными нарративами и цифровыми экосистемами. *Региология.* 2025;33(4):715–734. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.715-734>

The Frames of Provincial Student Youth's Memory of Mass Political Repression: between Family Narratives and Digital Ecosystems

O. A. Bogatova

National Research Mordovia State University
(Saransk, Russian Federation)
bogatovaoa@gmail.com

Abstract

Introduction. The relevance of this study stems from the political use of difficult memories in contemporary Russian discourse and the lack of research on the memories of the centennial generation regarding mass political repression during the Soviet period. The aim is to characterize the scope of centennials' memories of repression in family history, taking into account the sources available to them, technologies for accessing information, and the interaction of family memories with the official memory regime.

Materials and Methods. The empirical basis of the article is based on quantitative (online questionnaire survey of students of universities and colleges of the Republic of Mordovia, $n = 700$, multi-stage combined sample) and qualitative (30 in-depth interviews with students of the National Research Mordovia State University of various fields of study) sociological research conducted in 2023.

Results. The main sources (including oral recollections of family members, textbooks, artistic and popular science films and literature, traditional and digital archives, thematic websites) and technologies for accessing information about mass political repression have been identified. It has been shown that, when motivated, students use neurosearch, digital archives, and genealogical websites (MyHeritage, Geni.com) to fill in gaps in their knowledge about their family's past. Forms of incorporating family memories into the public narrative (local history competitions, publications, museums) have been identified. The typological characteristics of the mnemonic behavior of centenarians are defined: pluralistic agonism or avoidance of mnemonic conflicts. The mode of communication about the Soviet past is characterized as pluralistic and pillarized, generally corresponding to the dominant historical narrative, which condemns political repression but avoids assessments of the Soviet period as a whole. The prevailing methods of managing the content and structure of family memory about repression are revealed: individualization of family history, historicization in the form of deactualization or meta-historical reflection, and the construction of one's own narrative of national history (among history students).

Discussion and Conclusion. The study questions the universal value of the concept of transgenerational trauma, showing that the discussion of family memories among centenarians is based on a choice between

agonistic and evasive attitudes. This allows us to characterize the mode of communication about repression as divided but not split. The results confirm the validity of the relational approach and point to the need for its application in further generational studies, as well as the importance of studying the social factors of framing family memories in the process of their transformation into “post-memory”.

Keywords: digital memory, memory ecology, social memory, memory frameworks, Soviet past, mass repression, mnemonic regime, mnemonic actors, student youth, generation Z

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The research was supported by the Svetoslav Foundation for Russian Civilization (Project No. 1/2023 on the topic “Representations of historical memory in social media as a factor in constructing the Russian identity of young people: digital challenges and solutions”).

For citation: Bogatova O.A. The Frames of Provincial Student Youth's Memory of Mass Political Repression: between Family Narratives and Digital Ecosystems. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(4):715–734. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.715-734>

ВВЕДЕНИЕ

Менеджменту меморизации жертв массовых политических репрессий в современном мире уделяется не меньше внимания, чем устранению потенциальных причин аналогичных трагических событий. В российских практиках исследования и памятования советских репрессий, как и других трагических событий прошлого, сегодня применяются такие теоретические модели, как процессно-реляционный подход к осмыслению и конструированию социальных «рамочек памяти», метаисторическая рефлексия, междисциплинарный подход коллективной травмы, характерный для транснационального мнемонического активизма и активистских исследований.

Актуальность проблемы социальной памяти молодежи о массовых политических репрессиях советского периода обусловлена, с одной стороны, дефицитом подобных исследований в отношении российской молодежи поколения центениалов (представленных, например, в публикациях М. Ф. Горшкова, Р. Э. Бараш [1], Ю. В. Зевако [2], А. Н. Кравцовой и Е. Л. Омельченко [3]) и миллениалов [4], социализировавшихся в XXI в.; с другой – политическим использованием трудной памяти в российском общественном и академическом дискурсе. Реактуализация и политизация коллективной памяти о событиях прошлого ради решения насущных проблем, включая формирование общей идентичности политического сообщества, целенаправленное конструирование позитивных или негативных «мифов основания», управление социальными процессами памятования или забвения героических и трагических страниц истории, являются предметом осмысления социологов начиная с теории социальных «рамочек памяти» М. Хальбвакса¹.

Исследователи посткоммунистической памяти М. Бернارد и Я. Кубик формулируют концепты «мнемонического поля» как коммуникационную среду взаимодействия агентов коллективной памяти и «режимов памяти» в виде наборов культурных и институциональных практик, предназначенных для публичного памятования, включая официальные режимы сохранения памяти, которые формируют государство или влиятельные политические сообщества. Авторы выделяют расколотые (фрагментированные) режимы с непримиримыми конфликтами по поводу взаимоисключающих версий; пилааризованные (разделенные), характеризующиеся обособленным сосуществованием мнемонических акторов с различными

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство; 2007. 348 с.

взглядами в общих нормативных рамках либо попытками диалога; объединенные (унифицированные), основанные на всеобщем мнемоническом консенсусе².

Цель статьи – охарактеризовать рамки памяти центениалов о массовых политических репрессиях в истории семьи с учетом доступных им источников и технологий доступа к информации, форм взаимодействия семейных воспоминаний с официальным режимом памяти, институциональной инфраструктурой и цифровыми экосистемами социальной памяти. Будет показано, какие социальные установки в публичной коммуникации центениалов формируются благодаря множественности интерпретаций советского прошлого в институциональной и цифровой среде и как они становятся основой плюралистического мнемонического поля и пиларизованного (разделенного) режима памяти о репрессиях.

На основе анализа количественных данных массового опроса и тематического анализа качественных данных мы попытаемся решить следующие задачи: 1) выявить основные источники и технологии доступа к информации о массовых политических репрессиях; 2) охарактеризовать формы взаимодействия семейных воспоминаний о репрессиях с доминирующим историческим нарративом и институциональной инфраструктурой памяти; 3) исходя из анализа реакций на потенциально конфликтные мнемонические ситуации в межличностной и цифровой коммуникации дать основные типологические характеристики мнемонического поведения центениалов (установка на борьбу, плюралистическую коммуникацию, уклонение или проспективизм); 4) описать преобладающий мнемонический режим устной и цифровой коммуникации о советском прошлом на основе типологии М. Бернарда и Я. Кубика; 5) выявить основные способы управления содержанием и структурой памяти о репрессиях, включая ее место в семейной истории, индивидуализацию или формирование мнемонического сообщества, ретравматизацию либо историзацию как способ деактуализации травматических событий в процессе публичной коммуникации.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблемам коммеморации жертв массовых политических репрессий в современной России, в менеджменте памяти о них и, шире, о советском прошлом в контексте политики памяти, направленной на создание позитивной государственно-гражданской идентичности, включения в этот процесс индивидуальных свидетельств и семейных историй, посвящен ряд научных исследований [5–8].

Идеологические и теоретические рамки описания негативного социального опыта в постсоветском российском обществе сформировались под влиянием процессов декоммунизации в бывших социалистических странах, концепций коллективной травмы и транснациональных практик мнемонического активизма, частично уравновешенных политикой секьюритизации в качестве элемента, обеспечивавшего национальную безопасность³ героического нарратива о Великой Отечественной войне как событии, прямо связанном с основанием современной российской государственности [5, с. 201].

² Bernhard M., Kubik J. (eds.) *Twenty Years After Communism. The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford Scholarship Online; 2014. 362 p.

³ Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография. Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге; 2020. С. 12.

По оценкам А. И. Миллера, историческую основу политики идентичности постсоветской России уже в 1990-е гг. составил примирительный нарратив, включивший достижения дореволюционного и советского периодов отечественной науки [7, с. 132]. Он оказался под вопросом вследствие конфликтно-антагонистической политики по отношению к коммунистическому прошлому политики памяти Евросоюза [8, с. 116–117], основанной на презентистской концепции прошлого как актуального компонента настоящего, юридизации прошлого, концептах культурной травмы [9, с. 3, 13] и ретравматизации в качестве реактуализации исторических травм⁴, ориентации на немецкий опыт проработки нацистского прошлого [8, с. 139; 10, с. 5].

В российском контексте эти подходы нашли отражение в объяснении проблемных аспектов постсоветских трансформаций травмой сталинизма [11, с. 2–4] и альтернативных по отношению к официальному режиму памяти практиках транснационального мнемонического активизма. К последним можно отнести проекты сохранения физических («Последний адрес») и цифровых следов памяти о репрессиях («Бессмертный барак», «Открытый список» и т. п.), а также активистские социальные исследования, направленные на изменение официального мнемонического режима. Так, Е. Л. Омельченко и А. Н. Кравцова на основании результатов шестнадцати фокус-групп с посетителями Государственного музея истории ГУЛАГа и его аналогов в четырех городах России отмечают «растущий интерес» к обсуждению проблематики сталинских репрессий среди представителей разных поколений и утверждают, что «...молодые респонденты часто плохо информированы» и поэтому «не могут осмыслить эту трагедию» [3, с. 577]. Это заключение не вполне согласуется с характеристиками цифровой мнемонической среды, где релевантная информация, в том числе о репрессированных, находится на расстоянии «одного клика».

Транснациональная практика сбора свидетельств жертв массовых политических репрессий с целью конструирования социального запроса на переходное правосудие в России столкнулась с теоретическими и практическими ограничениями. Некоторые из них отмечались экспертами еще в конце XX века, другие – в последние годы самими участниками активистских исследований. Так, Д. О. Хлевнюк, один из организаторов массового социологического опроса, предпринятого в 2019 г. в рамках проекта «Трудная память», на основе анализа полученных данных подвергнул сомнению исходные предпосылки исследования о ресталинизации массового сознания в постсоветской России как результате вытеснения травмы сталинизма.

Проанализировав результаты опроса, в генеральную совокупность которого вошли города-миллионники (21 % населения России [11, с. 5]), Д. О. Хлевнюк заключила, что респонденты избегают публичных дискуссий о репрессиях, чтобы не спровоцировать конфликты, поскольку воспринимают советскую эпоху в качестве одного из периодов наивысших достижений в истории страны [11, с. 14, 16–17]. Преобладающий в России тип массового исторического сознания она охарактеризовала как деполитизированный и агонистический (плюралистический), в отличие от антагонистического и космополитического, ориентированных на формирование единого нарратива [11, с. 1, 15].

⁴ Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность. В кн.: Цепь времен: проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН; 2005. С. 61.

Исследователи отмечают дефицит в России не только коллективной идентичности жертв массовых политических репрессий, но и общей групповой памяти, которая могла бы послужить основой коллективной идентичности. К. Мерридейл на основании своего качественного исследования (1990-е гг.) констатировала, что в российском обществе «...публичная роль жертвы пока еще не стала мейнстримом», а формирование «травмы второго поколения» у потомков жертв репрессий затруднено в силу культурных и социальных факторов⁵. Подобный вывод звучит в количественном социально-психологическом исследовании (конец 2010 – начало 2020-х годов) Е. В. Миськовой: «...носители травмы сталинских репрессий не являются сообществом с ярко выраженной идентичностью» [12, с. 47], а также в исследовании устной истории А. А. Линченко, заметившего в воспоминаниях представителей разных поколений «...ярко выраженное стремление уйти от осмысления трагических событий семейной истории и не критичность восприятия биографий членов семьи в эпоху репрессий 1930-х гг.» [13, с. 42].

Э. Хоскинс, британский исследователь цифровой среды как сферы публичных коммуникаций поколения Z, использует термин «новая экология памяти» для характеристики совокупности действий людей с современными информационно-коммуникационными технологиями в процессе индивидуального и коллективного памятования и забвения [14, с. 354]. Он отмечает гиперконнективность и экстернализацию цифровой памяти; возможности автоматической архивации и генерации воспоминаний, их редактирования, что стирает грань между документом и выражением субъективного мнения, культурной и коммуникативной памятью; отсутствие временных ограничений на хранение и материальное устаревание цифровых архивов [15, с. 677]; способность цифровых экосистем новых медиа и искусственного интеллекта модифицировать и искажать образы прошлого.

В то же время недостаточно изучены вопросы, связанные с механизмами межпоколенной трансляции памяти о трагических страницах советской истории в современной информационно-коммуникативной среде, влиянием на данные практики институциональных механизмов, а также «экологии» цифровой среды, которая служит одним из основных источников информации о прошлом для первого поколения XXI века.

В *memory studies* различают три основных подхода к проблематике коллективной памяти: космополитическую парадигму, которая исходит из «глобального набора ценностей»; антагонистическую, стремящуюся утвердить ценности ингруппы в качестве единственно истинных; агонистическую, что опирается на признание сложности прошлых конфликтов и допускает выражение противоречивых мнений в рамках определенных норм, регулирующих дискуссию [16, с. 2]. Агонистическая парадигма, по мнению Д. Э. Летнякова, представляет собой идеальный тип и образец, которому «...может в большей или меньшей степени соответствовать пространство коллективной памяти в конкретном обществе» [17, с. 119].

М. Бернارد и Я. Кубик выделяют таких мнемонических акторов: «борцов», стремящихся навязать обществу свое видение прошлого; плюралистов, оставляющих за оппонентами право на выражение альтернативных точек зрения (аналог «агонистов»); «уклонистов», избегающих обсуждения потенциально конфликтных

⁵ Мерридейл К. Каменная ночь. Смерть и память в России XX века. М.: АСТ: Corpus; 2019. С. 400.

проблем, связанных с прошлым; и «проспективистов», опирающихся на активистские представления о желаемом будущем общества и рассматривающих свое видение прошлого как единственно верное⁶.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основой **методологии исследования** послужили социологические концепции рамок коллективной памяти М. Хальбвакса как социально обусловленных «...пространственно-временных ориентиров, исторических, географических, биографических, политических понятий, данных повседневного опыта и обиходных привычек восприятия»⁷, необходимых для воссоздания социально одобряемых образов прошлого; «экологии» медиапамяти Э. Хоскинса [14; 15]; типологии парадигм коллективной памяти С. Булл и Х. Хансена [16]; мнемонических акторов и режимов М. Бернарда и Я. Кубика⁸; процессо-реляционный подход Дж. Олика, исходящий из процессуального и сконструированного социальными агентами в контексте полей взаимодействия мнемонических практик, структуры и содержания представлений о прошлом [18, с. 14].

Эмпирическую базу исследования составили данные количественного (анкетный онлайн-опрос учащихся вузов и ссузов Республики Мордовия, $n = 700$, многоступенчатая комбинированная выборка) и качественного (30 глубинных интервью со студентами Национального исследовательского Мордовского государственного университета) социологических исследований, предпринятых в 2023 г. в рамках научного проекта «Репрезентации исторической памяти в социальных медиа как фактор конструирования российской идентичности молодежи: цифровые вызовы и пути решения». От всех респондентов было получено информированное согласие на участие в исследовании и обработку полученных ответов.

Результаты опроса были проанализированы с использованием программного пакета IBM SPSS Statistics 21 и методов описательной и многомерной статистики; интервью – методом тематического анализа.

Признавая Мордовию типичной территорией Среднего Поволжья, где «результаты... опросов демонстрируют близость с общероссийскими замерами» [19, с. 165], полученные данные можно оценивать как характеризующие не только местную, но и вообще провинциальную студенческую молодежь. Использовалась теоретическая выборка, которая репрезентирует существенные свойства изучаемой проблемной ситуации, отражаемые в аналитических категориях и темах исследования⁹. Привлекались уроженцы как Мордовии, так и других регионов России (Карелии, Самарской и Ульяновской областей, Красноярского края) из числа обучающихся в университете на различных направлениях подготовки бакалавриата и магистратуры (история, политология, социология, туризм, кадастр недвижимости).

Гайд глубинного интервью составили вопросы об истории семьи: об источниках информации о ней, позитивном и негативном социальном опыте старших

⁶ Bernhard M., Kubik J. (eds.) *Twenty Years After Communism. The Politics of Memory and Commemoration...* Pp. 13–15.

⁷ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти... С. 30, 72.

⁸ Bernhard M., Kubik J. (eds.) *Twenty Years After Communism...*

⁹ Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: Introducing Qualitative Methods series*. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications Ltd; 2024. Pp. 17.

поколений, повлиявших на их судьбу оценках наиболее важных событий отечественной истории. Полученные данные анализировались методом тематического анализа, включая такие темы, как артикуляция политических репрессий советского периода, источники информации о них, паттерны обсуждения семейных историй потомков жертв репрессий в институциональной и цифровой среде, мнемонические установки респондентов в публичном пространстве (в том числе мнемонические конфликты, уклонение от них, претензии на монопольную интерпретацию исторических нарративов, отношение к доминирующему нарративу и предрасположенность к определенному режиму мнемонической коммуникации).

Фрагменты интервью приводятся с указанием в скобках курса, направления подготовки и пола респондента.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основной объем информации о прошлом (представления о социальных рамках памяти и дополнительные по отношению к базовым курсам истории сведения), по данным количественного исследования, провинциальная молодежь поколения Z получает из учебников и уроков истории. Распределение в выборе главных источников информации об истории России следующее: учебники и уроки истории – 63 %, художественная литература, кино- и телефильмы – 51, воспоминания членов семьи – 41, «новые медиа» – 44, теле- и радиопередачи – 39 % [20, с. 103–104]. В числе ресурсов цифровой инфраструктуры памяти был назван ряд неспециализированных Дзен- и Youtube-каналов (например, GEO), проекты «Арзамас», часто используемый для подготовки к ЕГЭ, и «Цифровая история».

Результаты количественного исследования в аспекте разногласий и конфликтных ситуаций в контексте мнемонического поведения центениалов. Разногласия при обмене мнениями на темы, связанные с историческим прошлым, и поводы для споров на эти темы возникают довольно часто как в цифровой среде, так и при общении офлайн. В разговорах с членами семьи студенты отмечали разногласия практически так же часто, как и консенсус: на вопрос о солидарности при оценке дискуссионных исторических событий 37 % из них ответили, что «все члены семьи одинаково оценивают исторические события», 30 – что есть «некоторые расхождения», 9 выбрали вариант «Трактуем события совершенно по-разному», 1 – указали «другое», 23 % студентов затруднились с ответом.

Среди различных точек зрения на прошлое в цифровой среде встречается мнение о необходимости изменить доминирующий режим памяти. Отвечая на вопрос: «Сталкивались ли Вы с авторскими видео, подкастами, в которых поднималась тема необходимости переоценки исторического прошлого РФ, и если да, то как реагировали?», 46 % респондентов утверждали, что не знакомы с такими материалами, 16 % затруднялись с ответом. Чаще всего студенты демонстрировали безразличие к видеоматериалам, провоцирующим дискуссии на исторические темы, либо уклонение от участия в них. Просматривали эти ролики, но не реагировали на них 25 % опрошенных и реагировали лишь 13 %.

Сталкиваются в цифровой среде с конфликтными ситуациями, обусловленными разницей восприятия исторических событий, постоянно 11 % обучающихся, иногда – 38, однажды – 19, никогда – 31 % обучающихся. Среди наиболее дискус-

сионных событий были названы победа в Великой Отечественной войне (22 %), присоединение к России Донецкой и Луганской Народных Республик (22), а также Крыма (20), обсуждение личностей вождей, в том числе В. И. Ленина, И. В. Сталина, Л. И. Брежнева, М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, их роль в истории страны (20), советский период в целом (15), постсоветские военные конфликты в Чечне, Южной Осетии, Нагорном Карабахе (13,6), царствование Николая II и расстрел царской семьи (10), репрессии 1930-х гг. (9) и «голодомор» на Украине (9 %).

Охарактеризуем представления о преемственности различных периодов развития российского общества и их спорных моментах, выступающие фоном для обсуждения темы массовых политических репрессий. Отечественная инфраструктура памяти формирует негативное отношение к неизбежному политическому насилию эпох революций, Гражданской войны и консолидации советской власти. Репрессии 1930-х гг. (32 % респондентов) и раскулачивание (30) довольно часто упоминались в числе фактов российской истории, вызывающих наибольшее сожаление, наряду с расстрелом семьи Николая II (46), крепостным правом (38), продажей Аляски (36 %). Значительно реже назывались инциденты, связанные со Второй мировой войной: депортация репрессированных народов (6 %) и пакт Молотова–Риббентропа (8 %).

Половина опрошенных продемонстрировала положительное или сбалансированное отношение к памяти основателей Советского государства – В. И. Ленина (46 %) и И. В. Сталина (50 %), упомянув их в ответах на вопрос: «Кто из исторических деятелей и деятелей науки и культуры является символом России?». В рейтинге знаковых личностей эти политические лидеры уступают только Петру I (65 %), Ю. А. Гагарину (64), А. С. Пушкину (59), а Ленин – М. В. Ломоносову (47). При этом Екатерину II указали 40 % участников опроса, П. А. Столыпина – 16 %. Эти данные, очевидно, отражают восприятие советской эпохи как одной из наиболее успешных в отечественной истории. Поскольку роль обозначенных лидеров в истории и советский период в целом респонденты одновременно отнесли к числу наиболее спорных тем, такое распределение мнений позволяет охарактеризовать мнемоническое поле как разделенное, но не расколотое.

То, что среди их предков имеются раскулаченные, сосланные или лишённые гражданских прав, указали 19 % респондентов, и это соответствует данным всероссийского опроса ФНИСЦ РАН 2023 г. [1, с. 130], не имеют таких предков – 22, не располагают такой информацией – 54, не интересуются 6 % респондентов. Поскольку информация о репрессированных доступна в официальном справочнике «Память» и цифровых архивах, можно заключить, что реакция большинства связана прежде всего с отсутствием интереса к поиску таких родственников.

Сравнительный анализ не выявил существенных различий между молодежью, относящей и не относящей себя к потомкам жертв политических репрессий, в оценке советского прошлого в зависимости от истории семьи. Опрошенные, относящие себя к потомкам жертв политических репрессий, часто упоминали среди исторических личностей, которых можно считать символами России, Петра I (66 %), А. С. Пушкина (59), Ивана Грозного (56), Ю. А. Гагарина (55), И. В. Сталина (55), Екатерину II (52), Суворова (49), Ленина (49), А. Невского (47), М. В. Ломоносова (46); не имеющие репрессированных предков – Петра I (69), Ю. А. Гагарина (69), А. С. Пушкина (61), И. В. Сталина (53), А. В. Суворова (49), В. И. Ленина (48), М. В. Ломоносова (48),

М. И. Кутузова (42), Екатерину II (42) и Л. Н. Толстого (42 %). Перечень из десяти выбранных представителями обеих категорий исторических личностей совпал на 70 %; Ленин и Сталин упоминались практически одинаково часто.

Значимые отличия по дореволюционным политическим деятелям обнаружены по Ивану Грозному (частота упоминаний студентами, считающими себя потомками жертв репрессий, – 56 %) и П. А. Столыпину (28 %), что можно интерпретировать как показатель большей, в сравнении с остальными, распространенности монархических и консервативных предпочтений среди зумеров, относящих себя к потомкам жертв политических репрессий. Однако небольшой абсолютный размер этой категории в опросе (134 респондента) требует дополнительных исследований. В остальном серьезных различий, позволяющих рассматривать данную группу в качестве источника контрнарративов «второй памяти», выявлено не было.

Информированность о прошлом семьи, источники информации о жертвах массовых репрессий, по данным качественного исследования. Большинство центениалов знают историю семьи на основе коммуникативной памяти в двух-трех поколениях. Функцию протеза по отношению к семейной памяти выполняют цифровые архивы и базы данных, из которых чаще всего упоминались «Память народа» и «Подвиг народа», реже – обычные архивы. Респонденты, имевшие представление о событиях из жизни более ранних поколений, – как правило, студенты-историки, которые занимаются семейным прошлым в рамках профессии либо получили информацию от старших членов семьи, предпринявших поиск самостоятельно:

– У меня отец занимался историческими исследованиями в этом плане, он ходил в архив, поднимал эти книги, старался по родственникам отследить эти линии, и составил такое генеалогическое древо. До 1830, то ли до 1870 г. Там первый, кто мне известен, его звали Антон. В общем, до XIX в. точно. У него нет исторического образования, не было. Почему он этим заинтересовался? У него есть хороший друг, он довольно долго преподавал в университете. Он тоже историческими исследованиями занимался. Поэтому и отца на это подсадил. С отцовской стороны больше сведений, с материнской – меньше (IV курс, бакалавриат, кадастр недвижимости, м.).

Основным источником памяти о репрессированных служат семейные предания, в которых в течение жизни нескольких поколений сохранялись детали драмы. Иногда упоминались родственники с обеих сторон, которые были раскулачены, некоторые из них – расстреляны или высланы:

– Максимально, до чего я мог докопаться, – это, наверное, послереволюционные события, потому что со стороны матери география моей семьи... уникальная. Изначально они были зажиточными крестьянами и жили либо в Центральной России, либо в Восточной Украине. После этого родственников не помню, имен точно не знаю, но знаю, что раскулачили в Бурятию. ...перед началом Второй мировой войны, переселили в Северный Казахстан, и уже после развала Советского Союза бабушка с дедушкой, мама, тети и т. д., когда уже было разделение России и Казахстана, не было Союза, они переехали в Красноярский край, откуда я и родом (IV курс, бакалавриат, история, м.).

Студенты – как историки, так и обучающиеся на других направлениях подготовки – осведомлены о различных цифровых технологиях и сервисах для поиска информации о семейной истории: оцифрованных метрических книгах, нейропоиске

Яндекса, социальной сети MyHeritage, Geni.com и других подобных инструментах построения родословной:

– В основном мама все знает, все рассказывает мне. Тоже есть какие-то записи, просто, грубо говоря, дневники дедушек и бабушек. Еще наткнулись недавно в Яндексе: с помощью искусственного интеллекта там можно ввести условно свою фамилию или родственников фамилию, место рождения, и там выдаются какие-то сведения. Но меня больше интересовала прабабушка со стороны маминой линии, которая с Эстонии, но ничего не было найдено, к сожалению. Там вообще все архивы... <...> Как я понимаю, искусственный интеллект перебирает все картинки сканированные [метрические книги. – Прим. автора], и переводит их в текст (IV курс, бакалавриат, кадастр недвижимости, м.).

При наличии мотивации или тематических заданий в процессе обучения центе-
налы легко осваивают цифровые инструменты в том числе в качестве источников информации о репрессированных родственниках. Так, один из респондентов при помощи сайта Geni.com нашел «...родственников в Великобритании, у которых была информация из архивов ФСБ, и они смогли выслать нам эти материалы. <...> Существуют такие программы для создания семейных генеалогических древ. <...> И мы смогли, там контакты были, связаться с родственниками в сети “Одно-классники”» (IV курс, бакалавриат, история, м.).

Описанный случай наряду с другими свидетельствует о том, что тема сталинских репрессий в российском публичном мнемоническом поле не только не является замалчиваемой и табуируемой, но, напротив, свободно артикулируется и транслируется из семейной памяти в институциональную.

Обсуждение семейных историй потомков жертв репрессий в институциональной и цифровой среде. Для упомянутого респондента цифровой генеалогический поиск стал очередным этапом работы с семейными воспоминаниями, инициированной участием в федеральном конкурсе – ежегодной Всероссийской олимпиаде по школьному краеведению, проводимой на базе региональных и федеральных государственных учреждений:

– Каждый год пишутся эти краеведческие работы, конкурс школьный, они проходят в районе, потом уже, кто выиграет в районе, едет в Саранск, в краеведческий музей, там выступают. <...> Многие пишут о Великой Отечественной войне, понятно, что большинство пишут о своих прадедушках, а дальше уже темы начинают пропадать. И надо что-то новое. И вот обратились, зная, что есть репрессированные, с той стороны этот репрессированный, этот раскулаченный, и все. И поэтому начали писать о репрессированных (IV курс, бакалавриат, история, м.).

Такие мнемонические практики подтверждают, что тема репрессий в XXI в. не уходила из официального российского режима памяти, хотя и не занимала в нем центральное место. Достаточно вспомнить о федеральной Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий¹⁰, создании Ассоциации музеев памяти и государственного мемориала памяти жертв репрессий – Стены скорби в Москве (2017 г.). Возможность участия в историко-

¹⁰ Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий: утв. Распоряжением Правительства РФ от 15.08.2015 № 1561-р [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3PhS3j> (дата обращения: 01.02.2025).

краеведческой олимпиаде с конкурсной работой о жертвах массовых репрессий подтверждает значимость этой темы в контексте государственной политики, становится каналом интеграции семейных воспоминаний в общероссийский нарратив о прошлом и побудительным мотивом для восстановления семейной истории. В качестве переломного процессуального момента респондент отмечает изменение режима памяти в постсоветский период, когда процессы замалчивания и фрагментации семейной памяти о репрессиях остановились и появилась возможность восстановить информацию:

– *Мои родители 1980 г. рождения, в девяностые как раз их молодость была. <...> Такие темы, как раскулачивание и т. д., были, показывали их фотографии, их тоже так, хранили с боязнью, но есть фотографии со стороны матери, того прадедушки, который был раскулачен. Но про то, что поменял фамилию и т.д. – не очень... рассказывали. Потому что прадедушки брат, он как бы назад поменял фамилию, не хотел раскола в семье (IV курс, бакалавриат, история, м.).*

Опрошенные студенты называли имена репрессированных родственников и указывали, по какому поводу те пострадали:

– *Мой прапрадедушка в годы советской власти... был пекарем, у него была своя пекарня. Потом мы сами знаем, какие настанут времена [коллективизация. – Прим. автора]. Его раскулачили. Все что у него было нажито, отобрали. Потом ему пришлось заново все начинать, заново свою жизнь строить (II курс, магистратура, история, ж.);*

– *Предок моего деда стал управляющим имением.... Потом НЭП [новая экономическая политика. – Прим. автора], он стал строить мельницу, у него был пятистенок, открыл какое-то свое дело, стал сапожником, шил какие-то сапоги элитные... которые не каждый мог себе позволить. Потом решили образовать школу в этом имении, и не нашли никаких вариантов, кроме как занять под школу этот дом – пятистенок. Его раскулачили, потом он стал мельником на этой мельнице, потому что эту мельницу тоже у него отобрали. То есть всю инфраструктуру строили на его бизнесе. Его не выселили, они жили в этом доме, и в этом же доме была школа (IV курс, бакалавриат, кадастр недвижимости, м.).*

Институциональные источники влияют на содержание и структуру семейного нарратива, включая место в нем памяти о репрессиях; при этом выбор остается за пользователями. Д. О. Хлевнюк упоминает феномен «экранирования» темы сталинских репрессий в локальных краеведческих музеях, например в г. Медвежьегорске и п. Повенец Республики Карелия, подчеркивающих успехи регионов в период формирования инфраструктуры ГУЛАГа (Беломорканал или Дальстрой) параллельно с регрессом территории в 1990-е гг. [21, с. 511, 515]. В опросе Беломорканал упоминался уроженкой Медвежьегорска, прадед которой был раскулачен и с семьей выслан в Сибирь в связи с Великой Отечественной войной:

– *Там было страшно, потому что есть Беломорско-Балтийский канал, он, конечно, не в городе нашем, но рядом есть поселок Повенец. И вот финны вроде его подорвали зимой, и все дома накрыло водой, льдом. <...> Потом финны в виде компенсации дома отстраивали, и у нас тоже есть дом, очень хороший (IV курс, бакалавриат, кадастр недвижимости, ж.).*

В данном случае травма репрессий заслоняется военной травмой, под влиянием которой респонденты не воспринимают политические репрессии как главное

группообразующее событие, определившее судьбу их семьи. Вследствие этого статус жертв не образует коллективной идентичности.

Социальные установки мнемонической коммуникации и менеджмент памяти о репрессиях. Преобладающие способы артикуляции семейной памяти о репрессиях, на основании данных качественного исследования, можно охарактеризовать как плюралистический агонизм либо уклонение от мнемонических конфликтов. Рассказов о дискуссиях меньше, чем воспоминаний о репрессированных членах семьи. В то же время антагонистические интерпретации советского прошлого, в частности раскулачивания и сталинских репрессий, встречаются среди родственников одних и тех же респондентов. В аспекте семейной коммуникативной памяти противоположные дискурсы описываются скорее как транслируемые независимо друг от друга через поколение, чем обсуждаемые в семье:

– Мой дед, он как бы все-таки за советскую власть, он говорил: хоть и репрессировали, но они после репрессий поняли свои ошибки... А вот со стороны бабушки – она говорила, это все неправильно было, они все работающие люди, ну, работяги. А кто раскулачивал? Раскулачивали пьяницы, кто ничего не делает, лежит на печи. ...эти пришли раскулачивать, что смогли, аккуратненько взяли себе, остальное сдали в колхоз. А дедушка ...очень много им сочувствовал, что они там работали, но их репрессировали – такая, говорит, политическая обстановка была, уже ничего не сделаешь (IV курс, бакалавриат, история, м.).

Альтернативные взгляды на советское прошлое становятся предметом обсуждения в кругу сверстников, интерпретирующих историю семьи в контексте того или иного исторического нарратива:

– На исторические темы – безусловно. И, собственно говоря, если попытаться выделить наиболее такую острую, вызывающую дискуссию, то это ...отношение к Советскому Союзу, потому что оно у многих понятное, да и в целом к коммунизму как идеологии. Аргументы? Тут зависит уже от политических взглядов и даже отчасти от личной истории тех, с кем ты споришь, потому что вот у нас, например, в группе ...у многих родственники были, например, репрессированы, у многих раскулачены. И у них, само собой, отношение к советской власти уже несколько предубежденное по данной причине. Есть люди, например, еще и религиозные, которым это не нравится.

Если же говорить уже непосредственно об аргументации, то тут прежде всего та и другая сторона пытаются приводить какие-то статистические данные, которые мы на данный момент имеем. ...Такие же данные, наиболее выгодные для себя, он и выбирает, какую позицию он собирается донести (III курс, бакалавриат, история, м.).

В таких дискуссиях могут участвовать не только историки, но и студенты других направлений подготовки:

– Я просто отошел от этого подросткового максимализма в свое время, и сейчас я такого мнения, что если оно случилось [революция 1917 года. – Прим. автора], значит, так оно должно и быть. <...> Насчет истории семьи – дискуссии? Ну, это понятное дело. Если, как говорится, ты интересуешься этим, ты рано или поздно столкнешься с людьми противоположного мнения, которые будут говорить, какие молодцы Ленин, Сталин и все остальные, что все так в стране получилось, что мы все равные. Ну и то, что люди погибли... Понятное дело, сталкивался.

Я в свое время как бы с азартом спорил на эти вещи с разными людьми, которые противоположного мнения, скажем так, политической ориентации. Но сейчас как бы я от этого отошел, может быть, перегорел в этом плане. Ну, я и примеры приводил из истории собственной семьи, что вот, пожалуйста, как вы можете говорить, что это хорошо, когда я могу вам показать, что, грубо говоря, этого человека расстреляли, а у этого человека отняли и все остальное? Ну, извините меня. Хотя здесь как бы тоже это... кто, кого, зачем и почему, потому что люди не могут жить в мире, поэтому все беды от этого, пожалуй (IV курс, бакалавриат, кадастр недвижимости, м.).

Оба респондента в примерах выше используют наличие репрессированных родственников как фактор, стимулировавший их участие в дискуссиях на исторические темы, хотя для первого это источник субъективных когнитивных искажений, для второго – дополнительной информации для аргументов в споре. Важно, что оба «агониста» упоминают тему массовых политических репрессий в качестве повода для мнемонических конфликтов в контексте выяснения истины об общем советском прошлом, а не для предъявления межгрупповых претензий по принципу социального происхождения и в итоге признают невозможность изменить позицию оппонентов, по умолчанию принимая их право на нее.

Сравнительный анализ содержания приведенных типичных высказываний респондентов, занимавших противоположные позиции в спорах о советском прошлом (основанные на различных социальных траекториях третьего-четвертого поколения старших членов семьи), позволяет определить точки соприкосновения обеих позиций и на этом основании охарактеризовать режимы спонтанной коммуникации на указанные темы как агонистические (по терминологии А. Булл и Х. Хансена) либо пилларизованные (по определению М. Бернарда и Я. Кубика), а не антагонистические (несовместимые).

Опрос показал, что советская травма политических репрессий не всегда рассматривается в качестве главной в случае, если респондентам нужно дать сравнительную оценку травматичности различных событий. Так, член семьи вынужденных переселенцев из Казахстана, потомок раскулаченных и высланных крестьян из России или Украины, а также карабахских курдов, осознанно придает наибольшее значение именно постсоветской семейной травме:

Инт.: Чувствуете ли Вы себя травмированным из-за этих происшествий?

– Из-за каких именно?

Инт.: Если начать из глубины веков, то из-за того, что курды – разделенная нация, из-за революции, из-за раскулачивания, из-за сталинских репрессий, из-за распада Союза?

– Ну, поскольку я не застал те сложные годы условно переезда из Казахстана в Россию, то со стороны мамы – нет, но со стороны отца тот факт, что в девяностые годы была проиграна первая карабахская война и, по сути, отцу пришлось бежать из страны, а моим родственникам, хоть я их напрямую и не знаю, пришлось переезжать в другие населенные пункты Азербайджана, то будто бы немножечко обидно. И я еще сужу по тому, что вторые карабахские войны были буквально недавно, и я, не являясь гражданином этой страны, я чувствовал гордость за победу, за то, что территории вернули мои исторические (IV курс, бакалавриат, история, м.).

Студенты-историки демонстрируют способность к формированию индивидуальных мастер-нарративов российской истории, отмечая за пределами советского периода переломные моменты, которые, по их мнению, обусловили последующие травматические события. Подобные случаи, в полном соответствии с процессореляционным подходом, дают примеры сознательного управления семейными воспоминаниями посредством конструирования связей между событиями, оценки их значимости и места в семейном нарративе:

– Самое первое сожаление возникает – это раскол XVII в., когда вот эта Русь настоящая путем раскола, она, к сожалению, исчезла. К сожалению, наша православная вера, которая пошла после раскола... много потеряла, отщепив от себя старообрядцев. Их культура и мировоззрение очень близки мне. И мы представляем, что было бы, если бы этот раскол, может, был, но не дал такого сильного резонанса... Мы представляем, основываясь на том, какие прекрасные предприниматели выросли у старообрядцев в конце XIX – начале XX века. Или, например в той же Латинской Америке, насколько старообрядческие общины успешнее, у них производство и так далее. А дальше вызывает также еще сожаление революция 1917 года, разрушение храмов, репрессии священнослужителей и т. д. Наверное, я бы не допустил раскола XVII века. Я верю, что в расколе XVII века, как писал один историк, – революция 1917 года (IV курс, бакалавриат, история, м.).

Несколько иное мнемоническое поведение характерно для респондентов, предпочитающих избегать публичных дискуссий о судьбе репрессированных членов семьи в отсутствие заинтересованности в его результатах, а не из личных опасений или недостаточной осведомленности. Они сохраняют семейные воспоминания, но не считают их актуальными в современной социальной ситуации и не видят смысла в их публичном обсуждении:

– Спорить о прошлом смысла нет, оно прошло... Мы живем сейчас настоящим, будущим, и то, что мы имеем, что в наших силах, что мы можем изменить, мы должны менять в лучшую сторону, для себя, для своего блага, для общественного блага, чтобы это было благо для всех... Подумать можно о событиях, но чтобы за них как-то переживать – смысла в этом нет (II курс, магистратура, история, ж.).

В подобных случаях можно говорить об описанном П. Коннертоном феномене структурного публичного забвения – деактуализации содержания воспоминаний старших поколений в результате приобретения нового социального статуса и новых совместных воспоминаний «для формирования новой идентичности» членов создаваемой группы¹¹. Это происходит, например, в семьях, объединивших потомков некогда антагонистических сословий, члены которых дистанцируются от конфликтных социальных ролей, навязанных прародителям:

– Со стороны отца мой ныне покойный дедушка был плотником, бабушка была домохозяйкой. Со стороны матери дедушка был водителем, а бабушка работала на пенькозаводе. <...> Со стороны матери бабушка часто рассказывала о своем отце и деде. Они были дворянами в Ульяновской области, которых советская власть раскулачила. <...> Против системы, против страны мои родственники не или. Скажем, мятежники – ныне интересная тема, таких не поддерживали. Были на стороне

¹¹ Connerton P. Seven Types of Forgetting. *Memory Studies*. 2008;1(1):64.

государства как обычная среднестатистическая семья, живущая в мире и согласии с законами той страны, в которой проживали (II курс, магистратура, политология, ж.).

Отводя определенную роль в истории семьи революции 1917 года и последующим социальным трансформациям, которые примерно соответствуют горизонту семейной «постпамяти», респонденты склонны описывать их в категориях не «преступления и травмы» [8, с. 132], а причинной обусловленности либо исторической неизбежности:

– Конечно, скорее всего, революция 1917 года была неизбежной. Но меры, которые были проведены после нее и во время нее, они были излишними и, мне кажется... Ну понятно, такая власть пришла, которая хотела все новое сделать, но лучше бы ее не было (IV курс, бакалавриат, история, м.).

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из анализа данных количественного и качественного исследований можно охарактеризовать мнемоническое поле коммуникации центениалов о советском прошлом в целом как плюралистическое, функционирующее в условиях отсутствия претензий каких-либо акторов на гегемонию. В соответствии с процессореляционным подходом Дж. Олика семейные воспоминания для нового поколения являются объектом индивидуальной интерпретации и управления в процессе их встраивания в субъективно понятый нарратив истории страны.

Результаты исследования не подтверждают вывод А. Н. Кравцовой и Е. Л. Омельченко, объясняющий недостаточную осведомленность части молодежи поколения Z о советских массовых репрессиях дефицитом «понимания и признания» [3, с. 578]. И количественное, и качественное исследование показывают, что тема репрессий не является в молодежной среде замалчиваемой или табуированной. Она свободно проблематизируется в интервью самими респондентами, а также, по их словам, обсуждается в семьях, где последние неформальные дискурсивные запреты были сняты «в девяностые годы». Как политические репрессии, так и раскулачивание упоминаются примерно третью опрошенных провинциальных студентов среди событий отечественной истории, вызывающих сожаление и, таким образом, занимают устойчивое место в представлениях центениалов о прошлом.

Подобные представления формируются в России 2010 – 2020-х гг. в основном под влиянием учебников, художественных или научно-популярных фильмов, отражающих официальную версию истории. Данные качественного исследования показывают, что при наличии мотивации центениалы легко осваивают цифровые инструменты поиска и находят в Интернете интересующую их информацию, в том числе о репрессированных родственниках. Таким образом, можно говорить скорее о деактуализации травматического прошлого, т. е. осознанном формировании по отношению к нему социальной дистанции. Публичные медиадискурсы, сформированные как в традиционных СМИ, так и в цифровом пространстве, воспроизводятся в информационной среде, включая цифровые и «новые» медиа, и обсуждаются информантами с точки зрения разных интерпретаций отечественной истории со сверстниками, анонимными цифровыми пользователями и членами семьи.

Официальный исторический нарратив, осуждающий политические репрессии, но уклоняющийся от оценок советского периода в целом, способствует преобладанию

плюралистического режима коммуникации центениалов о прошлом, базирующегося на плюрализме информационной среды. В остальном интерпретации семейной памяти о политических репрессиях представителей поколения Z демонстрируют уже отмечавшиеся в исследованиях более старших поколений потомков репрессированных тенденции к ее индивидуализации и историзации [11–13].

Институциональная инфраструктура памяти, с одной стороны, предоставляет респондентам ряд доступных мнемонических практик, возможностей и каналов обмена информацией и включения семейных воспоминаний в публичный нарратив о репрессиях (через краеведческие олимпиады, публикации конкурсных работ, музеи); с другой – демонстрирует образцы нарративизации прошлого. В цифровой коммуникации центениалов о советском этапе доминируют установки на индивидуальное агонистическое обсуждение без попыток навязывания собственного мнения оппоненту либо уклонение от мнемонических конфликтов. Эти установки соответствуют пилларизованному типу режима памяти в цифровой среде. Можно заключить, что, как и в исследовании «Трудная память», результаты опроса свидетельствуют скорее об избегании информантами мнемонических конфликтов, чем о мнемоническом расколе общества. Одна из характеристик представлений о прошлом провинциальных студентов-центениалов – избегание его юридикации.

Специфика отношения к этим мнемоническим конфликтам студентов-историков, как и в субъективном отборе переломных моментов отечественной истории, заключается в профессиональном учете феномена «множественных прошлых» – возможностей альтернативной интерпретации одних и тех же данных и соответственно конструирования на их основании альтернативных исторических нарративов. Студенты-историки могут формировать также собственные концепции отечественной истории, выделяя переломные моменты, обуславливающие отдаленные, с их точки зрения, травматические события. В то же время опрошенные, независимо от направлений подготовки, способны к сознательному управлению семейными воспоминаниями посредством конструирования связей между событиями, оценки их значимости и места в семейном нарративе.

Плюралистическая цифровая экология не навязывает единую рамку памяти, а предоставляет индивидам относительный выбор объяснительных моделей, тем самым способствуя пилларизации режима памяти о советском прошлом. Содержание представлений о нем у центениалов, относящих себя к потомкам жертв политических репрессий, и у остальных опрошенных принципиально не различается. В этой ситуации проект «пересборки» диспозитива коллективной памяти о советском прошлом мнемоническими активистами посредством конструирования контрнарратива «преступления и травмы» на основе семейных воспоминаний, а также его трансляции от имени потомков жертв репрессий едва ли осуществим.

Данные исследования ставят под сомнение универсальную эвристическую ценность концепта коллективной и, в частности трансгенерационной, травмы как исследовательского инструмента. Центениалы демонстрируют примеры историзации травматического опыта членов семей, подвергшихся советским политическим репрессиям, а также его менеджмента в форме субъективного определения структуры и взаимосвязей основных событий семейной истории в контексте переломных событий в истории страны.

Результаты анализа подтверждают необходимость дальнейшего изучения социальных факторов фреймирования семейных воспоминаний в процессе их трансформации в «постпамять» поколений, которые не застали в живых участников исторических событий, а равно и механизмов деактуализации травматического опыта предыдущих поколений на микро- и макроуровне. В более широкой теоретической перспективе выявленные повседневные мнемонические стратегии проблематизируют методологические ограничения презентистской концепции прошлого в *memory studies*.

Результаты исследования подтверждают валидность процессо-реляционного подхода и демонстрируют необходимость его применения в дальнейшем изучении семейной и других форм коллективной памяти в поколенческих исследованиях и на других объектах, включая столичную и иные категории молодежи, а также в практике работы с молодым поколением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшков М.К., Бараш Р.Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй). *Социологические исследования*. 2024;(9):125–137. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090119>
2. Зевако Ю.В. Конструирова (пост)память о травматическом прошлом: представления подростков об эпохе политических репрессий 1930–1950-х гг. *Журнал фронтирных исследований*. 2021;6(1):93–143. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.277>
3. Kravtsova A.N., Omelchenko E.L. Public Perceptions of Russia's Gulag Memory Museums. *Problems of Post-Communism*. 2023;70(5):570–580. <https://doi.org/10.1080/10758216.2022.2152052>
4. Шор-Чудновская А. Молодые россияне о советском прошлом своей семьи: ностальгический, постутопический или ретротопический подход? *Мир России*. 2018;27(4):102–119. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-102-119>
5. Beshkinskaya V.S., Miller A.I. The 75th Anniversary of the Victory of Russian Memory Politics. Preliminary Conclusions. *Russia in Global Affairs*. 2020;18(3):200–232. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-3-200-232>
6. Рязанова С.В., Митрофанова А.В. Палитра мест памяти о политических репрессиях: монументы и контрмонументы. *Вестник Пермского университета. История*. 2022;3(58):152–162. URL: <https://clck.ru/3Pb4gp> (дата обращения: 01.02.2025).
7. Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука. *Российская история*. 2018;(5):128–140. <https://doi.org/10.31857/S086956870001569-6>
8. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2016;(1):111–121. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121>
9. Alexander J.C. Culture Trauma, Morality and Solidarity: The Social Construction of 'Holocaust' and Other Mass Murders. *Thesis Eleven*. 2016;132(1):3–16. <https://doi.org/10.1177/0725513615625239>
10. Blackburn M., Klimenko E.V. Introduction to the Special Issue on Under Communism's Shadow: The Memory of the Violent Past in Present-Day Russia. *Communist and Post-Communist Studies*. 2024;57(3):1–15. <https://doi.org/10.1525/cpcs.2024.2332820>
11. Blackburn M., Khlevniuk D.O. Escaping the Long Shadow of Homo Sovieticus: Reassessing Stalin's Popularity and Communist Legacies in Post-Soviet Russia. *Communist and Post-Communist Studies*. 2024;57(1):154–173. <https://doi.org/10.1525/cpcs.2023.1817401>
12. Миськова Е.В. Травма сталинских репрессий в контексте коллективных травм геноцидов. *Психология и психотерапия семьи*. 2019;(4):31–49. <https://doi.org/10.24411/2587-6783-2019-10005>
13. Линченко А.А. «Мы сами – время»: динамика времени и смысл прошлого в нарративах семейной памяти. Ч. 2. *Tempus et Memoria*. 2022;3(1):29–45. <https://doi.org/10.15826/tetm.2022.3.029>
14. Hoskins A. Memory Ecologies. *Memory Studies*. 2016;9(3):348–357. <https://doi.org/10.1177/1750698016645274>

15. Hoskins A., Halstead H. The New Grey of Memory: Andrew Hoskins in Conversation with Huw Halstead. *Memory Studies*. 2021;14(3):675–685. <https://doi.org/10.1177/17506980211010936>
16. Bull C.A., Hansen H.L. Agonistic Memory and the UNREST Project. *Modern Languages Open*. 2020;(1):1–7. <https://doi.org/10.3828/mlo.v0i0.319>
17. Летняков Д.Э. Историческая память российского общества: к построению агонистической модели. *Мир России*. 2023;32(1):109–129. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-109-129>
18. Олик Д.К. Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс: Интервью с Дж.К. Оликом. *Историческая экспертиза*. 2018;(4):11–21. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-4-11-21>
19. Ушкин С.Г. Не только социальные сети: каналы распространения фейковых новостей в представлениях населения. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024;6(2):162–176. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.460>
20. Богатова О.А., Дадаева Т.М., Шумкова Н.В. Студенческая молодежь в пространстве исторических практик и нарративов (региональный аспект). *Интеграция образования*. 2024;28(1):98–110. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.114.028.202401.098-110>
21. Khlevnyuk D. “Silencing” or “Magnifying” Memories? Stalin’s Repressions and the 1990s in Russian Museums. *Problems of Post-Communism*. 2023;70(5):508–517. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1983443>

REFERENCES

1. Gorshkov M.K., Barash R.E. Historical Memories of Russians Today (History of the XX Century Russia in the Optics of Families’ Stories). *Sociological Studies*. 2024;(99):125–137. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0132162524090119>
2. Zevako Y.V. Constructing (Post)Memory of Traumatic Past: Teenager’s Ideas about the Era of Political Repression of the 1930–1950. *Journal of Frontier Studies*. 2021;6(1):93–143. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i1.277>
3. Kravtsova A.N., Omelchenko E.L. Public Perceptions of Russia’s Gulag Memory Museums. *Problems of Post-Communism*. 2023;70(5):570–580. <https://doi.org/10.1080/10758216.2022.2152052>
4. Shor-Chudnovskaya A. Young Russians’ View of Their Family’s Soviet Past: Nostalgic, Post-Utopian or Retrotopian? *Mir Rossii*. 2018;27(4):102–119. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-102-119>
5. Beshkinskaya V.S., Miller A.I. The 75th Anniversary of the Victory of Russian Memory Politics. Preliminary Conclusions. *Russia in Global Affairs*. 2020;18(3):200–232. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-3-200-232>
6. Riazanova S.V., Mitrofanova A.V. The Palette of Memory Sites of Political Repressions: Monuments and Counter-Monuments. *Perm University Herald. History*. 2022;58(3):152–162. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://elck.ru/3Pb4gp> (accessed 01.02.2025).
7. Efremenko D.V., Malinova O.Ju., Miller A.I. Politics of Memory and Historical Science. *Rossiiskaya istoriya*. 2018;(5):128–140. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S086956870001569-6>
8. Miller A.I. Politics of Memory in Post-Communist Europe and its Impact on European Culture of Memory. *Politeia. Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*. 2016;(1):111–121. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121>
9. Alexander J.C. Culture Trauma, Morality and Solidarity: The Social Construction of ‘Holocaust’ and Other Mass Murders. *Thesis Eleven*. 2016;132(1):3–16. <https://doi.org/10.1177/0725513615625239>
10. Blackburn M., Klimenko E.V. Introduction to the Special Issue on Under Communism’s Shadow: The Memory of the Violent Past in Present-Day Russia. *Communist and Post-Communist Studies*. 2024;57(3):1–15. <https://doi.org/10.1525/cpcs.2024.2332820>
11. Blackburn M., Khlevniuk D.O. Escaping the Long Shadow of Homo Sovieticus: Reassessing Stalin’s Popularity and Communist Legacies in Post-Soviet Russia. *Communist and Post-Communist Studies*. 2024;57(1):154–173. <https://doi.org/10.1525/cpcs.2023.1817401>
12. Miskova E.V. The Trauma of Stalinist Repression in the Context of Collective Trauma of Genocides. *Family Psychology and Psychotherapy*. 2019;(4):31–49 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2587-6783-2019-10005>
13. Linchenko A.A. “We are the Time”: The Dynamics of Time and the Sense of the Past in the Narratives of the Family Memory. Pt. 2. *Tempus et Memoria*. 2022;3(1):29–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15826/tetm.2022.3.029>

14. Hoskins A. Memory Ecologies. *Memory Studies*. 2016;9(3):348–357. <https://doi.org/10.1177/1750698016645274>
15. Hoskins A., Halstead H. The New Grey of Memory: Andrew Hoskins in Conversation with Huw Halstead. *Memory Studies*. 2021;14(3):675–685. <https://doi.org/10.1177/17506980211010936>
16. Bull C.A., Hansen H.L. Agonistic Memory and the UNREST Project. *Modern Languages Open*. 2020;(1):1–7. <https://doi.org/10.3828/mlo.v0i0.319>
17. Letnyakov D.E. The Historical Memory of Russian Society: Towards an Agonistic Model. *Universe of Russia*. 2023;32(1):109–129. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-109-129>
18. Olick J.K. Memory is not a Thing, it is not an Object. Memory is an Ongoing Process: Interview with Jeffrey Olick. *The Historical Expertise*. 2018;(4):11–21. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-4-11-21>
19. Ushkin S.G. Not Only Social Networks: Channels of Dissemination of Fake News in the Views of the Population. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024;6(2):162–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.460>
20. Bogatova O.A., Dadaeva T.M., Shumkova N.V. Student Youth in the Space of Historical Practices and Narratives (Regional Dimension). *Integration of Education*. 2024;28(1):98–110. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.114.028.202401.098-110>
21. Khlevnyuk D. “Silencing” or “Magnifying” Memories? Stalin’s Repressions and the 1990s in Russian Museums. *Problems of Post-Communism*. 2023;70(5):508–517. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1983443>

Об авторе:

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5877-7910>, Researcher ID: **AAZ-1398-2021**, Scopus ID: **6505697029**, SPIN-код: **4533-7204**, bogatovaoa@gmail.com

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 06.04.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 20.05.2025.

About the author:

Olga A. Bogatova, Dr.Sci. (Sociol.), Professor of the Chair of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5877-7910>, Researcher ID: **AAZ-1398-2021**, Scopus ID: **6505697029**, SPIN-code: **4533-7204**, bogatovaoa@gmail.com

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 06.04.2025; revised 15.05.2025; accepted 20.05.2025.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.735-753>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/ubarnj>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 124.51–057.34–053.81(470.54)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Общественно значимые ценности в оценках молодежи: эмпирическое исследование восприятия деятельности государственных служащих Свердловской области

Е. И. Початкова ✉

М. В. Певная

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)*

✉ e.i.pochatkova@urfu.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена проблемой слабого включения молодежи в практики гражданского участия. Понимание того, как молодые граждане рефлексируют в отношении общественного согласия, социального равенства и солидарности, определяет направление реализации молодежной политики. Цель статьи состоит в изучении представлений молодежи об общественно значимых ценностях, которые артикулируются поколением в его оценке работы государственных служащих в регионе.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования выступили данные анкетного опроса молодежи крупного региона России – Свердловской области, реализованного в 2023 г. (выборка квотная, $n = 320$). Респондентам предлагалось ответить на 15 вопросов о деятельности местных чиновников. Анализ данных проводился посредством дескриптивной статистики и корреляционного анализа Спирмена.

Результаты исследования. Выявлены перспективные точки для диалога, сближения молодежи и публичной власти в Свердловской области, а именно – значимые для молодого поколения ценности социальной справедливости, равенства и солидарности. Обнаружена проблема ограниченной информированности молодежи о деятельности региональных чиновников на фоне достаточно высокого уровня недоверия к последним в контексте общественно значимых ценностей и распространенности представлений о закрытости и забюрократизированности их работы.

Обсуждение и заключение. Зафиксировано, что чем младше молодежь, тем выше возможность построения такого порядка взаимодействия, который формирует позитивную коммуникацию между молодым поколением и региональными чиновниками. Исследовательские результаты имеют

© Початкова Е. И., Певная М. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

практическую значимость в плоскости работы государственных служащих с молодежью в регионах РФ, в частности для расширения диалога молодежи и региональных чиновников

Ключевые слова: публичные ценности, доверие органам власти, ценностные ориентации молодежи, молодежь Свердловской области, анкетный опрос, корреляционный анализ, восприятие власти

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность кандидату социологических наук, доценту А. Н. Тарасовой за помощь в сборе и анализе данных.

Для цитирования: Початкова Е.И., Певная М.В. Общественно значимые ценности в оценках молодежи: эмпирическое исследование восприятия деятельности государственных служащих Свердловской области. *Регионоведение*. 2025;33(4):735–753. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.735-753>

Public Values in Youth Assessments: An Empirical Study of Perceptions of the Activities of Civil Servants in the Sverdlovsk Region

E. I. Pochatkova ✉, M. V. Pevnaya

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russian Federation)*

✉ e.i.pochatkova@urfu.ru

Abstract

Introduction. The relevance of this topic stems from the problem of weak youth involvement in civic participation practices. Understanding how young citizens reflect on social consensus, social equality, and solidarity determines the direction of youth policy implementation. The purpose of this article is to study young people's perceptions of socially significant values, which are articulated by the generation in its assessments of the work of civil servants in the region.

Materials and Methods. The empirical basis for the study was data from a questionnaire survey of young people in a large region of Russia – the Sverdlovsk Region – conducted in 2023 (quota sample, $n = 320$). Respondents were asked to answer 15 questions about the activities of local officials. The data was analyzed using descriptive statistics and Spearman's correlation analysis.

Results. Promising areas for dialogue and rapprochement between young people and public authorities in the Sverdlovsk Region have been identified, namely the values of social justice, equality, and solidarity, which are important to the younger generation. The problem of limited awareness among young people about the activities of regional officials was identified, against a backdrop of a fairly high level of distrust of the latter in the context of socially significant values and widespread perceptions of the closed and bureaucratic nature of their work.

Discussion and Conclusion. It was revealed that the younger the youth, the higher the possibility of establishing a system of interaction that fosters positive communication between the younger generation and regional officials. The research results are of practical importance in terms of the work of civil servants with young people in different regions of the Russian Federation, in particular for expanding the dialogue between young people and regional officials.

Keywords: public values, trust in government authorities, value orientations of young people, young people in the Sverdlovsk Region, questionnaire survey, correlation analysis, perception of government

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Acknowledgments. The authors would like to thank A. N. Tarasova, Cand. Sci. (Sociol.) and Associate Professor, for her assistance in collecting and analyzing data.

For citation: Pochatkova E.I., Pevnaya M.V. Public Values in Youth Assessments: An Empirical Study of Perceptions of the Activities of Civil Servants in the Sverdlovsk Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(4):735–753. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.735-753>

ВВЕДЕНИЕ

В публичном управлении молодежь является особым объектом, чьи потребности, возможности и перспективы развития требуют безусловного внимания во всех сферах, на всех этапах принятия управленческих решений. Во многом это связано с ее восприятием как человеческого ресурса, обеспечивающего устойчивость территорий и государств¹. Молодое поколение выступает носителем инновационных решений [1] и в целом триггером общественных перемен в политическом, социокультурном и экономическом контекстах [2].

В европейских странах исследователи отмечают ограниченную представленность молодого поколения в органах власти всех уровней [3], его абсентеизм², общий рост недоверия к публичной власти. Однако последние данные социологов демонстрируют, что далеко не вся молодежь аполитична. Многие предпочитают формальным и традиционным способам политического участия его новые формы [4].

Возраст видится одним из ключевых предикторов выбора в пользу того или иного варианта проявления гражданской активности. Так, молодежь старшей возрастной когорты (от 25 до 30 лет) ориентирована на более традиционные формы политического участия, младшей (от 18 до 24 лет) – предпочитает участие в общественных организациях [5]. Тем не менее в течение 2021 года больше чем треть европейцев в возрасте от 15 до 30 лет (39 %) ни разу не участвовали в деятельности некоммерческих организаций и лишь 8 % хотя бы однажды вовлекались в активности непосредственно политических организаций³.

В дискурсе молодежной политики разных стран артикулируется необходимость активизации участия молодежи в жизни общества, в том числе посредством ее интеграции в деятельность военно-патриотических, спортивных, волонтерских организаций [6]. Отечественные эксперты также отмечают актуальность подобной практики для российской государственной молодежной политики. При этом, несмотря на ценностные различия между Российской Федерацией и другими европейскими странами, общим лейтмотивом остаются приоритеты развития социального участия молодежи, в том числе как основы для построения на паритетных началах двусторонней коммуникации между нею и властью [7], конструктивного диалога чиновников со студентами колледжей и университетов [8].

Исследователи ищут выход из конфликта поколений, пути преодоления противоречий между гражданским обществом и публичной властью, изучая факторы, которые влияют на вовлечение молодежи в процессы принятия решений, с учетом особенностей социокультурного контекста в разных странах. В рамках существующих теорий появляются новые ракурсы, в их числе – концепция общественно значимых ценностей (*Public Value theory*), сближающая сферу публичного управления с интересами и потребностями общества [9]. Эта концепция переосмысливает измерение эффективности достижения целей государственного управления с акцентом на соответствии их общественным ожиданиям.

¹ Youth Strategy 2030 [Электронный ресурс]. United Nations. Available at: <https://www.un.org/youthaffairs/en/youth2030/about> (accessed 04.06.2024).

² Youth, peace and security: fostering inclusive political processes. 2024 [Электронный ресурс]. United Nations Development Programme (UNDP). Available at: <https://www.undp.org/publications/youth-peace-and-security-fostering-youth-inclusive-political-processes> (accessed 04.06.2024).

³ Flash Eurobarometer 502 (Youth and Democracy in the European Year of Youth). 2022 [Электронный ресурс]. Available at: <https://doi.org/10.4232/1.13922> (accessed 04.06.2024).

Обращение к названной теории обусловлено универсальностью предлагаемого инструментария для оценки конкретных аспектов работы власти (информационной открытости, обратной связи и участия граждан), актуальных и для российской практики выстраивания коммуникации с молодым поколением [10]. Данный подход позволяет измерить ценности (справедливость, равенство), сформировавшиеся у части российской молодежи в период ориентации молодежной политики на идеологию международных организаций. Российские исследователи продолжают фиксировать противоречивость молодежного сознания, сочетающего глобальные и традиционные ценностные матрицы [11].

Таким образом, целью статьи является исследование представлений молодежи об общественно значимых ценностях, артикулируемых поколением через оценку работы региональных государственных служащих.

На основе вторичного анализа данных в имеющихся исследованиях взаимодействия государственных служащих и молодежи были сформулированы три гипотезы, которые затем проверялись в рамках эмпирической части работы:

H1: ценности, связанные с ключевыми проблемами осуществления профессиональной деятельности региональных государственных служащих, будут оцениваться молодежью наименее позитивно;

H2: уровень доверия к региональным государственным служащим зависит от положительной оценки молодежью тех ценностей, которые лежат в основе деятельности чиновников;

H3: граждане, недавно достигшие возраста полной дееспособности (18–24 года), оценивают деятельность чиновников более позитивно, чем представители старшей возрастной когорты (25–34 года).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Изначально концепция общественно значимых ценностей базировалась на теории нового общественно-государственного управления (*New Public Management*) и развивала некоторые положения последней. В ней смещается фокус с повышения эффективности и ресурсоемкости государственного управления на ценность для граждан, которая должна создаваться организацией в ходе работы [12]. Основоположник концепции общественно значимых ценностей М. Мур предложил дополнить критерии оценки эффективности государственных учреждений, применяемые в теории нового общественно-государственного управления. Он выдвинул идею о том, что кроме показателей эффективности и результативности важно учитывать создаваемую организацией общественно значимую ценность, которую невозможно измерить в денежном выражении⁴.

Общественно значимая ценность, согласно М. Муру, является нематериальным эквивалентом акционерной стоимости. Ее создание или уничтожение должно служить мерилем управленческого успеха в публичной сфере, который связан с «...инициируемыми государством изменениями и последующим преобразованием организаций в направлении, увеличивающем общественную ценность результатов работы лиц, принимающих решения, как в краткосрочной, так и в долгосрочной

⁴ Moore M.H. *Creating Public Value: Strategic Management in Government*. Cambridge: Harvard University Press; 1995. 416 p.

перспективе»⁵. Так обосновывалась необходимость внедрения в управленческую практику менеджмента общественно значимых ценностей для достижения значимых общественных целей посредством активного взаимодействия власти и общества.

По мере развития концепции расширялось представление о том, как формируются общественно значимые ценности. Распространено мнение, что в их основе лежит коллективный запрос, аккумулировавший значимые предпочтения граждан. Согласно А. В. Волковой, общественно значимая ценность может оформляться и поддерживаться лишь в ходе публичных обсуждений в рамках демократического процесса⁶. Подобное понимание способствует восприятию общественно значимых ценностей как обобщенной позиции граждан и подчеркивает их адресованность органам власти.

Завершает логическое развертывание в научном дискурсе цикла формирования концепта общественно значимых ценностей их определение как оценки обществом деятельности организации на предмет удовлетворения субъективных потребностей каждого его члена. Такое понимание ввел Т. Мейнхардт, обративший внимание на то, что коллективное мнение общественности строится на субъективных оценках отдельных индивидов, которые они выражают публично в контексте социального взаимодействия⁷. Подчеркивается, что общественно значимые ценности человека определяются не его эгоистическими потребностями (т. е. тем, что человек считает важным для себя), а его индивидуальным восприятием того, что ценно для всего общества [13]. Связь общественно значимых ценностей с индивидуальным уровнем восприятия, раскрывающаяся в рамках данного подхода, позволяет операционализировать теорию [14].

Как показывают исследования, восприятие институциональной эффективности связано с общим доверием к власти [15; 16]. Для российской молодежи характерен относительно низкий уровень такого доверия, что часто сопряжено с политическим цинизмом. Отношение к политике связывается с государственной эффективностью в целом, а политический цинизм молодежи – с низкой эффективностью политической деятельности. Другими словами, чем циничнее люди относятся к политикам, тем меньше верят, что «обычные» граждане, в том числе они сами, могут повлиять на происходящие в стране процессы [17].

Настроения российской молодежи неоднородны и во многом обусловлены отношением к действующей власти, а также соотносятся с системой ценностей отдельной личности, где доминируют традиционные или постматериалистические ценности. Традиционные чаще детерминируют доверие к соответствующим государственным институтам власти, постматериалистические – к медиа и третьему сектору [18]. Ценностная картина мировосприятия юношей и девушек связывается с сильной патерналистской ориентацией. Они живут в обществе, которое обеспечивает законность и порядок, гарантирует соблюдение прав и свобод, что воспринимается как изначально заданные условия. При этом социологи отмечают, что молодые

⁵ Moore M.H. Creating Public Value: Strategic Management in Government... С. 10.

⁶ Волкова А.В. Электронное правительство и формирование публичных ценностей в современной России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. 2013;(3):84–92. <https://www.elibrary.ru/RBNTXL>

⁷ Meynhardt T. Public value inside: What is public value creation? *International Journal of Public Administration*. 2009;32(3/4):192–219. <https://doi.org/10.1080/01900690902732632>

люди испытывают низкий уровень доверия к политическим институтам и не хотят заниматься простым воспроизводством политических процессов [19].

Оценка моральных ценностей (исполнения моральных обязательств) нередко основывается на таких смыслообразующих основаниях, как свобода, права человека, справедливость, безопасность и самореализация [20]. Политико-социальные (политической стабильности) – соотносятся с социальным благополучием, качеством жизни населения в разных регионах, а также с нормативными представлениями молодого поколения о социальной справедливости [21].

Итак, общественно значимые ценности – неотъемлемый компонент социокультурного ландшафта публичной сферы. Они формируются и артикулируются в результате открытого демократического диалога между властными акторами и гражданами, отражая сущность общественных устремлений и предпочтений и позволяя эффективнее вырабатывать инновационные решения [22]. Понимание общественно значимых ценностей молодежи необходимо для разработки и реализации молодежной политики, которая бы соответствовала потребностям и ожиданиям граждан, в конечном счете обеспечивая возможность предвидеть направления социокультурных трансформаций и адаптировать государственные стратегии к динамике ценностных изменений в молодежной среде. Важными элементами этого процесса являются коммуникация между органами публичного управления и молодым поколением, а также активизация общественного участия молодежи для совместного создания и воспроизводства общественно значимых ценностей [23].

Российские исследователи фиксируют низкий уровень удовлетворенности региональной молодежи государственной политикой, что нередко связывается с недостатком коммуникации между молодым поколением и государственными служащими [24]. Современный тренд на цифровизацию призван сократить дистанцию между обществом и властью, повысить открытость, оперативность принятия управленческих решений [25]. Однако интерактивность цифровых практик взаимодействия существенно ограничена ввиду повышения формализма, сокращения живого общения и эмоционального компонента коммуникации [26]. Последнее может способствовать распространению двусторонних мифов, препятствующих продуктивному диалогу.

В среде специалистов по работе с молодежью отмечается устойчивое представление о том, что молодое поколение – индифферентная, пассивная социально-демографическая группа [27]. В то же время сами молодые люди проявляют готовность к включению в социально-политическую жизнь общества, но их спрос не удовлетворяется существующими институциональными формами, вследствие чего они дистанцируются от власти [28]. Подчеркивается, что по мере взросления категория юности выпадает из фокуса молодежной политики, так как организованная с данной группой населения работа осуществляется преимущественно в учебных заведениях [29]. Доверие же к органам власти формируется на основе личного непосредственного взаимодействия и полученной информации об их деятельности и в перспективе закладывает отношение к государственной политике в целом [30].

Несмотря на разработанность концепции общественно значимых ценностей в теоретическом дискурсе, существует пробел в ее эмпирической верификации

применительно к конкретным социальным группам и регионам. В частности, отсутствуют исследования, которые операционализировали бы теорию для оценки восприятия ценностей именно молодежью в региональном контексте России.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Операционализация теории. Исследование проводилось по шкале, разработанной Т. Мейнхардтом и Ш. Бартоломесом в ходе изучения общественно значимых ценностей населения на примере отношения граждан к служащим Федерального агентства труда Германии⁸. Она основывается на трех ключевых факторах общественно значимых ценностей в отношении чиновников: институциональной эффективности, моральных обязательствах, политической стабильности (в том числе общественном согласии, равенстве, солидарности). Возникновению шкалы предшествовали теоретические разработки, в ходе которых Т. Мейнхардтом была предложена модель соотношения базовых потребностей индивида и формирующихся на их основе общественно значимых ценностей⁹. Данный теоретический конструкт основывается на когнитивно-эмпирической теории С. Эпштейна, который синтезировал психоаналитический, феноменологический, гуманистический и эго-психологический подходы, создав модель четырех базовых потребностей, взаимодействующих в рамках рациональной и экспериментальной систем¹⁰.

В ходе эмпирического исследования Т. Мейнхардт и Ш. Бартоломес разработали пул характеристик деятельности чиновников, на который в большей степени влияют факторы институциональной эффективности (инструментально-утилитарные ценности), моральных обязательств (моральные ценности) и политической стабильности (политико-социальные ценности). В первом случае (институциональной эффективности) речь идет о выявлении субъективного отношения молодежи как граждан к конкретным публичным решениям, во втором и третьем – скорее об установлении степени соответствия принимаемых решений консенсусным общественно значимым ценностям [31].

Применение данной шкалы в российском контексте осуществлялось с учетом специфики восприятия этих ценностей местной молодежью.

Дизайн эмпирического исследования. Описанная шкала была интегрирована в инициативное исследование Уральского отделения Российского общества социологов, реализованное по методологии «Социокультурные портреты регионов России» Н. И. Лапина в 2023 г. на территории Свердловской области. В частности, использовался подход к расчету выборочной совокупности, однако объектом исследования выступило не все население региона, а категория в возрасте от 18 до 35 лет. Исключение подгруппы молодежи в возрасте от 14 до 17 лет обосновано преимущественно опосредованным характером ее взаимодействия с властью (через родителей или образовательные учреждения) как не отражающим самостоятельный опыт дееспособных граждан.

⁸ Meynhardt T., Bartholomes S. (De) Composing Public Value: In Search of Basic Dimensions and Common Ground. *International Public Management Journal*. 2011;14(3):284–308. <https://doi.org/10.1080/10967494.2011.618389>

⁹ Meynhardt T. Public Value Inside: What is Public Value Creation?..

¹⁰ Epstein S. Integration of the Cognitive and the Psychodynamic Unconscious. *American Psychologist*. 1994;49(8):709–724. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.49.8.709>

Свердловская область – крупнейший промышленный регион с населением 4 239 311 человек. В 2022 году практически его четверть (24 %) составляла молодежь, что соотносится с общероссийскими демографическими тенденциями¹¹. Молодежная политика области созвучна федеральной и фокусируется на максимальной реализации потенциала молодого поколения¹². Территория отличается высоким уровнем развития молодежной инфраструктуры. Например, в 2023 году область одержала победу во Всероссийском конкурсе «Регион для молодых», обеспечив привлечение федеральной субсидии в размере 84 868,3 тыс. руб. на реализацию программы комплексного развития молодежной политики в 2024 г.¹³

В ходе полевого этапа исследования (анкетного опроса) использовалась платформа Яндекс-формы для занесения интервьюером сведений в режиме онлайн. Сам опрос происходил при непосредственном контакте респондента с интервьюером, что обеспечило контроль выборки. После сбора эмпирических данных для коррекции наблюдавшихся отклонений относительно генеральной совокупности применялась процедура взвешивания. Весовые коэффициенты рассчитывались в соответствии с официальной статистикой по ключевым социально-демографическим характеристикам: возрасту, полу и типу места проживания.

Таким образом, выборочная совокупность составила 320 человек, тип выборки – квотная. Выборка включает в себя 120 чел. в возрасте от 18 до 24 лет, 200 – от 25 до 34 лет; 52 % юношей, 48 % девушек. Проживают в региональном центре (г. Екатеринбург) 54 % респондентов, в больших и средних городах области с населением от 500 до 50 тыс. чел. – 39 % опрошенных, 7 % – жители населенных пунктов с населением менее 50 тыс. чел.

Анализ данных эмпирического исследования. Для определения субъективной оценки работы региональных государственных служащих молодым свердловчанам предлагалось отметить «...степень согласия или несогласия с приведенными ниже утверждениями о работе чиновников в вашем регионе». Перечень утверждений образовали 15 высказываний, каждое из которых выступало индикатором той или иной изучаемой общественно значимой ценности.

С целью адаптации шкалы для русскоязычных респондентов две фразы о поддержке чиновниками людей с инвалидностью были заменены обобщающим утверждением. Предотвращение гало-эффекта, в отличие от оригинальной шкалы, достигалось использованием чередующихся в случайном порядке утверждений с позитивной и негативной коннотацией. Абсолютное несогласие респондента с утверждением оценивалось в 1 балл, полное согласие – в 5 баллов.

Расчет индексов доверия. Для анализа взаимосвязи оценок деятельности чиновников и общего уровня доверия к органам власти и иным значимым социальным

¹¹ Свердловская область в цифрах`2023: стат. сб. Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. Екатеринбург; 2023. 80 с. URL: <https://youthlib.mirea.ru/resource/4726> (дата обращения: 04.06.2024).

¹² Об утверждении стратегии молодежной политики и патриотического воспитания граждан в Свердловской области на период до 2035 года: Постановление Правительства Свердловской области от 07.11.2019 761-пп [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561594785> (дата обращения: 04.06.2024).

¹³ О положении молодежи в Свердловской области в 2023 году: доклад [Электронный ресурс]. Министерство образования и молодежной политики Свердловской области. 2024. URL: <https://minobraz.midural.ru/documents/reports/15685/> (дата обращения: 04.06.2024).

институтам были рассчитаны персональные индексы доверия для каждого респондента. На основании ответов на вопросы анкеты о доверии к различным органам власти и социальным институтам (региональным и федеральным) были сформированы два индекса:

– Индекс доверия региональным институтам (местные суд, губернатор области, профсоюзы, прокуратура, полиция, правительство, отделения политических партий, Законодательное собрание, органы управления, общественные организации, средства массовой информации);

– Индекс доверия федеральным институтам (Президент РФ, Правительство РФ, Совет Федерации, Государственная Дума, Общественная палата, полиция, федеральная служба безопасности, суд, прокуратура, церковь, общественные организации, средства массовой информации, банки).

Индекс для каждого респондента рассчитывался как среднее арифметическое значение его ответов по группе родственных институтов. Таким образом, значения индексов варьируются от 1 до 5, где более высокое значение указывает на более высокий уровень доверия.

Применялись дескриптивная статистика для описания распределений ответов по выборке и по группам; корреляционный анализ Спирмена для проверки связи между доверием к органам власти и оценками деятельности чиновников. Статистический анализ результатов исследования проводился с помощью цифрового пакета IBM SPSS Statistics 26 версия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка соответствия чиновников общественно значимым ценностям.

Молодежь по отношению к деятельности чиновников либо настроена негативно (39 %), либо затрудняется с однозначной оценкой (43 %). В среднем в 32 % случаев деятельность представителей региональных органов публичной власти, а именно исполнение обязательств по обеспечению политической стабильности в обществе, оценивалась негативно. Еще 47 % респондентов затруднились с ответом, 21 % оценили такую деятельность положительно.

Относительно позитивно воспринимались действия чиновников, направленные на исполнение моральных обязательств гражданам, – негативную оценку дал им в среднем лишь 21 % опрошенных. Значительная доля молодых свердловчан (54 %) затруднилась при ответе на вопросы из этого блока. Тем не менее каждый пятый респондент (25 %) оценил такие действия позитивно.

Наиболее высокую негативную оценку получила институциональная эффективность чиновников – это мнение выразила практически половина опрошенной молодежи (47 %). При оценке утверждений из этого блока респонденты реже затруднялись при ответе (38 %) и лишь 15 % отзывались положительно.

В таблице 1 представлено распределение указных оценок относительно различных общественно значимых ценностей, которые должны создаваться чиновниками.

Взаимосвязь доверия и оценки деятельности чиновников. Для проверки второй гипотезы была проанализирована взаимосвязь оценок деятельности чиновников и рассчитанных индексов доверия региональным и федеральным институтам.

Таблица 1. Частотное распределение оценок молодежью соответствия деятельности региональных государственных служащих общественно значимым ценностям, % от числа опрошенных¹⁴

Table 1. Youth assessments of the compliance of the regional civil servants activities with socially significant values, frequency distribution, % of the number of respondents

Общественно значимая ценность / Public value	Оценка ¹⁵ / Grade			Всего / Total
	негативная / negative	неопреде- ленная / indifferent	позитивная / positive	
<i>Политико-социальные ценности (политическая стабильность) / Political-social values (political stability)</i>				
Забота обо всех нуждающихся / Delivering an important contribution so that nobody “falls through the cracks”	47	39	14	100
Поддержка социального мира / Helping to effectively maintain social peace	33	47	20	100
Содействие общественному согласию среди населения / Effectively contributing to social cohesion	17	56	27	100
<i>Моральные ценности (обязательства) / Moral values (obligation)</i>				
Помощь инвалидам при трудоустройстве / Providing special support for handicapped people in the labor market	24	54	22	100
Создание равных возможностей для женщин на рынке труда / Playing an active role in advocating for equal opportunities for women in the labor market	23	46	31	100
Поддержка адаптации и интеграции мигрантов / Effectively supporting immigrants’ skills development	16	61	23	100
<i>Инструментально-утилитарные ценности (институциональная эффективность) / Instrumental-utilitarian values (institutional performance)</i>				
Стремление удовлетворить потребности населения / Striving credibly for high customer satisfaction	46	36	18	100
Возможность надежного партнерства / Reliable cooperation in the region	46	45	9	100
Предоставление высококачественного сервиса / Delivering high quality service	49	40	11	100
Отсутствие коррупции / No corruption	40	43	17	100
Доверие со стороны граждан / Trust in the institution from citizens	50	35	15	100
Наличие хорошей репутации среди жителей / A good image among citizens	51	37	12	100
Конструктивное реагирование на критику от граждан / Responding constructively to external critical feedback	42	44	14	100
Использование в работе инноваций / Openness to innovative approaches	36	45	19	100
Отсутствие бюрократии / No bureaucracy	63	20	17	100
В целом по выборке / Overall in the sample	39	43	18	100

¹⁴ Таблицы 1–2 составлены авторами по материалам исследования.

¹⁵ Для анализа шкала упрощена до трех категорий оценки: «Негативная», «Позитивная» и «Неопределенная» (если респондент затруднился с ответом).

Между значениями данных индексов и большинством оценок утверждений о работе чиновников обнаружилась корреляционная взаимосвязь (табл. 2). Высокий уровень доверия сопрягается с общей высокой оценкой деятельности государственных служащих. В связи с этим можно утверждать о том, что в своих ответах респонденты были искренними и последовательными. Соответственно, подтвердилась вторая гипотеза.

Таблица 2. Корреляционная взаимосвязь между оценками респондентов позитивных и негативных утверждений о государственных служащих и индексами доверия (коэффициент Спирмена)

Table 2. Correlation relationship between respondents' assessments of positive and negative statements about civil servants and trust indices (Spearman's coefficient)

Утверждения о государственных служащих / Statements about civil servants	Средняя оценка респондентами / Mean score by respondents		Корреляция с Индексом доверия органам власти и социальным институтам (коэффициент Спирмена) / Correlation with the Trust Index of Confidence in Authorities and Social Institutions (Spearman's coefficient)	
	в возрасте от 18 до 24 лет / age from 18 to 24	в возрасте от 25 до 34 лет / age from 25 to 34	региональным / regional	федеральным / federal
1	2	3	4	5
<i>Политико-социальные ценности (политическая стабильность) / Political-social values (political stability)</i>				
Заботятся обо всех нуждающихся / Deliver an important contribution so that nobody "falls through the cracks"	2,7	2,3	0,461**	0,420**
Их действия приводят к общественным разногласиям / Do not help effectively to maintain social peace	2,8	2,8	– 0,334**	– 0,296**
Их деятельность способствует разобщению жителей моего города (поселка) / Do not effectively contribute to social cohesion	3,1	3,1	– 0,200*	– 0,129
<i>Моральные ценности (обязательства) / Moral values (obligation)</i>				
Помогают людям с инвалидностью при трудоустройстве / Provide special support for handicapped people in the labor market	3,0	2,9	0,403**	0,343**
Создают равные возможности для женщин на рынке труда / Play an active role in advocating for equal opportunities for women in the labor market	3,1	3,1	0,405**	0,410**
Не поддерживают адаптацию и интеграцию мигрантов / Do not effectively support immigrants' skills development	3,3	3,0	– 0,111	– 0,080

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5
<i>Инструментально-утилитарные ценности (институциональная эффективность) / Instrumental-utilitarian values (institutional performance)</i>				
Всегда стремятся удовлетворить потребности населения / Strive credibly for high customer satisfaction	2,8	2,5	0,566**	0,501**
Являются надежными партнерами для сотрудничества / Are reliable cooperation partners	2,6	2,4	0,509**	0,433**
Предоставляют высококачественный сервис / Deliver high-quality service	2,6	2,4	0,475**	0,411**
Не дают преимуществ никому, а служат всем одинаково / Do not pursue one-sided interests, but functions as a neutral public intuition	2,8	2,6	0,295**	0,305**
Им можно доверять / An institution one can trust	2,6	2,4	0,654**	0,571**
Имеют плохую репутацию среди жителей / Do not have a good image	2,6	2,3	– 0,323**	– 0,318**
Негативно реагируют или не реагируют вообще на критику от граждан / Do not respond constructively to external critical feedback	2,6	2,6	– 0,305**	– 0,272**
Не используют в работе инновации / Are not open to innovative approaches	2,8	2,7	– 0,252**	– 0,135
Долго решают вопросы населения из-за бюрократии / Do not act flexibility and avoid unnecessarily bureaucratic	2,3	2,4	– 0,134	– 0,155

Примечания / Notes. Шкала оценивания: 1–5 баллов (1 – полностью не согласен, 5 – полностью согласен). Для негативных утверждений применяется инвертированная шкала (1 – полное согласие, 5 – абсолютное несогласие); интерпретация корреляции: положительная корреляция для позитивных утверждений означает, что согласие связано с более высоким уровнем доверия; отрицательная корреляция для негативных утверждений означает, что несогласие связано с более высоким уровнем доверия. Порог статистической значимости: $p < 0,05$; символ * указывает на статистическую значимость при $p < 0,05$; символ ** – при $p < 0,001$ / Rating scale: 1–5 points (1 – completely disagree, 5 – completely agree). For negative statements, an inverted scale is used (1 – completely agree, 5 – completely disagree); Interpretation of the correlation: A positive correlation for positive statements means that agreement is associated with higher levels of trust; a negative correlation for negative statements means that disagreement is associated with higher levels of trust. The threshold for statistical significance is $p < 0.05$; the * symbol indicates statistical significance at $p < 0.05$; the ** symbol indicates statistical significance at $p < 0.001$.

Влияние возраста на оценку деятельности чиновников. Для проверки третьей гипотезы и анализа восприятия молодежью деятельности государственных служащих по каждому из 15 утверждений были рассчитаны средние арифметические значения отдельно для двух возрастных когорт (18–24 и 25–34 года). Для позитивных утверждений использовалась прямая шкала интерпретации, для негативных – инвертированная.

Во многом респонденты обеих групп единодушны, в частности при оценке утверждений относительно действий чиновников в рамках регулирования рынка труда, создания равных условий для всех групп населения (в данном случае для женщин и инвалидов). Эти утверждения в сравнении с остальными имеют, во-первых, наиболее высокую усредненную оценку; во-вторых, – вызывают наибольшие затруднения (см. табл. 1).

Мнения представителей различных возрастных групп молодежи по остальным пунктам имеют несущественные различия – разница между средними оценками утверждений составила меньше 0,5. Однако восприятие деятельности чиновников респондентами в возрасте от 25 до 34 лет негативнее (варьируется между значениями 2,3 – 3,1), чем респондентами в возрасте от 18 до 24 лет (2,6 – 3,1). В целом, если исходить из данных таблицы 2, она оценивается ниже среднего.

Взгляды молодежи обеих возрастных групп (см. табл. 2) полностью совпали при оценке утверждений относительно реакции чиновников на критику со стороны граждан (2,6), влияния их деятельности на консолидацию жителей населенного пункта респондентов (3,1) и на социальный мир (2,8). Разрыв значений при оценке остальных утверждений – не более 0,3.

Таким образом, третья гипотеза подтвердилась частично. Позиции молодежи в сравниваемых возрастных группах сходны в оценке ценностей, лежащих в основе профессиональной деятельности госслужащих. При этом данные таблицы 2 в целом подтверждают тенденцию к негативизации деятельности чиновников со стороны респондентов в возрасте от 25 до 34 лет.

Наиболее высоко все участники опроса оценили действия госслужащих в аспекте консолидации общества, адаптации и интеграции мигрантов. Общую оценку их деятельности в данных направлениях можно охарактеризовать как среднюю.

Респонденты чаще согласны с утверждением о том, что бюрократия снижает скорость решения вопросов населения. Это единственное утверждение, относительно которого средняя оценка молодежи младшей когорты ниже аналогичного показателя для молодежи старшей группы.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом опрошенные свердловчане оценивают деятельность чиновников в своем регионе скорее негативно, что свидетельствует о неоднозначном имидже последних и отсутствии доверия им в молодежной среде. При этом значимая доля молодых людей затрудняется с оценкой. Невидимость власти для россиян 18–34 лет может быть связана не только с отсутствием личного опыта взаимодействия с региональными служащими ввиду отсутствия определенных гражданских запросов на соответствующие услуги, но и со слабой осведомленностью населения данной группы о тех или иных аспектах деятельности исполнительных органов власти там, где оно живет, учится и работает.

Единодушные во мнении респондентов обеих возрастных когорт по ряду аспектов свидетельствует о наличии общих ценностей и ожиданий в среде региональной молодежи. В ее восприятии система публичного управления бюрократизирована; качество сервиса при предоставлении услуг ограничено; чиновники не являются

партнерами, т. е. теми, кто ориентирован на оказание помощи всем гражданам. Данные параметры институциональной эффективности, относящиеся к инструментально-утилитарным ценностям, обуславливают дистанцирование молодого поколения от органов государственного управления.

Полученные результаты по Свердловской области отражают общероссийские тенденции. Во-первых, взаимодействие власти и молодежи в регионах опирается на разный социально-экономический контекст. Выявленное региональное распределение представлений о справедливости коррелирует с объективным качеством жизни на местах. Даже при общем высоком уровне текущего благополучия и осторожном оптимизме в студенческой среде существуют проблемы в сфере социального доверия, тревожность относительно обеспечения базовых потребностей. Это создает потенциальные риски для социальной стабильности ввиду противоречивого сочетания высоких ожиданий и недостаточного доверия к социальным институтам [21].

Во-вторых, обнаружена дифференциация категории 18–34 лет в связи с оценками политической эффективности. Доказано, что политический цинизм уменьшает готовность людей участвовать в общественной гражданской активности. Российская молодежь больше склонна к социальному цинизму, чем к политическому доверию [17]. Это согласуется с выводом о том, что молодые свердловчане чаще негативно оценивают деятельность чиновников по обеспечению социально-политической стабильности в обществе.

Исследование показало: доверие к власти существенно ограничено и градус напряжения увеличивается в процессе взросления молодежи. В восприятии опрошенных чиновники имеют скорее плохую репутацию, заботятся далеко не обо всех гражданах, и с возрастом все больше молодых людей это признают. Молодежь младшей группы, недавно обретя полную дееспособность и обладая небольшим индивидуальным опытом взаимодействия с региональными служащими, оценивает их деятельность значительно более позитивно, чем респонденты старшей когорты (25–34 года). Это может быть связано с отсутствием у населения 18–24 лет реальной и не всегда однозначной практики коммуникации с представителями власти.

При интерпретации результатов следует учитывать ограничения исследования: его выводы применимы в первую очередь к молодежи Свердловской области и требуют проверки в других региональных контекстах; данные собраны в 2023 году, что не позволяет оценить долгосрочные тренды и динамику выявленных установок; в выборку не вошли юноши и девушки в возрасте 14–17 лет, чей опыт взаимодействия с чиновниками принципиально ограничен в силу возраста и правового и социального статуса.

Перспективным направлением видится работа, связанная с преодолением указанных ограничений: проведением сравнительных исследований в других регионах для выявления общих и специфических тенденций, организацией лонгитюдного исследования для анализа динамики, а также изучение влияния этнокультурного фактора, поскольку доказано, что выраженная этническая идентичность коррелирует с более высоким доверием к власти [17].

Материалы исследования могут быть использованы для совершенствования управленческих подходов в сфере молодежной политики, в том числе для повышения

эффективности взаимодействия региональной власти и населения, что позволит государственным служащим адаптировать форматы и содержание коммуникации под ценностные запросы молодого поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боронина Л.Н., Балясов А.А. Сравнительный анализ моделей инновационного потенциала учащейся и работающей молодежи индустриальных регионов России. *Социодинамика*. 2020;(12):96–108. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.12.34594>
2. Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):119–138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>
3. Jalali C., Silva P., Costa E. Youth with Clipped Wings: Bridging the Gap from Youth Recruitment to Representation in Candidate Lists. *Electoral Studies*. 2024;(88):102767. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2024.102767>
4. Weiss J. What is Youth Political Participation? Literature Review on Youth Political Participation and Political Attitudes. *Frontiers in Political Science*. 2020;(2):1. <https://doi.org/10.3389/fpos.2020.00001>
5. Kitanova M. Youth Political Participation in the EU: Evidence from a Cross-National Analysis. *Journal of Youth Studies*. 2020;23(7):819–836. <https://doi.org/10.1080/13676261.2019.1636951>
6. Майборода А., Саблина А., Ясавеев И.¹⁶ Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной политики в странах Евросоюза и России. *Социологическое обозрение*. 2021;20(3):71–97. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2021-3-71-97>
7. Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022;(2):66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>
8. Смирнов В.А. Молодежная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия. *Высшее образование в России*. 2023;32(5):9–20. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20>
9. Osborne S.P., Powell M., Cui T., Strokosch K. Value Creation in the Public Service Ecosystem: An Integrative Framework. *Public Administration Review*. 2022;82(4):634–645. <https://doi.org/10.1111/puar.13474>
10. Попова О.В., Гришин Н.В., Погодина М.Я. Коммуникация молодежи с главами исполнительной власти регионов Российской Федерации во «ВКонтакте» в 2022 году. *Полис. Политические исследования*. 2023;(4):122–137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.09>
11. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Любутов А.С., Сорокин О.В. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование. *Социологические исследования*. 2021;(10):23–36. <https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5>
12. Naidoo I., Holtzhausen N. Contextualising Public Value Theory and its Measurement in Public Administration. *Administratio Publica*. 2020;28(2):191–204. Available at: <https://journals.co.za/doi/epdf/10.10520/ejc-adminpub-v28-n2-a12> (accessed 04.06.2024).
13. Meynhardt T., Jasinenko A. Measuring Public Value: Scale Development and Construct Validation. *International Public Management Journal*. 2020;24(2):222–249. <https://doi.org/10.1080/10967494.2020.1829763>
14. Faulkner N., Kaufman S. Avoiding Theoretical Stagnation: A Systematic Review and Framework for Measuring Public Value. *Australian Journal of Public Administration*. 2018;77(1):69–86. <https://doi.org/10.1111/1467-8500.12251>
15. Xiao H., Gong T., Tu W. Why Trust Weighs More? Investigating the Endogenous Relationship between Trust and Perceived Institutional Effectiveness. *Administration and Society*. 2024;56(5):602–627. <https://doi.org/10.1177/00953997241239000>
16. Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г. Трансформация культуры доверия в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023;(1):157–179. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/140/76> (дата обращения: 04.06.2024).

¹⁶ В 2022 году Министерством юстиции РФ включен в Реестр иностранных агентов.

17. Федотова В.А. Доверие к власти у современной российской молодежи: роль ценностей и этнической идентичности. *Политика и Общество*. 2022;(2):14–27. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.2.37327>
18. Щекотуров А.В. Политическое доверие и ценности лояльной и оппозиционной молодежи в эксклавному регионе России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021;23(4):570–583. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583>
19. Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Структура общественно-политических ценностей молодежи в современном российском обществе: региональный аспект. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2022;8(1):102–119. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-1-102-119>
20. Селезнева А.В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки. *Научный результат. Социология и управление*. 2022;8(3):47–60. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4>
21. Дадаева Т.М., Касаткина Н.П., Шумкова Н.В. Социальное самочувствие и социальная справедливость в оценках российской студенческой молодежи: характер взаимосвязи в условиях новых вызовов. *Регионология*. 2025;33(2):294–315. <https://regionsar.ru/ru/node/2312>
22. Soo C., Chen S., Edwards M.G. A Knowledge-Based Approach to Public Value Management: A Case Study of Change Implementation in Disability Services in Western Australia. *Australian Journal of Public Administration*. 2018;77(2):187–202. <https://doi.org/10.1111/1467-8500.12279>
23. Cui T., Osborne S.P. Unpacking Value Destruction at the Intersection between Public and Private Value. *Public Administration*. 2023;101(4):1207–1226. <https://doi.org/10.1111/padm.12850>
24. Шаповалова И.С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи. *Регионология*. 2021;29(4):902–932. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>
25. Максименко А.А., Зайцев А.В., Дейнека О.С., Зябликов А.В., Ахунзянова Ф.Т. Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге «власть – общество». *Регионология*. 2024;32(2):217–241. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241>
26. Заборова Е.Н. Практика применения некоторых форм электронного взаимодействия власти и населения в Свердловской области. *Регионология*. 2024;32(2):290–307. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.290-307>
27. Хагуров Т.А., Русия Н.Т. Молодежная политика глазами учащейся молодежи. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022;(8):31–37. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.8.3>
28. Огородов Д.А. Запрос на политическое участие, или миф о политическом абсентеизме молодежи (по данным социологического исследования). *Вестник РМАТ*. 2020;(3):26–33. <https://www.elibrary.ru/DYYARP>
29. Березутский Ю.В. Роль государственной молодежной политики в развитии социальной активности молодежи. *Власть и управление на Востоке России*. 2018;(1):65–78. <https://www.elibrary.ru/XTGQGD>
30. Селезнева А.В., Зиненко В.Е. Молодежная политика как фактор формирования гражданского самосознания российской молодежи: политико-психологический анализ. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021;(87):96–104. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-87-96-104>
31. Пушкарева Г.В. Ценностное измерение публичной политики. *Политическая наука*. 2022;(3):15–35. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.03.01>

REFERENCES

1. Boronina L.N., Baliasov A.A. Comparative Analysis of the Models of Innovation Potential of Student Youth and Working Youth of the Industrial Regions of Russia. *Sociodynamics*. 2020;(12):96–108. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.12.34594>
2. Petukhov V.V. Russian Youth and its Role in Society Transformation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):119–138. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>

3. Jalali C., Silva P., Costa E. Youth with Clipped Wings: Bridging the Gap from Youth Recruitment to Representation in Candidate Lists. *Electoral Studies*. 2024;(88):102767. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2024.102767>
4. Weiss J. What is Youth Political Participation? Literature Review on Youth Political Participation and Political Attitudes. *Frontiers in Political Science*. 2020;2(1). <https://doi.org/10.3389/fpos.2020.00001>
5. Kitanova M. Youth Political Participation in the EU: Evidence from a Cross-National Analysis. *Journal of Youth Studies*. 2020;23(7):819–836. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.1080/13676261.2019.1636951>
6. Mayboroda A., Sablina A., Yasaveev I. The State for Youth or Youth for the State: Discourses of Youth Policy in the EU and Russia. *The Russian Sociological Review*. 2021;20(3):71–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2021-3-71-97>
7. Omelchenko E.L., Lisovskaya I.V. Youth as a Barometer of the Future? The Youth Agenda in Contemporary Russia as Viewed by Youth Policy Experts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(2):66–92. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>
8. Smirnov V.A. Youth Policy and Educational Activities in Russian Universities: Stages of Development and Key Contradictions. *Higher Education in Russia*. 2023;32(5):9–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20>
9. Osborne S.P., Powell M., Cui T., Strokosch K. Value Creation in the Public Service Ecosystem: An Integrative Framework. *Public Administration Review*. 2022;82(4):634–645. <https://doi.org/10.1111/puar.13474>
10. Popova O.V., Grishin N.V., Pogodina M.Ya. Communication of Youth with the Highest Officials of the Subjects of the Russian Federation on the Social Network “VKontakte” in 2022. *Polis. Political Studies*. 2023;(4):122–137. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.09>
11. Chuprov V.I., Zubok Ju.A., Lyubutov A.S., Sorokin O.V. Self-Regulation of Life of the Youth: Structural-Taxonomic Modeling. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. (In Russ., abstract in Eng.) 2021;(10):23–36. <https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5>
12. Naidoo I., Holtzhausen N. Contextualising Public Value Theory and its Measurement in Public Administration. *Administratio Publica*. 2020;28(2):191–204. Available at: <https://journals.co.za/doi/epdf/10.10520/ejc-adminpub-v28-n2-a12> (accessed 04.06.2024).
13. Meynhardt T., Jasinenko A. Measuring Public Value: Scale Development and Construct Validation. *International Public Management Journal*. 2020;24(2):222–249. <https://doi.org/10.1080/10967494.2020.1829763>
14. Faulkner N., Kaufman S. Avoiding Theoretical Stagnation: A Systematic Review and Framework for Measuring Public Value. *Australian Journal of Public Administration*. 2018;77(1):69–86. <https://doi.org/10.1111/1467-8500.12251>
15. Xiao H., Gong T., Tu W. Why Trust Weighs More? Investigating the Endogenous Relationship Between Trust and Perceived Institutional Effectiveness. *Administration and Society*. 2024;56(5):602–627. <https://doi.org/10.1177/00953997241239000>
16. Veselov Y.V., Skvortsov N.G. Transformation of the Culture of Trust in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(1):157–179. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/140/76> (accessed 04.06.2024).
17. Fedotova V.A. Trust in Power among Modern Russian Youth: The Role of Values and Ethnic Identity. *Politics and Society*. 2022;(2):14–27. (In Russ., abstract in Eng.) <http://www.doi.org/10.7256/2454-0684.2022.2.37327>
18. Shchekoturov A.V. Political Trust and Values of Loyal and Oppositional Youth in the Exclave Region of Russia. *RUDN Journal of Political Science*. 2021;23(4):570–583. (In Russ., abstract in Eng.) <http://www.doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583>
19. Galkina E.P., Kadnichanskaya M.I. The Structure of Socio-Political Values of the Youth in Modern Russian Society: Regional Aspect. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2022;8(1):102–119. (In Russ., abstract in Eng.) <http://www.doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-1-102-119>
20. Selezneva A.V. Political Morality of Modern Russian Youth: Values, Representations, Attitudes. Research Result. *Sociology and Management*. 2022;8(3):47–60. (In Russ., abstract in Eng.) <http://www.doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4>

21. Dadaeva T.M., Kasatkina N.P., Shumkova N.V. Societal Well-Being Perceptions and Social Justice Assessments among Russian University Students: The Nature of the Relationship in the Context of New Challenges. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):294–315. (In Russ., abstract in Eng.) <https://regionsar.ru/ru/node/2312>
22. Soo C., Chen S., Edwards M.G. A Knowledge-Based Approach to Public Value Management: A Case Study of Change Implementation in Disability Services in Western Australia. *Australian Journal of Public Administration*. 2018;77(2):187–202. <https://doi.org/10.1111/1467-8500.12279>
23. Cui T., Osborne S.P. Unpacking Value Destruction at the Intersection between Public and Private Value. *Public Administration*. 2023;101(4):1207–1226. <https://doi.org/10.1111/padm.12850>
24. Shapovalova I.S. Problems of Implementation of the State Youth Policy in the Reflection of Regional Youth. *Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(4):902–932. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>
25. Maksimenko A.A., Zaitsev A.V., Deyneka O.S., Zyablikov A.V., Akhunzyanova F.T. Assessment by the Population of the Effectiveness of Digital Communication of the Heads of Regions in the Internet Dialogue “Power – Society”. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):217–241. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241>
26. Zaborova E.N. Practice of Electronic Interaction between the Government and the Population in the Sverdlovsk Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):290–307. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.290-307>
27. Khagurov T.A., Rusiya N.T. Youth Policy through the Eyes of Student Youth. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2022;(8):31–37. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24158/spp.2022.8.3>
28. Ogorodov D.A. [Request for Political Participation or Myth of Political Absenteeism of Young People (According to a Sociological Study)]. *Vestnik RIAT*. 2020;(3):26–33. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/DYYARP>
29. Berezutskij Yu.V. The Role of the State Youth Policy in the Development of Youth Social Activity. *Power and Administration in the East of Russia*. 2018;(1):65–78. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/XTGQGD>
30. Selezneva A.V., Zinenko V.Ye. Youth Policy as a Factor of Forming Russian Youth Civic Self-Consciousness: Political and Psychological Analysis. *Public Administration. E-Journal*. 2021;(87):96–104. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-87-96-104>
31. Pushkareva G.V. Value Measuring Public Police. *Political Science*. 2022;(3):15–35. (In Russ., abstract in Eng.) <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.03.01>

Об авторах:

Початкова Екатерина Ивановна, ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7571-5055>, SPIN-код: 6641-3094, e.i.pochatkova@urfu.ru

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5539-5722>, Researcher ID: AAA-6886-2019, Scopus ID: 57200641582, SPIN-код: 7750-4820, m.v.pevnaya@urfu.ru

Вклад авторов:

Е. И. Початкова – проведение исследования; формальный анализ; визуализация; написание черновика рукописи.

М. В. Певная – разработка концепции; административное руководство исследовательским проектом; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 02.11.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.

About the authors:

Ekaterina I. Pochatkova, Assistant, Chair of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7571-5055>, SPIN-code: 6641-3094, e.i.pochatkova@urfu.ru

Maria V. Pevnaya, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5539-5722>, Researcher ID: AAA-6886-2019, Scopus ID: 57200641582, SPIN-code: 7750-4820, m.v.pevnaya@urfu.ru

Contribution of the authors:

E. I. Pochatkova – investigation; formal analysis; visualization; writing – original draft preparation.

M. V. Pevnaya – conceptualization; project administration; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 02.11.2024; revised 05.09.2025; accepted 12.09.2025.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.754-770>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/mkbmf>

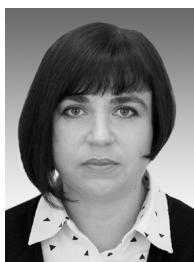
ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 159.923.2:316.347:314.22(470.345)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Динамика этноконфессиональной идентичности жителей Республики Мордовия

Л. Н. Курышова¹ М. Ю. Бареев² ✉ О. Н. Курмышкина¹

¹ Научный центр социально-экономического мониторинга
(г. Саранск, Российская Федерация)

² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)
✉ bareevmaksim@rambler.ru

Аннотация

Введение. Этноконфессиональные процессы в регионах России в современных условиях характеризуются противоречивостью: с одной стороны, усилением гражданской консолидации и формированием единой национальной идентичности, с другой – активным возрождением этнической самобытности и традиционных религиозных практик. Данная дихотомия указывает на дифференцированный характер межэтнических и межконфессиональных процессов и при их анализе обуславливает необходимость учета региональных особенностей. Цель исследования – выявить и проанализировать изменения в структуре и проявлениях этноконфессиональной идентичности населения Республики Мордовия в 2021–2023 гг.

Материалы и методы. Работа основывается на материалах опросов населения Республики Мордовия, проведенных в 2021 и 2023 гг. Сбор данных осуществлялся методом очного анкетирования в 23 муниципальных образованиях РМ. Квотная выборка репрезентирует население по месту жительства (город, село), полу, возрасту, национальности. Объем выборочной совокупности в каждом опросе составил 700 чел.

Результаты исследования. Выявлен рост религиозной самоидентификации населения с 72 до 78 % при одновременном снижении вовлеченности в религиозные практики (посещение храмов, соблюдение постов, празднование религиозных праздников). Зафиксировано усиление этнической идентичности во всех исследуемых группах. Наибольший показатель отмечен среди татарского населения (71 %), за которым следуют мордва (58 %) и русские (51 %). Обнаружена специфика языкового поведения: высокий уровень владения национальными языками (мордовскими, татарским) при относительно низком признании их в качестве родного.

© Курышова Л. Н., Бареев М. Ю., Курмышкина О. Н., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Исследование демонстрирует сложную динамику этноконфессиональной идентичности в Республике Мордовия. Наблюдается сочетание нескольких важных процессов: рост декларативной религиозности при снижении практической вовлеченности в религиозные практики, усиление этнической самоидентификации среди представителей всех исследуемых групп, а также доминирование русского языка в этноязыковом пространстве региона. Результаты исследования могут быть использованы для адекватной оценки специфики межнациональных и межконфессиональных отношений в полиэтничных регионах и совершенствования региональной политики.

Ключевые слова: этноконфессиональная идентичность, этноязыковая ситуация, Республика Мордовия, религиозность, полиэтнический регион

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Курышова Л.Н., Бареев М.Ю., Курмышкина О.Н. Динамика этноконфессиональной идентичности жителей Республики Мордовия. *Регионоведение*. 2025;33(4):754–770. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.754-770>

Dynamics of Ethno-Confessional Identity of Residents of the Republic of Mordovia

L. N. Kuryshova^a, M. Yu. Bareev^b ✉, O. N. Kurmyshkina^a

^a Scientific Center for Socio-Economic Monitoring
(Saransk, Russian Federation)

^b National Research Mordovia State University
(Saransk, Russian Federation)

✉ bareevmaksim@rambler.ru

Abstract

Introduction. The Russian Federation is a multi-religious and multinational country, where the coexistence of various ethnic groups has always been the basis for the sustainable development. The co-existence of different peoples creates the problem of taking into account the characteristics of each ethno-confessional group, harmonizing interethnic and interfaith relations, and the need to maintain stability. The purpose of this study is to identify the features of the ethno-religious identity of the inhabitants of the Republic of Mordovia and its changes in the 2020s.

Materials and Methods. The work is based on the materials of surveys of the population of the Republic of Mordovia, conducted in 2021 and 2023. Data collection was carried out by the method of face-to-face questioning in 23 municipal entities, by a quota representative sample. The volume of the sample population in each survey was 700 people.

Results. The level of religious self-identification of the population of the republic is increasing along with a decrease in involvement in religious rituals, which is especially noticeable among Russian-speaking citizens. The main motivation for participating in these practices is increasingly “tradition” or “the opportunity to spend time with loved ones”, rather than religious intentions. A high level of proficiency in the national languages (Mordvin and Tatar) remains, but their use is limited due to urbanization and globalization. As a result, the level of proficiency in the national language significantly exceeds the frequency of recognition as a native language.

Discussion and Conclusion. Data analysis revealed a high level of ethno-religious identity, which was higher than the level of civic identity, which is generally typical for national republics. At the same time, despite the relatively high level of proficiency in their national language, almost half of the Tatars and Mordvins surveyed consider Russian to be their native language. The results of the study can be used for an adequate assessment of interethnic and interreligious relations in multiethnic regions.

Keywords: ethno-confessional identity, ethno-linguistic situation, Republic of Mordovia, religiosity, multi-ethnic region

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Kuryshova L.N., Bareev M.Yu., Kurmyshkina O.N. Dynamics of Ethno-Confessional Identity of Residents of the Republic of Mordovia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(4):754–770. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.754-770>

ВВЕДЕНИЕ

Начало специальной военной операции повлекло за собой значительные социальные сдвиги, затронувшие все гражданское общество России [1]. Оно инициировало переосмысление нравственных установок и укрепление традиционных ценностей, процессы артикуляции общероссийской гражданской идентичности, объединившие народы, которые проживают на данной территории. При этом общероссийская гражданская идентичность не является и не должна быть антиподом этнической [2]. Каждый этнос в границах Российской Федерации обладает собственной уникальной идентичностью, которая в идеале гармонично вплетается в этнически разнообразную структуру страны.

Проблемы, связанные с этноконфессиональной идентичностью граждан, актуализируются на фоне декларации задач сохранения и укрепления традиционных ценностей. Особенно напряженно это может проявляться в полиэтничных регионах, где в условиях обострения социальных проблем поиск оптимального сочетания этнической, конфессиональной и гражданской идентичностей выступает фактором сохранения единства и стабильности российского общества.

Основу этноконфессиональной идентичности составляет этническое самоопределение на базе культурных стандартов и практик, выработанных в контексте религиозной традиции. При этом этноконфессиональная идентичность подразумевает не только декларативную самоидентификацию с той или иной этнической или конфессиональной группой, но и вовлеченность в определенные социальные практики, такие как соблюдение национальных традиций, религиозных норм, празднование национальных и религиозных праздников, использование родного языка в быту, а также в целом ощущение близости с людьми своей национальности или конфессии.

Особенность этноконфессиональной идентичности жителей Мордовии проявляется в том, что этническая принадлежность относится к определяющим факторам социальной идентификации. По мнению исследователей, этничность – это способ позиционирования региональной уникальности и может рассматриваться как ресурс развития территории [3]. Общая идентичность сплачивает людей, позволяя формировать единую общественную реакцию на различные социальные изменения.

Одна из проблем укрепления этноконфессиональной идентичности в России связана с тем, что она многонациональна: в стране проживают больше 190 этносов и этнических групп. При этом усиливающиеся процессы глокализации в мире акцентируют уникальность и неповторимость каждого этнического сообщества, что может как разобщать, так и укреплять единство социума – единство в многообразии.

Для сохранения единства важно управлять межэтническими отношениями, в том числе проводить регулярный мониторинг этноконфессиональной ситуации внутри региональных социумов, что актуально для полиэтничных регионов.

Региональная специфика этноконфессиональных трансформаций в России обусловлена рядом историко-демографических и социально-политических факторов. В субъектах Федерации наблюдается дивергенция процессов: на некоторых территориях преобладает ассимиляционное давление со стороны численно доминирующего этноса, на других – зафиксированы контртенденции, выражающиеся в усилении этнической самоидентификации, институционализации национальных движений.

Глубокие социально-политические преобразования постсоветской эпохи, включая идеологическую секуляризацию, религиозное возрождение, изменения в языковой политике и новые миграционные процессы, существенно изменили механизмы формирования идентичности. Тем не менее имеющиеся исследования дают главным образом статичную картину этноконфессиональной идентичности жителей региона, однако это процесс динамичный, эволюционирующий, которому свойствен во многом ситуативный характер.

Цель исследования – провести детальный анализ составляющих этноконфессиональной идентичности в Республике Мордовия и проследить ее динамическую трансформацию в 2021–2023 гг.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Классическая версия теории идентичности, созданная Э. Эриксоном в середине XX века, опирается на работы З. Фрейда¹, где становление социальной идентичности начинается с вовлечения человека в определенные групповые практики. Идентичность, по Э. Эриксону, это «метод организации опыта», который может быть как групповым, так и индивидуальным². Категоризация понятия «идентичность» была предпринята в работе Г. Таджфела и Дж. Тернера, где рассматривается в качестве адаптивной функции человеческой психики, структурирующей многообразие социальных стимулов в упорядоченную совокупность отдельных категорий³.

В отечественной науке значимый вклад в исследование идентичности внесли В. А. Тишков и М. К. Горшков. По мнению первого, понятие идентичности является близким к самосознанию [4], а по словам М. К. Горшкова, это своего рода основная идея, связанная с национальным образом мира и национальной историей, которая живет в социуме в данную историческую эпоху⁴.

Современные подходы к анализу идентичности и их отличие от теории Э. Эриксона представлены в работе Н. Л. Поляковой, где идентичность замещена понятием «идентификация» и неразрывно связана с процессом индивидуализации личности [5]. Опираясь на философский, социологический и психологический подходы, Л. В. Хачатрян говорит о главенствующей роли идентичности в конструировании социальной реальности [6] и приходит к выводу о том, что основными для отечественных исследователей становятся вопросы о соотношении гражданской и этнической идентичностей.

Различные исследовательские подходы к осмыслению понятия идентичности в дискурсе социально-гуманитарного знания представлены Д. Г. Подвойским и С. Солеймани [7]. Социальную идентичность авторы рассматривают как основу для выявления значимых сходств и различий тех или иных социальных акторов.

¹ См. например: Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. В кн.: Д-р Зигмунд Фрейд. Разреш. автором пер. В. Медема. М.: «Современные проблемы» Н. А. Столляр; 1923. 256 с.

² Erikson E.H. Identity and the Life Cycle. New York: W. W. Norton and Company; 1980. 191 p.

³ Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Political Psychology. Jost J.T., Sidanius J. (eds). New York: Psychology Press; 2004. 512 p. <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>

⁴ Горшков М.К. Модернизационный потенциал идентичности (Вместо предисловия) [Электронный ресурс]. В кн.: Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник. М.: Новый хронограф; 2013. С. 3–20. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=3074> (дата обращения: 31.01.2025).

Одной из наиболее ранних научных работ в России, затрагивающих проблематику этноконфессиональной и гражданской идентичностей, выступает публикация О. А. Богатовой⁵, где изучаются взаимоотношения религиозной, этнической и гражданской идентичностей в полиэтничном и поликонфессиональном регионе. В исследованиях Л. М. Дробизевой рассматриваются связь гражданской консолидирующей идентичности с межэтническим негативизмом, и гражданская идентичность служит фактором, купирующим возможные межэтнические конфликты [8; 9].

Содержание этнической идентичности в России раскрывает С. В. Рыжова [10]. С этносоциологических позиций автор исследует динамику этого феномена, операционализирует его понятие, предлагает собственные теоретико-методологические подходы к его изучению, настаивая на том, что формирование российской гражданской идентичности неразрывно связано с этническим и религиозным самосознанием народов, проживающих в РФ.

Мониторингом этноконфессиональной ситуации в Республике Мордовия, в том числе изучением религиозной ситуации⁶ и вопросов межнационального взаимодействия [11], занимаются сотрудники Государственного казенного учреждения РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга».

Несмотря на достаточно большое количество исследований, в российской социологической науке практически нет работ, в которых изучается специфика изменений этнической и конфессиональной самоидентификации, происходящих в обществе под влиянием глубоких социально-политических трансформаций. Кроме того, малоизученной темой остается определение особенностей этноконфессиональной идентичности жителей национальных республик Российской Федерации.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению особенностей этноконфессиональной идентичности населения Республики Мордовия, а также изменению его самоидентификации и поведения в 2021–2023 гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методология исследования во многом опирается на концепты и методологию, представленные в работах С. В. Рыжовой⁷ [10]. В частности, использован опросный метод для выявления особенностей этноконфессиональной идентичности. Вместе с тем идентичность соотносится не с фиксированным, унаследованным статусом, а с динамичным процессом, где этноконфессиональная идентичность понимается как многокомпонентное явление, которое включает в себя этническую, религиозную и этноязыковую идентичности.

Эмпирической базой исследования послужили результаты социологических исследований, проведенных ГКУ РМ «Научный центр социально-эконо-

⁵ Богатова О.А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность в регионе. *Регионология*. 2009;17(3):249–260.

⁶ Козин В.В., Фадеева И.М. Религиозная ситуация в Республике Мордовия. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та; 2021. 111 с.

⁷ Рыжова С.В. Содержание и динамика этнической идентичности в России. В кн.: Этническое и религиозное многообразие России. Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН; 2018. С. 119–135 ; Рыжова С.В. Этническая идентичность в период социальных трансформаций. *Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Межэтнические отношения, идентификационные и интеграционные процессы в период социальных трансформаций*. 2024;(1):19–29.

мического мониторинга» в 2021 и 2023 гг.⁸ Сбор первичных социологических данных осуществлялся методом очного анкетирования по квотной выборке в Республике Мордовия. Квотными признаками выступали: пол, возраст, место жительства (город/село), этническая принадлежность (русские, мордва (мокша, эрзя), татары). Объем выборочной совокупности в обоих случаях составлял 700 чел., предельная погрешность выборки не превышала 3,5 %. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Структура выборки (табл. 1) соответствует составу населения региона согласно статистическим данным по квотным признакам. Опрос проводился с целью изучения состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия. В анкете представлены несколько блоков вопросов, связанных с идентичностью респондента, межнациональными отношениями, религиозными отношениями, этноязыковой ситуацией. Обработка полученных данных осуществлялась в программе SPSS Statistics и Microsoft Excel for Windows 2021.

Т а б л и ц а 1. Структура выборочной совокупности, чел.⁹

Table 1. Structure of the sample population, people

Характеристики выборочной совокупности / Characteristics of the sample population	2021 г.	2023 г.
<i>Место жительства / Place of residence</i>		
Городская местность / Urban	445	450
Сельская местность / Rural	255	250
<i>Пол / Gender</i>		
Мужской / Male	323	324
Женский / Female	377	376
<i>Возраст / Age</i>		
От 18 до 29 лет / 18 to 29	115	106
От 30 до 49 лет / 30 to 49	247	259
От 50 лет и старше / 50 and older	338	335
<i>Национальность / Nationality</i>		
Русский (русская) / Russian (Russian)	381	411
Мордвин (мордовка), (мокша, эрзя) / Mordvin (Mordovian), (Moksha, Erzya)	276	244
Татарин (татарка) / Tatar (Tatar)	37	40
Другое / Other	4	5

Примечание / Note. Здесь и далее в статье данные округлены до целых, сумма долей может отклоняться от 100 % на ± 1 п.п. из-за погрешностей округления / From here on in the article, the data is rounded to whole numbers; the sum of shares may deviate from 100 % by ± 1 percentage point due to rounding errors.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Религиозная ситуация. Республика Мордовия представляет собой полиэтничный регион, в котором проживают 53,2 % русских, 39,9 мордвы, 5,2 татар и

⁸ Республика Мордовия глазами социологов: науч. справ. Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга; 2024. 480 с.

⁹ Таблицы, а также рисунки составлены авторами на основе результатов социологических исследований, проведенных ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» в 2021 и 2023 гг.

1,7 % – других национальностей¹⁰. Основной религией является православное христианство, которое исповедует преимущественно русское и мордовское население. В то же время в регионе зафиксированы немало мусульман, как приезжих, так и живущих здесь постоянно. Носителями религии ислама выступают главным образом татары, в меньшей степени – представители других этносов (около 0,5 % от общей численности населения республики).

В рассматриваемый период декларируемый уровень религиозности жителей республики изменился: если в 2021 г. 72 % опрошенных оценили себя как верующие, то в 2023 г. – уже 78 %. При этом увеличение доли верующих зафиксировано среди всех изучаемых этносов. Наибольший процент среди тех, кто считает себя верующим, в 2023 г. был характерен для респондентов мордовской национальности (мокши) (84 %), а также для татар (83), самый низкий – для русских (74 %) (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Доля верующих респондентов в зависимости от национальности, %

Table 2. The share of religious respondents depending on nationality, %

Национальность / Nationality	2021 г.	2023 г.
Русские / Russians	70	74
Мордва-мокша / Mordvins-Moksha	75	84
Мордва-эрзя / Mordvins-Erzya	71	82
Татары / Tatars	73	83
В целом по выборке / Overall in the sample	72	78

При возросшем за два года общем уровне религиозной самоидентификации снизилась доля тех, кто не указал религию, соответствующую своей вере, т. е. тех, кто выбрал варианты «Верю в высшие силы, но не отношу себя к какому-то религиозному течению», «Не могу точно назвать какое-либо религиозное течение/вероисповедание» и затруднился с ответом (табл. 3). В то же время несколько увеличилась доля респондентов, которые идентифицируют себя как православные: с 87 до 89 %.

Т а б л и ц а 3. Конфессиональная самоидентификация респондентов, %

Table 3. Religious self-identification of respondents, %

Вариант ответа / Answer option	2021 г.	2023 г.
1	2	3
Православие / Orthodoxy	87	89
Ислам / Islam	5	6
Буддизм / Buddhism	< 1	–
Иудаизм / Judaism	–	–
Другая религия / Other religion	< 1	< 1
Не могу точно назвать какое-либо религиозное течение/вероисповедание / I can't name a specific religious movement/denomination	1	< 1
Верю в высшие силы, но не отношу себя к какому-то религиозному течению / I believe in a higher power, but I don't consider myself a member of any particular religious movement	2	1

¹⁰ Республика Мордовия (справка) [Электронный ресурс]. Портал Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://clck.ru/3Qm4wz> (дата обращения: 31.01.2025).

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3
Другие христианские течения (католики, протестанты, униаты, баптисты и т.д.) / Other Christian movements (Catholics, Protestants, Uniates, Baptists, etc.)	1	1
Затрудняюсь ответить / I don't know	4	3
Итого / Total	100	100

В период с 2021 по 2023 год наблюдалась тенденция к снижению вовлеченности населения Республики Мордовия в религиозные практики. Во-первых, люди стали реже бывать в храмах традиционных конфессий: доля никогда не посещавших подобные учреждения выросла на 7 п.п. При этом сократилось количество как регулярных, так и эпизодических прихожан (табл. 4).

Таблица 4. Частота посещения респондентами религиозных организаций (церковь, мечеть или др.), %

Table 4. Frequency of respondents' visits to religious organizations (church, mosque, etc.), %

Вариант ответа / Answer option	2021 г.	2023 г.
Не реже одного раза в неделю / At least once a week	4	4
Не реже одного раза в месяц / At least once a month	14	12
Несколько раз в году / Several times a year	60	55
Никогда не посещаю / Never attend	10	17
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	12	11
Итого / Total	100	100

Во-вторых, зафиксировано снижение интенсивности участия в религиозных праздниках: доля лиц, праздновавших все такие события, сократилась на 12 п.п., а тех, кто отмечает лишь наиболее значимые из них, – выросла на 9 п.п., что свидетельствует о переходе от всеобъемлющей ритуальной практики к выборочному соблюдению религиозных традиций (табл. 5).

Таблица 5. Утверждения, описывающие личное отношение респондентов к празднованию религиозных праздников, %

Table 5. Statements describing the personal attitude of respondents to the celebration of religious holidays, %

Утверждение (вариант ответа) / Statement (answer option)	2021 г.	2023 г.
Я знаю все религиозные праздники и всегда их праздную / I know all the religious holidays and always celebrate them	18	15
Я не всегда праздную религиозные праздники / I don't always celebrate religious holidays	21	15
Я праздную только самые значимые религиозные праздники (Пасха, Рождество, Рамадан и т. п.) / I celebrate only the most significant religious holidays (Easter, Christmas, Ramadan, etc.)	51	63
Никогда не праздную религиозные праздники / I never celebrate religious holidays	9	6
Другое / Other	1	1
Итого / Total	100	100

Особенно заметно названные тенденции проявились среди православных христиан (русских и мордвы), менее очевидно – среди мусульман (татар). Отметим, что результаты исследования, проведенного в среде татарской молодежи региона, указывают на довольно высокий уровень ее вовлеченности в религиозные (мусульманские) практики [12]. Мусульмане (татары) по сравнению с христианами (русскими) проявляют большую религиозность, что также может свидетельствовать о более строгой приверженности религиозным традициям и обычаям [13, с. 62].

Главными мотивами респондентов, побуждавшими их отмечать религиозные праздники и соблюдать определенные религиозные нормы, все чаще становятся «традиция» (35 % в 2021 г., 39 в 2023 г.) и «возможность отдохнуть в компании близких» (8 % в 2021 г., 10 в 2023 г.); все реже – осознанное поведение в соответствии с нормами вероисповедания. Иными словами, собственно духовно-религиозный фактор при вовлечении в те или иные религиозные практики с течением времени становится второстепенным.

Межконфессиональные отношения в регионе традиционно отличаются высоким уровнем толерантности [11]. Так, в 2023 году 26 % респондентов охарактеризовали отношения между людьми различных вероисповеданий как доброжелательные, 63 – как нормальные, бесконфликтные и лишь 3 % – как напряженные, конфликтные.

Этноязыковая ситуация. Большинство опрошенных (69 %) родным языком считают русский; пятая часть (20) – мордовский; меньшинство – мордовский и русский (6), татарский (3), татарский и русский (2 %). При этом русских, согласно актуальным данным, в Мордовии лишь 53 %¹¹, а родной язык, по мнению большей части респондентов (63 %), это «... язык народа, к которому себя относишь и которым владеешь». Учитывая сказанное, можно предположить, что многие (до половины) из тех, кто идентифицировал себя как мордвин или татарин, на этноязыковом уровне относят себя скорее к русским, чем к представителям своей национальности.

В среднем по выборке среди тех, кто определил себя как мордву, считают родным только мордовский язык 56 %, хорошо владеют им значительно больше – 71 % участников опроса. Среди татар родным языком воспринимает только татарский половина опрошенных (50 %), хорошо владеет им – абсолютное большинство (85 %) (табл. 6). Таким образом, обнаруживается тенденция к тому, что степень фактического владения языком своей национальности оказывается заметно выше, чем оценка его респондентами в качестве родного.

Таблица 6. Этноязыковая идентичность татар и мордвы Республики Мордовия, %
Table 6. Ethnolinguistic identity of the Tatars and Mordvins of the Republic of Mordovia, %

Отношение к языку / Attitude to language	Русские / Russians	Мордва / Mordvins		Татары / Tatars
		мокша / Moksha	эрзя / Erzya	
Считают родным только национальный язык / Consider only the national language as their native language	98	53	58	50
Уверенно владеют национальным языком / Confident proficiency in the national language	100	70	71	85

¹¹ Республика Мордовия (справка)...

Почти половина населения выбирает только русский язык для обучения детей на всех ступенях образования. Согласны на национальный компонент в образовании (т. е. изучение национального языка в качестве предмета) треть опрошенных. За обучение только на национальном языке, что чаще выбирается в начальных классах, выступает сравнительно небольшая доля респондентов (около 4 %).

Отметим, что 30 % респондентов-татар в качестве предпочтительного языка преподавания в начальных классах выбрали исключительно татарский (табл. 7).

Таблица 7. Предпочтительный язык для обучения детей (внуков) в школе, %

Table 7. Preferred language for teaching children (grandchildren) at school, %

Вариант ответа / Answer option	В целом по выборке / Overall for the sample	Русские / Russian	Мордва / Mordvins		Татары / Tatars
			мокша / Moksha	эрзя / Erzya	
1	2	3	4	5	6
<i>В начальных классах / Primary school</i>					
Мокшанский / Moksha	4	2	17	—	—
Эрзянский / Erzya	3	1	3	11	—
Русский, с преподава- нием одного из мордов- ских языков как пред- мета / Russian, with one of the Mordvin languages taught as a subject	35	26	54	57	3
Русский, с преподавани- ем татарского языка как предмета / Russian, with Tatar taught as a subject	3	—	< 1	—	43
Только русский / Russian only	47	63	22	25	18
Татарский / Tatar	2	—	—	—	30
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	7	8	3	6	7
Итого / Total	100	100	100	100	100
<i>В 5–9 классах / In grades 5–9</i>					
Мокшанский / Moksha	2	1	8	—	—
Эрзянский / Erzya	2	1	2	6	—
Русский, с преподаванием одного из мордовских язы- ков как предмета / Russian, with one of the Mordvin lan- guages taught as a subject	34	27	50	54	—
Русский, с преподавани- ем татарского языка как предмета / Russian, with Tatar taught as a subject	4	1	1	—	54
Только русский / Russian only	49	60	36	28	28
Татарский / Tatar	1	—	—	—	10
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	9	11	3	12	8
Итого / Total	100	100	100	100	100

Окончание табл. 7 / End of table 7

1	2	3	4	5	6
<i>В 10–11 классах / In grades 10–11</i>					
Мокшанский / Moksha	1	–	5	1	–
Эрзянский / Erzya	1	1	1	5	–
Русский, с преподаванием одного из мордовских языков как предмета / Russian, with one of the Mordvin languages taught as a subject	25	19	37	42	3
Русский, с преподаванием татарского языка как предмета / Russian, with Tatar taught as a subject	3	1	–	–	46
Только русский / Russian only	59	68	53	39	33
Татарский / Tatar	1	–	–	–	8
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	11	12	4	13	10
Итого / Total	100	100	100	100	100

Как видно из таблицы 7, в среднем 47 % опрошенных татар хотели бы, чтобы у детей (внуков) языком преподавания был русский, а национальный язык присутствовал в числе школьных предметов. Среди мордвы аналогичный показатель чуть выше – 49 %.

Таким образом, больше половины опрошенных жителей региона мордовской и татарской национальности не хотят, чтобы их дети (внуки) забывали родной (национальный) язык.

Групповая идентичность. Ощущение близости с людьми своей социальной группы – в числе ключевых индикаторов, измеряющих состояние любой групповой идентичности. В исследуемый период в регионе зафиксирован рост чувства принадлежности ко всем обозначенным социальным группам, что может свидетельствовать о нарастании сплоченности и солидарности в социуме (табл. 8).

Таблица 8. Ощущение близости с людьми своей социальной группы по позиции «часто», %
Table 8. Feeling of closeness with people of one's social group according to the "often" position, %

Ощущение близости / Sense of closeness	В целом по выборке / Overall for the sample	
	2021 г.	2023 г.
1	2	3
С людьми своего поколения, возраста / With people of the same generation, age	62	71
Людьми той же профессии, рода занятий / With people of the same profession, occupation	51	58
С людьми своей национальности / With people of the same nationality	43	54
С теми, кто живет в том же городе (селе) / With those who live in the same city (village)	42	54

Окончание табл. 8 / End of table 8

1	2	3
С жителями республики / With residents of the republic	36	48
С людьми одной веры / With people of the same faith	35	48
Со всеми гражданами России / With all citizens of Russia	30	43
С людьми такого же достатка / With people of the same income	35	43
С людьми, близкими по политическим взглядам / With people of similar political views	27	37
Итого / Total	361	456

Примечание / Note. Общая сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов / The total number of responses exceeds 100 % because the respondent could select multiple answers.

Как видно из таблицы 8, значение этнической идентичности – одно из наиболее выраженных в республике: в 2023 г. 54 % опрошенных ответили, что часто ощущают близость с людьми своей национальности, в 2021 г. – 43 %. Уровень религиозной и гражданской идентичностей ниже: 48 и 43 % соответственно. Кластеризация данных¹² подтвердила, что этническая идентичность в Мордовии является более выраженной, нежели религиозная и гражданская.

Наиболее высоким уровень этнической идентичности оказался в среде татар – 71 %, в среде мордвы показатель составил 58 % (60 % – у мокши, 56 % – у эрзи), в среде русских – 51 % (табл. 9). У татар наряду с этнической идентичностью более выраженной является религиозная: они чаще ощущают близость с людьми своей веры (61 %).

Таблица 9. Ощущение близости с людьми своей национальности и веры в зависимости от национальности, %

Table 9. Feeling of closeness with people of the same nationality and faith depending on nationality, %

Вариант ответа / Answer option	В целом по выборке / Overall for the sample	Русские / Russian	Мордва / Mordvins		Татары / Tatars
			мокша / Moksha	эрзя / Erzya	
1	2	3	4	5	6
<i>С людьми своей национальности / With people of the same nationality</i>					
Часто / Often	54	51	60	56	71
Иногда / Sometimes	30	30	28	30	26
Практически никогда / Almost never	8	8	6	6	3
Трудно сказать / Hard to say	9	11	7	8	–
Итого / Total	100	100	100	100	100

¹² Среднее силуэтной меры связности и разделения кластеров составило 0,7, что соответствует оценке «хорошее» (кластеризация выполнена методом двухэтапного кластерного анализа).

Окончание табл. 9 / End of table 9

1	2	3	4	5	6
<i>С людьми своей веры / With people of the same faith</i>					
Часто / Often	48	46	50	47	61
Иногда / Sometimes	25	25	25	24	26
Практически никогда / Almost never	11	13	7	13	—
Трудно сказать / Hard to say	16	16	18	15	13
Итого / Total	100	100	100	100	100

Полученные данные в целом хорошо коррелируют с результатами исследования, проведенного в Мордовии среди школьников старших классов в местах компактного проживания татар [14], где также был выявлен более высокий уровень этнической идентичности (80 %) по сравнению с религиозной (44) или гражданской (32 %).

Таким образом, в республике показатель этнической идентичности значительно выше, чем гражданской и религиозной. Более высокое значение параметра – только у поколенческой и профессиональной идентичностей. Если сравнить полученные результаты с общероссийскими данными, то в Мордовии уровень этнической идентичности оказался заметно больше, чем в целом по России. Так, исследование А. А. Горбуновой и С. Г. Максимовой, проведенное в девяти регионах Российской Федерации с общей выборкой, превысившей 4 000 чел., показало больший уровень гражданской идентичности по сравнению с этнической и религиозной [15].

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для анализа динамики этноконфессиональной идентичности жителей Республики Мордовия были взяты результаты исследования, проведенного в 2021 г., т. е. еще до начала специальной военной операции. Сопоставление этих результатов с данными аналогичного обследования, осуществленного в 2023 г., выполнялось для выяснения, каким образом могли измениться те или иные параметры этноконфессиональной идентичности за эти два года.

При общем росте религиозности на уровне самоидентификации увеличилась и доля тех, кто соотносит себя с традиционными для России конфессиями (православием и исламом). Однако на этом фоне наблюдается явное снижение вовлеченности жителей региона во многие религиозные практики, что может указывать на снижение интереса к ним.

Декларирование религиозной принадлежности часто рассматривается как социально-позитивное или нормативное явление в обществе с высоким запросом на традиционные ценности. Поэтому респонденты могли отвечать на вопросы то, что, по их мнению, будет воспринято другими благосклонно. В связи с этим уровень декларируемой религиозности оказался выше реальной вовлеченности в религиозные практики.

В исследуемый период наблюдается рост сплоченности и чувства принадлежности к разным социально-значимым группам. При этом сохраняется достаточно высокий уровень этнической идентичности, особенно среди представителей мордовской и татарской национальностей, который заметно выше значений гражданской и религиозной идентичностей. Доминирование этнической идентичности над государственно-гражданской в целом характерно для национальных республик Российской Федерации, к которым относится и Мордовия. Регион воспринимается жителями как дом и историческая родина своего этноса, а Россия – лишь как некое территориальное и социально-правовое пространство, в котором проживает народ [16].

Кроме того, зафиксирован ряд противоречивых моментов, связанных с этноязыковой идентичностью, в частности: при достаточно хорошем общем уровне владения национальным языком почти половина опрошенных татар и мордвы родным языком считают русский, что требует дополнительного изучения.

Особенность этноконфессиональной идентичности жителей Республики Мордовия проявляется в том, что этническая принадлежность выступает одним из определяющих факторов социальной идентификации.

Главным ограничением работы выступает то обстоятельство, что анализ динамики этноконфессиональной идентичности проводился на сравнительно небольшом временном участке (ранее подобных обследований на репрезентативной выборке в регионе не проводилось). Будущие работы должны быть направлены на устранение этого ограничения в рамках лонгитюдных исследований и возможно более детально проработанных методологических инструментов, использование которых позволит определить динамику местной идентичности в более широких временных рамках. Таким образом, данное исследование служит отправной точкой для более глубокого и непрерывного изучения меняющихся идентичностей в национальных республиках Российской Федерации с целью лучшего понимания процессов самоидентификации в многоконфессиональных и полиэтнических регионах страны.

Результаты настоящей работы могут быть использованы для совершенствования национальной политики в регионе, адекватной оценки специфики межнациональных и межконфессиональных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин В.А., Морев М.В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;15(5):9–32. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1>
2. Горлова И.И., Зорин А.Л. Гармонизация межнациональных отношений как фактор, ускоряющий формирование общероссийской гражданской идентичности. *Культурное наследие России*. 2023;(2):22–29. URL: <https://clck.ru/3PtUjx> (дата обращения: 31.01.2025).
3. Назукина М.В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России. *Регионоведение*. 2018;26(4):698–717. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>
4. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы. *Вестник Российской академии наук*. 2019;89(4):408–412. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894408-412>
5. Полякова Н.Л. «Идентичность» в современной социологической теории. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2016;22(4):22–42. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-4-22-42>
6. Хачатрян Л.В. Основные подходы к осмыслению феномена идентичности. *Манускрипт*. 2019;12(7):123–126. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.25>

7. Подвойский Д.Г., Солеймани С. Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2019;19(4):825–834. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834>
8. Дробизева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма. *Мир России*. 2017;26(1):7–31. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4966> (дата обращения: 31.01.2025).
9. Дробизева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения. *Социологические исследования*. 2020;(8):37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
10. Рыжова С.В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия. *Социологические исследования*. 2019;(2):49–58. <https://doi.org/10.31857/S013216250004006-9>
11. Козин В.В., Мотькин В.Н. Социокультурные аспекты межнационального взаимодействия населения полиэтнического региона. *Миссия конфессий*. 2023;12(8):100–106. URL: <http://confessions-word.ru/images/journals/mm-73.pdf> (дата обращения: 31.01.2025).
12. Бареев М.Ю. Мусульманские ценности в восприятии современной татарской молодежи: региональный аспект. *Регионоведение*. 2023;31(4):720–732. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.720-732>
13. Агишев Р.Р. Мусульмане Мордовии: историко-социологический портрет. *Исламоведение*. 2023;14(4):55–65. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2023-14-4-55-65>
14. Полутин С.В., Бареев М.Ю., Осипенко Е.А. Этноконфессиональная и гражданская идентичность школьников старших классов в районах с компактным проживанием татар в Республике Мордовия. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2024;(4):122–131. <https://elibrary.ru/GKJMXB>
15. Горбунова А.А., Максимова С.Г. Соотношение этнического, гражданского и религиозного компонентов идентичности личности в современной России. *Политика и Общество*. 2017;(7):127–134. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20748>
16. Болотина И.И. Соотношение государственно-гражданской, региональной и этнической идентичностей в современной России. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2020;(3):28–37. URL: <https://clck.ru/3PtBBA> (дата обращения: 31.01.2025).

REFERENCES

1. Ilyin V.A., Morev M.V. The Special Military Operation Reveals New Features of Civil Society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(5):9–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1>
2. Gorlova I.I., Zorin A.L. Harmonization of Interethnic Relations as a Factor Accelerating Formation of All-Russian Civic Identity. *Cultural Heritage of Russia*. 2023;(2):22–29. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3PtUjx> (accessed 31.01.2025).
3. Nazukina M.V. Markers of Ethnicity in the Regional Identity of Russia's Republics. *Russian Journal of Regional Studies*. 2018;26(4):698–717. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>
4. Tishkov V.A. Russia's Identity: Grand Challenges. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2019;89(4):408–412. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894408-412>
5. Polyakova N.L. "Identity" in Contemporary Sociological Theory. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2016;22(4):22–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-4-22-42>
6. Khachatryan L.V. Main Approaches to Identity Phenomenon Understanding. *Manuscript*. 2019;12(7):123–126. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.25>
7. Podvoyskiy D.G., Soleimani S. The Concept of Social Identity: Basic Research Approaches. *RUDN Journal of Sociology*. 2019;19(4):825–834 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834>
8. Drobizheva L.M. National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism. *Mir Rossii*. 2017;26(1):7–31. (In Russ., abstract in Eng.) URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4966> (accessed 31.01.2025).

9. Drobizheva L.M. All-Russian National Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sociological Studies*. 2020;(8):37–50. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
10. Ryzhova S.V. Religiousness, Ethno-Confessional Identity, and Problems of Interethnic Harmony. *Sociological Studies*. 2019;(2):49–58. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250004006-9>
11. Kozin V.V., Motkin V.N. Sociocultural Aspects of Interethnic Interaction of the Population of a Multiethnic Region. *Mission Confessions*. 2023;12(8):100–106. (In Russ., abstract in Eng.) <http://confessions-word.ru/images/journals/mm-73.pdf> (accessed 31.01.2025).
12. Bareev M.Yu. Muslim Values in the Perception of Modern Tatar Youth: A Regional Aspect. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):720–732. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.720-732>
13. Agishev R.R. Muslims of Mordovia: Historical and Sociological Profile. *Islamovedenie*. 2023;14(4):55–65. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2023-14-4-55-65>
14. Polutin S.V., Bareev M.Yu., Osipenko E.A. Ethnoconfessional and Civic Identity of High School Students in Areas with a Compact Tatar Population in the Republic of Mordovia. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2024;(4):122–131. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/GKJMXB>
15. Gorbunova A.A., Maksimova S.G. Interrelation of the Ethnic, Civil, and Religious Components of the Identity of Personality in Modern Russia. *Politics and Society*. 2017;(7):127–134. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20748>
16. Bolotina I.I. The Relationship between State-Civil, Regional, and Ethnic Identities in Modern Russia. *Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences*. 2020;(3):28–37. (In Russ., abstract in Eng.) URL: <https://clck.ru/3PtbBA> (accessed 31.01.2025).

Об авторах:

Курьшова Любовь Николаевна, кандидат социологических наук, директор Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0342-8811>, SPIN-код: 9552-8262, kuryshovaln@mail.ru

Бареев Максим Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, SPIN-код: 5666-6853, bareevmaksim@rambler.ru

Курмышкина Оксана Николаевна, старший научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3324-5066>, SPIN-код: 6128-3507, mad-oksana@yandex.ru

Вклад авторов:

Л. Н. Курьшова – проведение исследования; административное руководство исследовательским проектом; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

М. Ю. Бареев – разработка концепции; разработка методологии; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

О. Н. Курмышкина – проведение исследования; формальный анализ; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 28.01.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 22.09.2025.

About the authors:

Lyubov N. Kuryshova, Cand.Sci. (Sociol.), Director of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring (39a Bogdan Khmel'nitsky St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0342-8811>, SPIN-code: 9552-8262, kuryshovaln@mail.ru

Maxim Yu. Bareev, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, SPIN-code: 5666-6853, bareevmaksim@rambler.ru

Oksana N. Kurmyshkina, Senior Researcher at the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring (39a Bogdan Khmel'nitsky St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3324-5066>, SPIN-code: 6128-3507, mad-oksana@yandex.ru

Contribution of the authors:

L. N. Kuryshova – investigation; project administration; writing – original draft preparation; specifically critical review, commentary or revision.

M. Yu. Bareev – conceptualization; methodology; writing – review and editing.

O. N. Kurmyshkina – investigation; formal analysis; writing – original draft preparation; specifically critical review, commentary or revision.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 28.01.2025; revised 15.09.2025; accepted 22.09.2025.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* system.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should

be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the Vancouver Citation Style. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10×15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Natalya V. Shumkova – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 32 86 14.

Регионология

Редактор *Н. В. Чернышова.*

Компьютерная верстка *О. С. Дроздовой.*

Перевод *С. В. Голованова.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Реестровая запись ПИ № ФС 77-85159 от 27 апреля 2023 г.

Подписано в печать 16.12.2025. Дата выхода в свет 30.12.2025. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 16,9. Тираж 1 000 экз. I завод – 100 экз. Заказ № 693. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *N. V. Chernushova*.

Desktop publishing by *O. S. Drozdova*.

Translation by *S. V. Golovanov*.

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); Registry Entry PI No. FS77-85159 of 27 April 2023.

Signed to print 16.12.2025. Date of publishing 30.12.2025. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 16.9. Number of copies: 1,000. 1st edition – 100 copies. Order No. 693. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshhevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshhevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.

Уважаемые ученые!

Редакция предлагает возможность приобретения
журнала «Регионология» / “Russian Journal of Regional Studies”.

Для оформления покупки необходимо произвести оплату
по прилагаемому платежному документу через любое отделение банка.

Извещение	Форма № ПД-4 УФК по Республике Мордовия (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» л/с 20096Х35120) КПП 132601001
Кассир	(наименование получателя платежа) 1326043499 03214643000000010900
	(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) 40102810345370000076
	корреспондентский счет
	Отделение-ОКЦ № 8 Волго-Вятского ГУ Банка России/УФК по Республике Мордовия БИК 018952501 г. Саранск
	(наименование банка получателя платежа)
	КБК 0000000000000000440 ОКТМО 89701000
	за реализацию журнала "Регионология"
	(наименование платежа) (номер лицевого счета (код) плательщика)
	Ф.И.О. плательщика:
	Адрес плательщика:
Квитанция Кассир	Сумма платежа: 500 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги: _____ руб. _____ коп
	Итого _____ руб. _____ коп. “ ” _____ 20 ____ г.
	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка ознакомлен и согласен. Подпись плательщика _____
	УФК по Республике Мордовия (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» л/с 20096Х35120) КПП 132601001
	(наименование получателя платежа) 1326043499 03214643000000010900
	(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) 40102810345370000076
	корреспондентский счет
	Отделение- ОКЦ № 8 Волго-Вятского ГУ Банка России //УФК по Республике Мордовия г. Саранск БИК 018952501
	(наименование банка получателя платежа)
	КБК 0000000000000000440 ОКТМО 89701000
за реализацию журнала " Регионология"	
(наименование платежа) (номер лицевого счета (код) плательщика)	
Ф.И.О. плательщика:	
Адрес плательщика:	
Сумма платежа: 500 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги: _____ руб. _____ коп.	
Итого _____ руб. _____ коп. “ ” _____ 20 ____ г.	
С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка ознакомлен и согласен. Подпись плательщика _____	

✂ - линия отреза

**Редакция научных журналов Высшей школы развития
научно-образовательного потенциала МГУ им. Н. П. Огарёва
представлена следующими изданиями**

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

**ИНЖЕНЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И СИСТЕМЫ**

РЕГИОНОЛОГИЯ

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР

**МЕДИЦИНА
И БИОТЕХНОЛОГИИ**

БАХТИНСКИЙ ВЕСТНИК

ОГАРЁВ-ONLINE